

香港

ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

ТАЙПАН

Роман

Не могу вспомнить, чтобы роман так захватывал меня...

Вы не просто читаете его, вы живете в нем.

New York Times Book Review

АЗБУКА

Annotation

Южный Китай в 1840–1841 годах. Европейские торговцы и авантюристы впервые начали проникать в Китай, сказочно богатую, полную опасностей и загадок страну. Жизнью платили эти люди за слабость, нерешительность и незнание обычаев Востока. И в это время англичанин Дирк Струан поставил себе целью превратить пустынный остров Гонконг в несокрушимый оплот британского могущества и подняться на вершину власти, став верховным повелителем — тайпаном.

«Тайпан» — это первый роман из саги о Благородном Доме Струанов.

Джеймс Клавелл

Тайпан

Джеймс Клавелл (1924–1994) — сценарист, режиссер, продюсер и писатель — родился в Австралии. Его отец и дед были офицерами Британского королевского флота. Они сохранили в молодом Джеймсе любовь к историям о плаваниях в океанах, об экзотических портах и великих людях. В раннем возрасте Клавелл начал изучать восточную культуру. Его способность к языкам расширила кругозор будущего писателя.

Следуя семейной традиции, Клавелл выбирает военную карьеру. Во время Второй мировой войны он попал в плен и провел в японских лагерях более более трех лет. Несчастный случай, который произошел с Клавеллом во время отпуска в Англии, заставил его закончить военную карьеру. Попробовав себя на разных поприщах, Джеймс находит свое призвание в киноиндустрии, которая в конце 1940-х годов переживает бурный подъем.

В 1953 году он эмигрирует в США, где работает на телевидении начинает карьеру киносценариста. Но подлинную известность ему приносят романы. Клавелл — признанный мастер в жанре историко-приключенческой литературы. Его книги, побившие рекорды продаж, популярны во всем мире и послужили основой для фильмов и телесериалов. В «Азиатскую сагу» писателя вошли шесть романов: «Сегун», «Тайпан», «Гайдзин», «Король крыс», «Благородный дом» и «Шамал».

Не могу вспомнить, чтобы роман так захватывал меня... Вы не просто читаете его, вы живете в нем.

New York Times Book Review

Посвящается тайтай, Холли и Микаэле

Предисловие автора

Я хочу выразить искреннюю признательность людям Гонконга, которые столь щедро делились со мной своим временем и знаниями и открыли мне дверь в свое настоящее и прошлое. Разумеется, эта книга — прежде всего роман, а не историческое повествование. Ее населяют персонажи, созданные воображением автора, и любое сходство с отдельными людьми и компаниями, которые являлись — или являются — частью Гонконга, носит случайный характер.

Дирк Струан поднялся на ют линейного корабля ее величества «Возмездие» и направился к трапу. Семидесятичетырехпушечный флагман стоял на якоре в полумиле от острова. Вокруг него расположились остальные военные корабли флотилии, десантные суда экспедиционного корпуса, лорчи и опиумные клиперы китайских торговцев.

Светало. Утро вторника, 26 января 1841 года было пасмурным и холодным.

Проходя по главной палубе, Струан взглянул на берег, и его охватило радостное возбуждение. Война с Китаем закончилась.

Его план полностью оправдал себя: победа, быстрая и почти бескровная, как он и предсказывал. Главный приз — вот этот самый остров.

Двадцать лет он жил ради этого дня. И вот сейчас отправляется на берег, чтобы присутствовать на официальной церемонии вступления во владение и увидеть своими глазами, как китайский остров засияет еще одной жемчужиной в короне ее британского величества королевы Виктории.

Остров назывался Гонконг. Тридцать квадратных миль скал и каменистой почвы к северу от устья полноводной Жемчужной реки в Южном Китае, отделенных от материка проливом не более тысячи ярдов. Негостеприимный. Непогодородный. Необитаемый, за исключением крошечной рыбацкой деревушки в южной его части. Стоящий на самом пути свирепых ураганов, которые каждый год врываються сюда из бескрайних просторов Тихого океана. Окруженный с востока и запада коварными мелями и рифами. Не приносящий никакого дохода мандарину, к чьей провинции он принадлежал.

Но Гонконг еще и величайшая гавань на свете. И для Струана это ключ, который откроет ему Китай.

— Эй, там! — крикнул молодой вахтенный офицер морскому пехотинцу в ярко-красном мундире. — Баркас мистера Струана к среднему трапу!

— Есть, сэр! — Солдат перегнулся через борт и прокричал приказ вниз.

— Сию минуту будет готово, сэр, — доложил офицер, стараясь не выдать трепета, который испытывал в присутствии торгового князя, ставшего живой легендой в китайских морях.

— Никакой спешки нет, парень.

Струан выглядел настоящим великаном. Его лицо обветрилось в тысяче штормов. Синий сюртук застегивался на серебряные пуговицы, узкие белые брюки были небрежно заправлены в морские сапоги. Он был вооружен, как обычно: нож в складке сюртука за спиной и еще один — за голенищем правого сапога. Ему минуло сорок три. У него были рыжие волосы и изумрудно-зеленые глаза.

— Славный денек, — сказал он.

— Да, сэр.

Струан спустился по трапу, вступил на нос баркаса и улыбнулся своему сводному брату Роббу, который сидел в середине.

— Опаздываем, — с широкой улыбкой заметил Робб старшему брату.

— Да. Его превосходительство и адмирал затеяли состязаться в многословии. — Струан на мгновение задержался взглядом на острове. Затем махнул рукой боцману: — Отчаливаем. К берегу, мистер Маккей!

— Так точно, есть, сэр-р!

— Наконец-то! После столько лет, а, тайпан? — спросил Робб.

«Тайпан» по-китайски означало «верховный повелитель». В торговой компании, в армии, на флоте или у целого народа есть только один такой человек — тот, кто держит в своих руках всю реальную власть.

— Да, — ответил Струан.

Он был тайпаном Благородного Дома.

Глава 1

— Чума заberi этот вонючий остров! — проворчал Брок, оглядывая пляж и поднимая взгляд на гору. — Весь Китай у наших ног, а что мы берем? Ничего, кроме этой голой растреклятой скалы.

Он стоял на берегу у самой воды в компании двух китайских торговцев. Вокруг небольшими группами расположились еще торговцы и офицеры экспедиционного корпуса. Все ожидали, когда офицер Королевского флота начнет церемонию. Почетный караул из двадцати морских пехотинцев двумя ровными шеренгами выстроился у флагштока, алый цвет их мундиров резал глаз. Неподалеку от них неопрятными кучками толпились матросы, только что с огромным трудом установившие высокий шест в каменистой почве.

— Восемь склянок было время поднятия флага, — продолжал Брок охрипшим от нетерпения голосом. — На час уже опаздываем. Какого дьявола, кому нужны эти задержки, в бога душу мать?!

— Ругаться во вторник — плохой йосс, мистер Брок, — заметил Джефф Купер, крючконосый американец из Бостона, в черном сюртуке и лихо заломленном набор фетровом цилиндре. — Очень плохой!

Партнер Купера, Уилф Тиллман, приземистый, крепко сбитый южанин из Алабамы, внутренне напрягся, уловив скрытый вызов в несколько гнусавом голосе своего молодого компаньона.

— А я вам вот что скажу: весь этот чертов кусок дерьма размером с мушиное пятно — плохой йосс! — раздраженно ответил Брок. «Йосс» было китайским словом, означавшим удачу, неудачу, Бога и дьявола одновременно. — Такой плохой, что хуже некуда.

— Было бы лучше, если бы это оказалось не так, сэр, — вмешался в разговор Тиллман. — Здесь сейчас закладывается будущее всей торговли с Китаем, хороший там йосс или плохой.

Брок пристально посмотрел на него сверху вниз.

— Нет у Гонконга никакого будущего. Нам нужны открытые порты на материковом побережье Китая, и вы, черт меня побери, сами это прекрасно знаете!

— Гавань здесь самая лучшая в этих водах, — возразил Купер. — Хватит места, чтобы откилевать и переоснастить все наши корабли. Остров достаточно велик, чтобы построить здесь дома и пакгаузы. И главное — здесь мы наконец сами себе хозяева.

— Колония должна иметь плодородные земли и крестьян, чтобы их обрабатывать, мистер Купер. Должна приносить доход, — горячась, начал объяснять Брок. — Я исходил остров вдоль и поперек. Да вы и сами все видели. Урожая здесь не вырастить. Нет ни полей, ни рек, ни лугов. Значит, ни мяса тебе, ни картофеля. Все необходимое придется доставлять

морем. Прикиньте-ка, во что это встанет. Черт, даже рыбы тут толком не наловишь! А кто будет оплачивать содержание Гонконга, а? Мы и наша торговля, клянусь Богом!

— А-а, так вот какая колония вам нужна, мистер Брок, — произнес Купер. — А я-то думал, что у Британской империи, — он ловко сплюнул, — таких колоний уже достаточно.

Рука Брока незаметно передвинулась ближе к ножу.

— Вы плюнули, потому что у вас запершило в горле, или вы плюнули на Империю?

Тайлеру Броку было под пятьдесят. Это был одноглазый исполин, твердый и несокрушимый, как железо, которое ему в дни юности приходилось разносить покупателям в Ливерпуле, ловкий, сильный и опасный, как торговые суда, несущие по двадцать пушек, на которых он мальчишкой сбежал из дому и которыми со временем сам стал управлять как глава торгового дома «Брок и сыновья». Одевался он богато, рукоятку ножа, висевшего у пояса, украшали драгоценные камни. Его волосы уже поседели, начинала седеть и борода.

— День сегодня выдался холодный, мистер Брок, — быстро проговорил Тиллман, злясь в душе на своего молодого партнера за его несдержанный язык. Брок не из тех людей, которых позволительно дразнить удовольствия ради, а они пока не могут открыто враждовать с ним. — Ветер прямо до самых костей пробирает, а, Джефф?

Купер коротко кивнул. Однако глаз не опустил и по-прежнему продолжал смотреть на Брока. Ножа у Купера не было, но в кармане он носил «дерринджер». Одного роста с Броком, Купер был не так широк в плечах, однако не боялся никого на свете.

— Я дам вам один совет, мистер Купер, — тяжелым голосом произнес Брок. — Лучше вам не плевать слишком часто после слов «Британская империя». А то найдутся люди, которые могут и не спросить, какие у вас были намерения.

— Благодарю вас, мистер Брок, я запомню, — небрежно ответил Купер. — У меня для вас тоже есть совет: ругаться по вторникам — плохой йосс.

Брок подавил в себе раздражение. Придет время, и он без всякой жалости раздавит Купера, Тиллмана и их компанию — крупнейшую среди американских. Но сейчас он нуждался в них как в союзниках против Дирка и Робба Струанов. Вспомнив о Дирке, Брок выругался про себя и в который раз проклял йосс. Йосс сделал Струана и его компанию крупнейшим торговым домом в Азии, настолько богатым и могущественным, что другие китайские торговцы, благоговей и завидуя, называли его благородным Домом — «благородным», потому что он с истинно королевским постоянством был первым всегда и во всем: самый крупный, самый богатый, с самым большим торговым оборотом и лучшими клиперами, и главное — потому, что Дирк Струан был тайпаном, первым среди всех тайпанов Азии. И тот же йосс стоил Броку глаза семнадцать лет назад, как раз в тот самый год, когда Дирк положил начало своей империи.

Это произошло у острова Чушань, недалеко от устья великой Янцзы, чуть южнее огромного порта, который назывался Шанхай. Брок прорвался сквозь муссоны с небывалым грузом опиума. Струан отстал от него на несколько дней, тоже с опиумом в трюмах. Брок первым добрался до Чушаня, продал груз и повернул назад, довольно ухмыляясь при мысли, что Струану придется идти дальше на север и пытаться с новым для себя риском продать опиум в незнакомых местах. Брок, набив сундуки серебряными слитками, со свежим попутным ветром спешил на юг домой — в Макао, когда со стороны моря внезапно налетел страшной силы ураган. Китайцы звали эти ураганы Большой Ветер, а европейцы тайфунами. Море во время тайфуна превращалось в ад.

Тайфун безжалостно расправился с кораблем Брока, его самого придавило рухнувшей

мачтой и брусьями. Пока он, беспомощный, лежал там, оборванный конец фала, став игрушкой ветра, хлестал его, подобно бичу. Команда освободила его из-под обломков, но не раньше, чем обрывок каната с металлическим кольцом на конце выбил ему левый глаз. Корабль к этому времени лег на борт, и Брок вместе со всеми рубил такелаж, спуская в воду переломанные мачты, реи. Каким-то чудом судно выпрямилось. Тогда он залил в кровоточащую глазницу бренди — он до сих пор помнил эту боль.

И он помнил, что через много дней после того, как его уже сочли погибшим, он все-таки дотащился в порт. От трехмачтового красавца-клипера остался один корпус, который тек по всем швам. Паруса, мачты, пушки — все бесследно сгинуло в пучине. И к тому времени, когда Брок заново оснастил судно, доставил на борт пушки, ядра и порох, набрал команду и купил новый груз опиума, заработанное им в том плавании серебро растаяло как дым.

Струан попал в тот же шторм на своей лорче — небольшом судне с европейским корпусом и китайским такелажем, которым пользовались для контрабандных перевозок в прибрежных водах в хорошую погоду. Но Струан сумел выбраться из урагана целым и невредимым, и когда он, по обыкновению элегантный и невозмутимый, подошел приветствовать Брока на пирсе, его странные зеленые глаза смеялись.

Дирк и его проклятый йосс, думал Брок. Йосс помог Дирку превратить одну-единственную вонючую лорчу в целый флот клиперов и сотни лорчей, в забитые товарами пакгаузы, груды серебра. В растреклятый Благородный Дом, черт бы его побрал! Йосс спихнул «Брока и сыновей» на трижды растреклятое второе место. Второе! И все эти годы, продолжал негодовать Брок, йосс склонял к Струану ухо нашего бесхребетного полномочного посланника, его растакого-разэтакого превосходительства Лонгстаффа, разрази гром этого идиота! И вот теперь они на пару продали нас ни за грош.

— Чума на этот Гонконг! И чума на Струана!

— Если бы не план Струана, вы бы никогда не выиграли эту войну с такой легкостью.

Война началась два года назад в Кантоне, когда китайский император, решив привести европейцев к покорности, попытался положить конец контрабандной торговле опиумом, которая являлась краеугольным камнем всей британской торговли с Китаем. Наместник Линь окружил европейское поселение в Кантоне войсками и потребовал, чтобы ему доставили все до последнего ящики с опиумом, сколько их найдется в Азии, в качестве выкупа за жизнь незащищенных английских торговцев. Через некоторое время ему были переданы двадцать тысяч ящиков опиума, которые тут же уничтожили, а заложникам разрешили уехать в Макао. Но Британия не собиралась терпеть ни вмешательства в свои торговые дела, ни действия, угрожающие жизни ее подданных. Шесть месяцев назад на Восток прибыл Британский экспедиционный корпус, который формально был передан в распоряжение капитан-суперинтенданта торговли Лонгстаффа.

Но именно Струан разработал хитроумный план, согласно которому следовало оставить в покое Кантон, где начались все неприятности, и отправить экспедиционный корпус на север к Чушаню. Струан рассчитал, что англичанам будет нетрудно овладеть островом, поскольку китайцы не имели представления о современной войне и были бессильны против любой европейской армии или флота. Оставив на Чушане небольшой гарнизон и несколько кораблей, чтобы блокировать устье Янцзы, экспедиционный корпус должен был двинуться дальше на север, подойти к устью Бэйхэ и угрожать оттуда Пекину — столице Китая, находившейся всего в ста милях вверх по течению. Струан понимал, что только такая непосредственная опасность заставит императора запросить мира — и немедленно. Этот

блестящий замысел великолепно оправдал себя. Экспедиционный корпус прибыл к берегам Китая в июне прошлого года. К июлю англичане уже были на Чушане. К августу флот встал в устье Бэйхэ. А еще через две недели император прислал чиновника, чтобы обсудить условия мирного договора — впервые в китайской истории император официально признал существование европейцев. И война закончилась почти без потерь с обеих сторон.

— Лонгстафф поступил очень разумно, последовав этому плану, — уверенно заявил Купер.

— Любой китайский торговец скажет вам, как поставить китаезу на колени, — грубо ответил Брок. Он сдвинул цилиндр со лба назад и поправил повязку на глазу. — Лучше объясните, почему Лонгстафф и Струан согласились вести переговоры здесь, в Кантоне. Каждый дурак знает, что вести переговоры для китайца означает просто тянуть время. Нам нужно было стоять на севере у Бэйхэ до тех пор, пока мирный договор не будет подписан. Так ведь нет, мы вернулись со всем флотом назад и вот уже полгода ждем, когда эти содомиты приложат наконец перо к бумаге. — Брок сплюнул. — Глупо все, чертовски глупо! Нам следовало оставить за собой Чушань. Вот уж, скажу я вам, остров так остров. — Чушань имел двадцать миль в длину и десять в ширину, земли его были богаты и плодородны, построенный там большой город Динхай был удобным портом. — На Чушане, по крайности, можно вздохнуть полной грудью. Да что говорить, три-четыре фрегата с этого острова закупорят Янцзы быстрее, чем вы шляпу снимете. А кто держит в своих руках эту реку, тому открыт путь к сердцу Китая.

— Чушань пока что еще у вас, мистер Брок.

— Ну да. Только это не записано в вонючем договоре, так что он вроде и не наш. — Брок принялся притопывать ногами, чтобы согреться на холодном ветру.

— Может быть, вам стоит поговорить об этом с Лонгстаффом, — предложил Купер. — Он обычно прислушивается к советам.

— Только не к моим, нет. И вам это хорошо известно. Но я вот что скажу: когда в парламенте услышат об этом договоре, вот тогда и придет час расплаты, помяните мое слово.

Купер закурил сигару:

— Здесь я, пожалуй, соглашусь с вами. Это поразительный документ, мистер Брок. Особенно в наше время, когда все европейские державы захватывают земли, где только можно, и рвутся к власти.

— Соединенные Штаты, я так полагаю, остаются выше этого? — Лицо Брока стало жестким. — А как насчет ваших индейцев? А покупка Луизианы? Испанская Флорида? Вы уже посматриваете на Мексику и на русскую Аляску. В последней почте говорилось, что вы даже пытаетесь прибрать к рукам Канаду. А?

— Канада американская, а не английская. Мы не будем воевать с вами из-за Канады, она присоединится к нам по своей доброй воле, — ответил Купер, скрывая беспокойство.

Он подергал себя за бачки и плотнее запахнул сюртук, чтобы защититься от пронизывающего ветра. Купер понимал, что война с Британской империей сейчас будет катастрофой и погубит компанию «Купер и Тиллман». Черт бы побрал войны! Но при этом он знал и то, что Штатам рано или поздно придется воевать за Мексику и Канаду, если не отыщется иного решения. Точно так же, как Британии пришлось воевать с Китаем.

— Никакой войны не будет, — сказал Тиллман, дипломатично пытаясь успокоить своего компаньона. Он вздохнул и пожалел, что сейчас не у себя в Алабаме. Вот где человек может жить как джентльмен. Там не придется каждый божий день иметь дело с проклятыми

англичанами, или с богохульствующим и сквернословящим отребьем вроде Брока, или с самим дьяволом во плоти вроде Струана, или даже со старшим партнером Джефферсоном Купером, который считает Бостон пупом земли и по молодости лет не имеет представления о сдержанности. — И эта война уже закончилась, к лучшему то или к худшему.

— Помяните мои слова, мистер Тиллман, — обратился к нему Брок. — Этот растреклятый договор ничего не дает ни нам, ни им. Нам нужно было закрепить на Чушане и открыть порты на материковом побережье. Через пару-тройку недель воевать придется снова. В июне, когда ветер посвежеет и погода установится, флоту опять плыть на север к Бэйхэ, это уж как пить дать. А если дело дойдет до драки, как, спрашивается, мы сможем закупить чай и шелка, когда время придет? В прошлом году торговля почти остановилась из-за войны, в позапрошлом вообще прекратилась, да еще в придачу весь наш опиум забрали на выкуп. Восемь тысяч ящиков только у меня одного. Мне это обошлось в два миллиона таэлей серебром. Наличными.

— Ну, эти-то деньги не пропали, — возразил Тиллман. — Ведь тогда Лонгстафф приказал нам расстаться с ними. Чтобы спасти наши жизни. Он выдал нам бумагу от имени британского правительства. Да и в договоре это есть. Нам должны вернуть шесть миллионов таэлей серебром за конфискованный опиум.

Брок грубо расхохотался:

— Вы думаете, парламент признает писульку Лонгстаффа? Господи, да любое правительство вылетит из своих кресел в мгновение ока, стоит ему лишь заикнуться о выделении денег для уплаты за опиум! А что до шести миллионов по договору, так все это пойдет в счет военных издержек. Я знаю парламент лучше вас. Мой совет вам обоим: помашите своим пятистам тысячам таэлей ручкой. Так что, если мы ввяжемся в войну и в этом году, торговли опять не будет. А не будет торговли, мы все вылетим в трубу. Вы, я, любой китайский торговец. Даже Благородный Дом, чтоб он провалился ко всем чертям!

Резким движением Брок вытащил часы из кармана. Церемония должна была начаться уже час назад. Время уходит, подумал он. Да, но не для компании «Брок и сыновья», Господь свидетель. Семнадцать лет Дирку сопутствует добрый йосс, но теперь настала пора перемен.

Брок с торжеством подумал о своем втором сыне, Моргане, который умело — и безжалостно — управлял всеми их вкладами в Англии. Он спрашивал себя, удалось ли Моргану подорвать влияние Струана в парламенте и банковских кругах. Клянусь Господом, мы еще пустим тебя ко дну, Дирк, думал он, и твой Гонконг вместе с тобой!

— Какого черта, почему не начинаем? — раздраженно бросил он и заторопился к морскому офицеру, который расхаживал взад-вперед рядом с шеренгами морских пехотинцев.

— Что с тобой творится, Джефф? Ты же знаешь, что он прав насчет Гонконга, — заговорил Тиллман, когда Брок отошел достаточно далеко. — Тебе следовало бы дважды подумать, прежде чем задирать его.

Купер слабо улыбнулся:

— Брок так чертовски самоуверен. Ничего не мог с собой поделаться.

— Если Брок прав относительно нашего полумиллиона таэлей, мы банкроты.

— Да. Но Струан потеряет в десять раз больше, если выплата не состоится. Так что деньги он получит, можешь не сомневаться. Ну а вместе с ним получим свое и мы. — Купер посмотрел вслед Броку. — Как ты думаешь, ему известно о нашей сделке со Струаном?

Тиллман пожал плечами:

— Не знаю. Одно скажу: насчет договора Брок прав. Это глупость. Он еще влетит нам в копеечку.

Последние три месяца компания «Купер и Тиллман» действовала как тайный агент Благородного Дома. Британские военные корабли блокировали Кантон и устье Жемчужной реки, и английским купцам было запрещено торговать с китайцами. Лонгстафф — по совету Струана — наложил это эмбарго как еще одно средство ускорить подписание мирного договора, зная, что склады в Кантоне буквально завалены чаем и шелком. Но поскольку Америка не объявляла войны Китаю, американские корабли могли беспрепятственно проходить в порт, показывая нос английским фрегатам. Поэтому компания «Купер и Тиллман» закупила четыре миллиона фунтов чая у Чэнь-цзе Жэнь Ина, или Жэнь-гуа, как его прозвали европейцы, — самого богатого китайского купца, и переправила все это в Манилу, якобы для испанских торговцев. В Маниле испанский чиновник за солидную взятку выдал необходимые разрешения на ввоз и вывоз, и чай был перегружен — беспошлинно — на клиперы Струана, которые на всех парусах полетели в Англию. С Жэнь-гуа расплатились опиумом с целого корабля, который Струан доставил в укромное место на побережье.

Гениальный план, думал Купер. Каждый получил нужный товар. Но мы заработали бы целое состояние, если бы американские корабли могли доставлять чай непосредственно в Англию. И Купер в который раз стал проклинать британские Навигационные акты, воспреещающие любым судам, кроме британских, доставлять грузы в английские порты. Черт их всех побери, негодовал он, мир принадлежит им!

— Джефф!

Купер проследил направление взгляда своего компаньона. Какое-то короткое мгновение он не мог отыскать в переполненной гавани то, что привлекло внимание Тиллмана. Наконец он заметил баркас, отчаливший от флагманского корабля, и в нем — высокого рыжего шотландца, который был столь могуществен, что заставил сам парламент служить своим целям и вовлек в войну величайшую державу на земле.

— Было бы, наверное, слишком наивно надеяться, что Струан не доплывет до берега.

Купер рассмеялся:

— Ты несправедлив к нему, Уилф. Да к тому же у моря никогда не хватит дерзости его тронуть.

— Может быть, и хватит. Давно, ох, давно пора. Клянусь всем, что есть в мире святого.

Дирк Струан стоял на носу баркаса, нырявшего вверх-вниз на невысокой волне. И хотя время начала церемонии уже прошло, он не поторапливал гребцов, зная, что без него она все равно не состоится.

Баркас находился в трехстах ярдах от берега. Боцманское «так держать» приятно пророкотало, растворяясь в бодрящем северо-восточном муссоне. Далеко впереди и в вышине ветер набирал силу и гнал облака с материка, через остров и дальше, в открытый океан.

В гавани было тесно от кораблей — сплошь британских, не считая лишь нескольких американских и португальских. Торговые суда всех размеров. До войны «купцы» стояли бы на якоре в Макао, крохотном португальском поселении, построенном на выступающем в море пятачке земли в сорока милях к юго-западу от Гонконга, по ту сторону огромного устья Жемчужной реки. Или у острова Вампоа в тринадцати милях южнее Кантона. Китайские законы запрещали кораблям европейцев подходить к Кантону ближе этого острова. Императорским указом вся торговля с Европой концентрировалась в этом городе. Если

верить слухам, за его стенами жило свыше миллиона человек. Но ни один европеец не знал этого наверняка, поскольку ни один еще никогда не ходил по его улицам.

С древних времен китайцы придерживались в отношениях с европейцами самых жестких законов, практически закрывавших для них страну. Негибкость установившейся системы, недостаточная свобода для европейских коммерсантов появляться там, где им вздумается, и торговать так, как им хочется, и послужили причиной войны.

Когда баркас со Струаном проплывал мимо одного из торговых кораблей, несколько детей помахали ему с палубы, и он помахал им в ответ. Хорошо, подумал он, что у ребятшек будет наконец-то свой дом, настоящий дом на собственном куске твердой земли. С началом войны всех британских подданных в целях безопасности эвакуировали на корабли. Всего их набралось примерно сто пятьдесят мужчин, шестьдесят женщин и восемьдесят детей. Некоторые семьи кочевали с одного корабля на другой без малого год.

Вокруг торговых судов расположились боевые корабли Британского экспедиционного корпуса: семидесятичетырех-, сорокачетырех-, двадцатидвухпушечные линейные, бриги, фрегаты — малая часть небывалого по мощи флота. И вместе с ними десятки десантных кораблей, доставивших сюда четыре тысячи британских и индийских солдат — небольшую часть сильнейшей в мире армии.

Среди этих кораблей выделялись великолепные, с наклонными мачтами опиумные клиперы — самые быстрые суда из всех, какие когда-либо строились.

Струан почувствовал, как волнение охватывает его при виде этого острова с его главной вершиной, поднимающейся на пятьсот с лишним метров почти из моря. Он еще ни разу не был на Гонконге, хотя знал о нем больше, чем любой другой человек. Он поклялся, что не ступит на этот берег, пока остров не станет британским. Ему нравилось быть таким по-королевски высокомерным. Однако клятва не помешала ему послать на Гонконг своих капитанов и брата Робба, которые обследовали каждую его пядь. Он знал все рифы и скалы, долины и холмы, знал, где будет строить свои пакгаузы и Большой Дом компании и где пройдут дороги.

Струан повернулся и посмотрел на свой клипер «Китайское облако», несущий на борту двадцать две пушки. Все клиперы компании Струана имели в своих названиях слово «облако» в честь его матери, умершей много лет назад, которая принадлежала к клану Макклаудов^[1]. Матросы красили и драили и без того сверкающий чистотой корабль. Шел осмотр орудий и проверка такелажа. Юнион Джек гордо плескался на корме, а флаг компании — на бизани. На флаге Благородного Дома переплелись красный королевский лев Шотландии и зеленый императорский дракон Китая. Под этим флагом двадцать оснащенных пушками клиперов бороздили все океаны мира, и сотня быстрых вооруженных лорчей контрабандой доставляла опиум на побережье. Он развевался также и на трех громадных плавучих складах опиума, под которые были приспособлены корпуса больших торговых судов. И тот же флаг реял на «Отдыхающем облаке» — крупном, проводившем большую часть времени на рейде командном судне с его сейфами для перевозки серебра, рабочими кабинетами, роскошными каютами и кают-компаниями.

Ах ты, красавец, с гордостью подумал Струан, глядя на свой флаг.

Впервые он поднял его на груженной опиумом лорче, захваченной у пиратов. Прибрежные воды буквально кишели пиратами и корсарами всех мастей, так что китайские и португальские власти даже назначали крупные суммы серебром в награду за их поимку. Поэтому, когда ветер и море не позволяли заниматься контрабандой или весь опиум

оказывался распроданным, Струан отправлялся на охоту. Серебро, которое ему приносили налеты на пиратов, шло на закупку новых партий опиума. Чертово зелье, подумал он, поморщившись. Но Струан знал, что его жизнь накрепко связана с опиумом. Без него не могли бы существовать ни Благородный Дом, ни сама Британская империя.

Причину этого следовало искать начиная с 1699 года, когда первый британский корабль мирно продал свой груз в Китае и привез назад шелка и — впервые — удивительную траву, которая называлась чай, — на всей земле лишь Китай выращивал ее дешево и в изобилии. В обмен на нее китайский император согласился брать только серебро. И с тех пор эта политика оставалась неизменной.

За пятьдесят с небольшим лет чай стал самым популярным напитком на Западе — и особенно в Англии, крупнейшей торговой державе. Еще через двадцать лет чай сделался для британского правительства главным источником доходов от внутреннего налогообложения. А к концу XVIII века отток серебра в Китай практически опустошил государственную казну, и несбалансированная торговля, при которой за чайный лист платили звонкой монетой, стала национальной катастрофой.

В течение всего XVIII века британская Ост-Индская компания — гигантская, наполовину частная, наполовину государственная корпорация, получившая особым парламентским актом безраздельное право на торговлю с Индией и всей остальной Азией, — с возрастающим отчаянием предлагала взамен серебра все, что только можно: хлопчатобумажные ткани, ткацкие станки, даже пушки и корабли. Но императоры по-прежнему отвечали высокомерным отказом. Они считали, что Китай в состоянии сам обеспечить себя всем необходимым, с презрением относились к варварам, как они называли всех не китайцев, и рассматривали остальные страны мира как своих вассалов.

И вот, тридцать лет назад, британское торговое судно «Блуждающая звезда» поднялось вверх по Жемчужной реке и бросило якорь у острова Вампоа. В трюмах этого судна находился секретный груз — опиум, который в избытке производился в Британской Бенгалии. Опиум китайцы употребляли уже много веков — правда, доступен он был либо очень богатым, либо тем, кто жил в провинции Юньнань, где тоже рос мак, — тем не менее это была контрабанда. Ост-Индская компания тайно выдала капитану «Блуждающей звезды» разрешение предложить опиум китайцам. Но только за серебро. Китайская купеческая гильдия, которой император своим указом предоставил монополию на торговлю с Западом, купила груз и тайно продала его с огромной прибылью. Следуя джентльменскому соглашению, капитан «Блуждающей звезды» передал серебро представителям Компании в Кантоне, получил свою долю в виде чека, выписанного на лондонский банк, и, не теряя времени, полетел назад в Калькутту за новым грузом опиума.

Струан хорошо помнил «Блуждающую звезду». Он плавал на ней юнгой. На этом корабле он стал мужчиной — и увидел Азию. И поклялся уничтожить Тайлера Брока, который был на «Звезде» третьим помощником капитана. Струану тогда исполнилось двенадцать, Броку — восемнадцать, и он был не по годам силен. Брок возненавидел его с первого взгляда и с особым удовольствием придирался к нему, урезая паек, назначая вне очереди на вахту, отправляя на рей в бурную погоду, всячески издеваясь и изводя непосильной работой. Малейшая оплошность — и Струана привязывали к мачте, а по его спине начинала гулять плеть.

На «Блуждающей звезде» Струан проплавал два года. Потом как-то ночью судно наскочило на риф в Малаккском проливе и пошло ко дну. Струан выплыл на берег и добрался

до Сингапура. Позже он узнал, что Брок тоже остался в живых, и эта новость сделала его счастливым. Он жаждал мести, но хотел сам выбрать способ и время.

Струан нанялся на другой корабль. К тому времени Ост-Индская компания выдала тайные лицензии на торговлю опиумом уже многим независимым торговцам, тщательно отобранным среди капитанов собственных кораблей, и продолжала продавать им только бенгальский опиум по сходной цене. Компания стала получать гигантскую прибыль и сосредоточила в своих руках огромные запасы серебра. Китайские купцы и мандарины закрывали глаза на эту незаконную торговлю, поскольку их собственные доходы тоже резко возросли. И, будучи тайными, эти доходы не учитывались при исчислении обязательной мзды, регулярно выплачиваемой императору.

Опиум стал основным товаром, ввозимым в Китай. Ост-Индская компания быстро монополизировала все его мировые запасы за пределами провинции Юньнань и Оттоманской империи. За двадцать лет количество серебра, вырученного за контрабанду опиума, сравнялось с долгом за чай и шелк.

Баланс торговли был наконец восстановлен. Затем стрелка весов наклонилась в другую сторону, потому что потребителей опиума в Китае оказалось в двадцать раз больше, чем потребителей чая в Западной Европе, и серебро хлынуло в карманы европейцев таким мощным потоком, что это встревожило даже китайских купцов. Компания вновь предложила другие товары, чтобы стабилизировать торговлю. Но император остался непреклонен: за чай — только серебро.

К двадцати годам Струан уже являлся капитаном собственного судна, на котором перевозил опиум. Брок был его основным конкурентом. Они беспощадно соперничали друг с другом. Через шесть лет Струан и Брок стали главными фигурами среди торговцев с Китаем.

Тех, кто занимался контрабандой опиума, стали называть китайскими торговцами. Это была группа неустрашимых, жестких, предприимчивых индивидуалистов, командовавших собственными кораблями — англичан, шотландцев, нескольких американцев. Они с легким сердцем направляли свои крошечные суда в незнакомые воды навстречу неведомым опасностям. Другой жизни они не знали и не хотели. В море они уходили, чтобы мирно торговать: это были купцы, а не завоеватели. Но если море становилось враждебным, если на них нападали, мирные суда превращались в боевые корабли. И если они дрались плохо, корабли бесследно исчезали и о них быстро забывали.

Китайские торговцы очень скоро поняли: в то время как они постоянно рискуют, Компании достается львиная доля прибыли. И, кроме того, их не допускали к законной — и баснословно выгодной — торговле чаем и шелком. Поэтому, продолжая жестокую конкуренцию между собой, они, следуя увещаниям Струана, начали совместную борьбу против Компании, чтобы лишить ее монополии на торговлю с Азией. Без этой монополии торговцы могли бы превращать опиум в серебро, серебро — в чай, затем доставлять чай в Европу на своих кораблях и продавать его в страны всего мира. В этом случае китайские торговцы самостоятельно контролировали бы всю мировую торговлю чаем и их доходы превысили бы всякое воображение.

Местом, где разгорелась эта борьба, оказался парламент. Парламент предоставил Компании исключительные торговые привилегии два столетия назад, и только парламент мог их теперь отозвать. И вот китайские торговцы стали выделять огромные суммы, покупая голоса, поддерживая тех членов парламента, которые верили в свободное соперничество и свободную торговлю, обращаясь в газеты и к членам правительства. Они были настроены

решительно, и растущее богатство придавало их словам все больший и больший вес. Они были терпеливы, настойчивы и неукротимы — такими их взрастило море, и в упорстве при достижении намеченной цели они не знали себе равных.

Компания была взбешена этим наступлением и не хотела расставаться со своими привилегиями. Но она отчаянно нуждалась в китайских торговцах для пополнения запасов серебра, шедшего в уплату за чай, и к этому времени уже попала в зависимость от тех огромных доходов, которые приносила ей продажа бенгальского опиума. Поэтому она осторожно и очень тщательно организовала в парламенте отпор посягательствам на свои интересы. Парламент, в свою очередь, оказался между двух огней. Он открыто порицал торговлю опиумом, но нуждался в доходах от продажи чая и торговли с Индией. Парламент старался прислушиваться и к китайским торговцам, и к Компании, а в результате не удовлетворил ни тех ни других.

Тогда Компания решила наказать Струана и Брока, своих основных противников. Она лишила их лицензий на торговлю опиумом и разорила их.

У Брока остался его корабль, у Струана не осталось ничего. Брок вступил в тайное партнерство с другим китайским торговцем и продолжил борьбу против Ост-Индской компании. Струан и его команда напали на логово пиратов к югу от Макао, сожгли его и захватили самую быстроходную лорчу. Затем Струан стал тайно перевозить опиум для других торговцев, захватывая все новые и новые пиратские суда и неуклонно увеличивая свое состояние. Вместе с остальными китайскими торговцами он тратил все большие суммы, покупая новые голоса, сея недоверие и возмущение до тех пор, пока парламент не начал открыто требовать полного уничтожения Компании. Семь лет назад парламент принял акт, лишавший Ост-Индскую компанию монополии на торговлю с Азией и открывавший эту часть света для свободной торговли. Однако этим же актом за Компанией сохранялось исключительное право на торговлю с Британской Индией, что означало мировую монополию на опиум. Парламент единодушно осудил торговлю опиумом. Компания не хотела его продавать. Сами китайские торговцы предпочли бы другой, но не менее выгодный, товар. Однако при этом все понимали, что без установившегося баланса «чай — серебро — опиум» империю ждет крах. Это был факт мировой торговли, который приходилось принимать.

Обретя долгожданную свободу, Струан и Брок быстро превратились в торговых принцев крови. Вооруженный флот каждого рос и становился все мощнее. И соперничество в торговле сделало их давнюю вражду еще острее.

Для заполнения политического вакуума, образовавшегося в Азии, когда Ост-Индская компания потеряла там свою власть и торговля стала свободной, британское правительство назначило туда своего дипломата, почтенного Уильяма Лонгстаффа, сделав его капитан-суперинтендантом торговли и вменив ему в обязанность защиту интересов короны. Эти интересы сводились к неуклонному расширению товарооборота — для увеличения отчисляемых в государственную казну сумм — и к тому, чтобы не допускать к торговле с Азией все остальные европейские державы. Лонгстафф отвечал также за безопасность торговли и британских подданных. Однако его полномочия были сформулированы весьма расплывчато и реальной власти для определения политики в регионе он не получил.

Бедный малыш Уилли, беззлобно подумал Струан. Даже после семи лет моих терпеливых разъяснений наше «высокое» превосходительство капитан-суперинтендант торговли все еще не в состоянии видеть дальше собственного носа.

Струан посмотрел на берег как раз в тот момент, когда солнце появилось над горой и

залило неожиданным светом собравшихся людей: друзей и врагов, но в обоих случаях соперников. Он повернулся к Роббу:

— Взгляни-ка на них. Ни дать ни взять дружная компания, вышедшая, чтобы тепло нас встретить. — Годы, проведенные вдали от родины, не стерли окончательно его шотландского выговора.

Робб Струан коротко хохотнул и еще круче посадил на ухо фетровую шляпу.

— По-моему, Дирк, они все молятся, чтобы мы сейчас, у них на глазах, пошли ко дну.

Роббу было тридцать три. Темные волосы, чисто выбритое лицо, глубоко посаженные глаза, тонкий нос и пышные бакенбарды. Он был одет во все черное, за исключением плаща из темно-зеленого бархата, белой рубашки с оборками и белого галстука. Запонки и пуговицы на рубашке были с рубинами.

— Боже милостивый, да это никак капитан Глессинг? — спросил он, вглядываясь в собравшихся на берегу.

— Он самый и есть, — ответил Струан. — Я подумал, что именно ему следует зачитать постановление.

— А что сказал Лонгстафф, когда ты предложил его кандидатуру?

— «Чес-с-слово, Дирк, ну хорошо, пусть будет он, если вы полагаете это разумным». — Струан улыбнулся. — Мы далеко продвинулись с тех пор, как начали, клянусь Господом Богом!

— Ты продвинулся, Дирк. Когда я сюда приехал, все уже было готово.

— Ты наш мозг, Робб. Я всего лишь твердая рука.

— Да, тайпан, конечно. Всего лишь твердая рука. — Робб прекрасно понимал, что его сводный брат был тем, кем был — тайпаном, и что в торговом доме «Струан и компания» и во всей Азии Дирк Струан единственный имел право на этот титул. — Чудесный сегодня денек для поднятия флага, не правда ли?

— Да, — ответил Робб, продолжая наблюдать за братом, когда тот опять повернулся к берегу.

Дирк казался ему таким огромным, стоя там, на носу баркаса, — выше скал и, как они, несокрушимый. Как бы я хотел быть похожим на него, подумал Робб.

Робб участвовал в контрабандном рейсе лишь однажды, вскоре после своего приезда на Восток. На их корабль напали китайские пираты, и Робб едва не лишился рассудка от ужаса. Его до сих пор мучил стыд, хотя Струан и сказал ему тогда: «В этом нет никакой беды, парень. Первый раз в сражении всегда трудно». Но Робб раз и навсегда понял, что он не боец. Ему не хватало храбрости. Он нашел другие способы помогать брату. Покупал чай, шелк и опиум. Договаривался о займах и присматривал за серебром. Вникал в механизм мировой торговли и финансирования, становившийся день ото дня все более сложным. Охранял брата, компанию и их флот, обеспечивал их безопасность. Продавал чай в Англии. Вел счета. Словом, делал все, что позволяет современной компании успешно работать. Да, все это верно, говорил себе Робб, но без Дирка ты ничто.

Струан рассматривал людей на берегу. До них оставалось не менее двухсот ярдов, но он уже отчетливо видел лица. Большинство из них были обращены к баркасу. Струан улыбнулся про себя.

Да, подумал он, мы все собрались здесь в этот день, назначенный судьбой.

Морской офицер капитан Глессинг терпеливо ждал, когда можно будет начать

церемонию поднятия флага. Ему исполнилось двадцать шесть лет. Сын вице-адмирала, он сам являлся капитаном линейного корабля, и преданность Королевскому флоту была у него в крови. С восходом солнца на берегу быстро становилось светло; далеко на востоке, у самого горизонта, небо рассекали нити облаков.

Через несколько дней будет шторм, подумал Глессинг, пробуя ветер. Он отвел взгляд от Струана и по привычке проверил расположение своего корабля, двадцатидвухпушечного фрегата. Сегодняшний день стал вехой в его жизни. Не часто именем королевы провозглашали присоединение к Империи новых земель, и то, что ему выпала честь зачитать этот документ, было большой удачей в его карьере. На флоте немало капитанов старше Глессинга. Но он знал, что выбор пал на него, потому что он дольше всех пробыл в этих водах и его корабль, фрегат ее величества «Русалка», принимал самое деятельное участие во всей кампании от начала до конца. Даже и не кампании вовсе, презрительно подумал он. Так, скорее небольшом инциденте. Все можно было бы уладить еще два года назад, найдись у этого идиота Лонгстаффа хоть капля мужества. Ну конечно. Стоило ему только разрешить мне появиться со своим фрегатом у ворот Кантона. Черт побери, потопил же я потом целый флот этих дурацких боевых джонок, расчищая себе дорогу! Я мог бы обстрелять Кантон из своих пушек, захватить это дьявольское отродье наместника Линя и вздернуть его на нок-рее.

Глессинг раздраженно пнул песок под ногой. Мне, собственно, наплевать на то, что язычники украли весь наш опиум, черт бы его побрал! Здесь они правы: с контрабандой пора кончать. Это оскорбляет флаг. Но подумать только, эти варвары осмелились требовать выкуп за жизнь английских подданных! Лонгстафф должен был разрешить мне принять надлежащие меры. Но куда там! Он отступил, поджав хвост, пересадил всех на торговые суда, а потом спутал меня по рукам и ногам. Меня, клянусь Господом, который должен был защищать наших торговцев и их семьи! Черт бы побрал этого слепца! И будь проклят Струан, который водит его за нос!

Ну да ладно, добавил он, обращаясь к самому себе, как бы то ни было, тебе повезло, что ты здесь. Это единственная война, которую мы ведем в данный момент. По крайней мере, единственная война на море. Все остальное не более чем стычки: скучное покорение индусских княжеств — клянусь Господом, эти язычники молятся коровам, сжигают вдов и поклоняются идолам! — да еще афганские войны. И он почувствовал прилив гордости, оттого что был представителем величайшего флота в мире. Хвала Господу, что он родился англичанином!

Неожиданно он заметил приближающегося к нему Брока и с облегчением увидел, как того перехватил по дороге толстый, совсем без шеи коротышка тридцати с небольшим лет с огромным животом, вываливавшимся из брюк. Это был Морли Скиннер, владелец «Ориентал таймс» — самой влиятельной английской газеты на Востоке. Глессинг внимательно знакомился с каждым выпуском и считал, что Скиннер знает свое дело. Очень важно иметь приличную газету, подумал он. Очень важно, чтобы все кампании освещались должным образом во славу Англии. Но сам Скиннер просто отвратителен. Да и все остальные тоже. Впрочем, нет, не все. Уж никак не старый Аристотель Квэнс.

Глессинг взглянул на уродливого человечка, расположившегося на невысоком холмике, откуда был виден весь пляж. Человечек сидел на табурете, перед ним стоял мольберт с картиной, над которой он с очевидным увлечением работал. Глессинг усмехнулся про себя, вспомнив те добрые вечера, которые он проводил с художником в Макао.

Кроме Квэнса, ему не нравился никто из собравшихся на пляже, за исключением

Горацио Синклера. Горацио был одних с ним лет, и за два года, что Глессинг провел на Востоке, они сошлись довольно близко. Тем более что Горацио был помощником Лонгстаффа, его переводчиком и секретарем, поскольку свободно говорил и писал по-китайски, — и им приходилось много работать вместе.

Глессинг окинул взглядом берег, и лицо его исказила гримаса отвращения: Горацио стоял у самой воды и беседовал с австрийцем Вольфгангом Мауссом, которого Глессинг презирал всей душой. Его преподобие Вольфганг Маусс был еще одним, кроме Синклера, европейцем, способным писать и изъясняться по-китайски. Этот огромный чернобородый священник-ренегат исполнял обязанности переводчика у Струана и вместе с ним торговал опиумом. За поясом у него торчали пистолеты, полы сюртука покрылись белесой плесенью. Красный нос бесформенной картофелиной сидел на обрюзгшем лице, черные с проседью волосы спутались и выглядели дико, так же как и борода. Несколько уцелевших зубов обломились и стали коричневыми. Но главным на этом крупном лице были яркие глаза.

Такой контраст в сравнении с Горацио, подумал Глессинг. Горацио был светловолосым, хрупким, чистым, как адмирал Нельсон, в честь которого и получил свое имя — память о Трафальгаре и о дяде, которого он там потерял.

В беседе принимал участие третий: высокий стройный евразиец — молодой человек, которого Глессинг знал только в лицо. Гордон Чэнь, незаконнорожденный сын Струана.

Черт побери, думал Глессинг, как только у англичанина может достать стыда, чтобы выставлять вот так, всем напоказ, своего ублюдка-полукровку? А этот к тому же и одет, как все проклятые язычники, в длинную рубашку, и за спиной болтается эта их чертова косичка. Гром Господень! Если бы не голубые глаза и светлая кожа, никто бы в жизни не подумал, что в его жилах течет хоть капля английской крови. Почему этот чертенок не подстрижет волосы, как приличествует мужчине? Отвратительно!

Глессинг отвернулся. Полагаю, в том, что он полукровка, нет ничего страшного, продолжал он разговор с самим собой, это не его вина. Но этот дьявол Маусс — плохая компания. Плохая для Горацио и для его милой сестры Мэри. Вот уж поистине юная леди, достойная внимания! Клянусь всеми святыми, из нее выйдет прекрасная жена!

Глессинг в нерешительности замедлил шаг. Впервые он серьезно подумал о Мэри как о возможной подруге жизни.

А почему бы и нет, спрашивал он себя. Ты знаком с ней вот уже два года. Она первая красавица Макао. Содержит дом Горацио в безукоризненном порядке и обращается с братом как с принцем. У них лучший стол в городе, а как умело она управляет слугами. Божественно играет на клавесине и поет как ангел, клянусь Создателем! Ты ей явно нравишься. Почему же еще ты получаешь открытое приглашение на обед всякий раз, когда оказываешься вместе с Горацио в Макао? Так чем не жена? С другой стороны, она никогда не бывала в Англии. Вся ее жизнь прошла среди язычников. У нее нет никаких доходов. Родители умерли. Но какое это, спрашивается, имеет значение? Преподобного Синклера уважали во всей Азии, а Мэри прекрасна, и ей всего двадцать. У меня отличные перспективы. Я получаю пятьсот фунтов в год и со временем унаследую родовое поместье и земли. Возможно, она назначена мне судьбой. Мы могли бы обвенчаться в английской церкви в Макао и снять там дом, пока не истечет срок моего назначения здесь, а потом мы уедем домой. Решено. Когда подвернется подходящий момент, я скажу Горацио: «Послушай, Горацио, старина, я хочу поговорить с тобой кое о чем...»

— Что за задержка, капитан Глессинг? — прервал его мечтания грубый голос Брока. —

Флаг должны были поднять в восемь склянок, уже целый час прошел.

Глессинг круто обернулся. Он не собирался сносить подобный тон ни от кого рангом ниже вице-адмирала.

— Флаг поднимут, мистер Брок, не раньше, чем его превосходительство прибудет на берег или с флагмана будет дан сигнал пушечным выстрелом.

— И когда же это произойдет?

— Если не ошибаюсь, еще не все собрались.

— Вы имеете в виду Струана?

— Ну разумеется. Разве он не тайпан Благородного Дома? — Глессинг сказал это сознательно, зная, что тем самым разозлит Брока, а затем добавил: — Я предлагаю вам вооружиться терпением. Никто не приказывал вам, торгашам, высаживаться сегодня на берегу.

Брок покраснел от гнева:

— Вам лучше научиться отличать торговцев от торгашей. — Он передвинул языком за щеку кусок жевательного табака и сплюнул на камни под ноги Глессингу. Несколько капелек слюны попали на безукоризненно вычищенные туфли с серебряными пряжками. — Прошу прощения, — обронил Брок с издевательским смирением и отошел в сторону.

Лицо Глессинга словно окаменело. Не будь этого «прошу прощения», он вызвал бы Брока на дуэль. Гнусное отребье! — подумал он, кипя от возмущения.

— Виноват, прошу прощения, сэр, — обратился к нему главный старшина корабельной полиции, отдавая честь. — Сигнал с флагмана.

Глессинг прищурился от резкого ветра. Сигнальные флажки возвещали: «Всем капитанам прибыть на борт к четырем склянкам». Прошлой ночью Глессинг присутствовал на приватной беседе адмирала с Лонгстаффом. Адмирал категорически утверждал, что именно контрабанда опиума являлась причиной всех беспорядков в Азии. «Черт возьми, сэр, они утратили всякое чувство приличия! — громогласно возмущался он. — Ни о чем не хотят думать, кроме денег. Запретите продавать опиум, и у нас, черт возьми, не будет никаких проблем ни с этими дьяволами-язычниками, ни с торговцами, черт бы их побрал! Флот ее величества проследит за выполнением вашего приказа, клянусь Господом Богом!» Лонгстафф согласился с ним — и правильно сделал. Приказ, видимо, будет оглашен сегодня, думал Глессинг, с трудом сдерживая ликование. Хорошо. Самое время. Интересно, Лонгстафф уже сказал Струану о том, что отдает такой приказ?

Капитан Глессинг оглянулся через плечо на лениво приближающийся к берегу баркас. Струан всегда поражал его. Он восхищался им и ненавидел его — непревзойденного морехода, который избороздил все океаны мира, уничтожая людей, компании и корабли ради процветания Благородного Дома. Он так не похож на Робба, подумал Глессинг, Робб мне скорее нравится.

Он против воли содрогнулся. Возможно, и есть доля правды в тех сказках, которые шепотом пересказывают друг другу моряки на всех китайских морях, будто Струан тайно поклоняется дьяволу и тот за это наделил его властью на земле. Иначе как еще человек его лет мог бы выглядеть так молодо и сохранить свою силу, белые зубы, густые волосы и молниеносную реакцию, когда большинство людей в этом возрасте уже нетвердо держатся на ногах, ни на что не годны и выглядят полуживыми? И уж конечно, на кого Струан наводил ужас, так это на китайцев. Они называли его Старая Зеленоглазая Крыса-Дьявол и назначили награду за его голову. Награды, правда, были назначены за голову каждого европейца, но

голова тайпана оценивалась в сто тысяч серебряных таэлей. Мертвого. Потому что никто не мог даже надеяться захватить его живым.

Глессинг с раздражением попытался пошевелить пальцами ног в туфлях с пряжками. Ноги ныли от холода, и он чувствовал себя неудобно в парадной форме с золотым позументом. Черт побери все эти проволоочки! Черт побери этот остров, и эту гавань, и это бессмысленное использование добрых английских кораблей и добрых английских моряков! Ему вспомнились слова отца: «Разрази Господь этих штатских! Все, о чем они пекутся, — это деньги и власть. Им неведомо чувство чести. Они просто не знают, что это такое. Когда тобой командует гражданский чин, смотри в оба, сынок. И не забывай, что даже Нельсон прикладывал подозрную трубу к слепому глазу, когда им помыкал какой-нибудь олух в партикулярном платье». Как может Лонгстафф быть таким непроходимо глупым? Он ведь из хорошей семьи, получил прекрасное воспитание — его отец был дипломатом при испанском дворе. Или португальском?

И зачем Струану понадобилось убеждать Лонгстаффа прекратить военные действия? Конечно, мы получили гавань, которая способна вместить все флоты мира. Но что еще?

Глессинг обвел взглядом суда в гавани. Двадцатидвухпушечный корабль Струана «Китайское облако». «Белая ведьма», тоже с двадцатью двумя пушками, — гордость компании Брока. Двадцатипушечный бриг Купера и Тиллмана «Принцесса Алабамы». Красавцы, все до единого. Н-да, подумал Глессинг, за них стоило бы подраться. Я знаю, что могу пустить ко дну американцев. Брок? Трудная задача, но я лучше Брока. Струан?

Джордж Глессинг попробовал представить себе морскую схватку со Струаном и вдруг понял, что боится Струана. Этот страх разозлил его и заставил до боли жалеть, что Брок, Струан, Купер и все остальные китайские торговцы не пираты.

Бог свидетель, поклялся он, как только приказ Лонгстаффа будет объявлен официально, я поведу флотилию, которая разнесет их всех в пух и прах.

Аристотель Квэнс задумчиво сидел перед наполовину законченной картиной на мольберте. Это был крошечный человечек с черными седеющими волосами. Его одежда, в отношении которой он отличался почти болезненной щепетильностью, соответствовала последней моде: облегающие серые брюки, белые шелковые носки, черные туфли с бантами, жемчужно-серый атласный жилет и сюртук из черной шерсти. Наряд довершали высокий воротник и галстук с жемчужной заколкой. Наполовину англичанин, наполовину ирландец, Квэнс в свои пятьдесят восемь лет был старейшим европейцем на Востоке.

Сняв очки в золотой оправе, он принялся протирать их белоснежным платком, украшенным французскими кружевами. Я жалею, что дожил до этого дня, думал он. А все этот Дирк Струан, черт бы его побрал! Не будь его, не было бы и этого проклятого Гонконга.

Квэнс чувствовал, что присутствует при закате эпохи. Гонконг означает конец Макао, думал он. Этот остров перетянет сюда всю торговлю. Все английские и американские тайпаны переедут сюда со своими главными конторами. Отныне они будут жить и строиться здесь. Вслед за ними сюда переберутся португальские клерки. И все китайцы, которые кормятся за счет европейцев и торговли с Западом. Ну и пусть. Я, по крайней мере, никогда здесь жить не буду, поклялся он. Время от времени придется приезжать сюда ненадолго, чтобы подзаработать, но Макао навсегда останется моим домом.

Макао был его домом уже больше тридцати лет. Квэнс единственный из всех европейцев думал о Востоке как о своем доме. Другие приезжали сюда на несколько лет, потом

возвращались на родину. Оставались только те, кто здесь умирал. Но даже и в этом случае, если это было им по карману, они писали в своих завещаниях, чтобы их тела отправили домой.

Меня, благодарение Господу, похоронят в Макао, говорил себе старый художник. Какие славные времена я там знавал, знавали мы все! Теперь это в прошлом. Черт бы побрал китайского императора! Надо быть полным идиотом, чтобы разрушить здание, с таким умом построенное сто лет назад.

Все шло так замечательно, с горечью подумал Квэнс, и вот Гонконг принадлежит нам. Мощь Англии утвердилась на Востоке, и торговцы вкусили власти, теперь они уже не ограничатся одним этим островом.

— Что же, — нечаянно произнес он вслух, — император пожнет то, что посеял.

— Почему так мрачно, мистер Квэнс?

Квэнс надел очки. Прямо у подножия холмика, на котором он расположился, стоял Морли Скиннер.

— Не мрачно, молодой человек. Печально. Художник имеет особое право — даже обязанность — быть печальным. — Он отложил незаконченную картину в сторону и укрепил на мольберте чистый лист бумаги.

— Вполне, вполне с вами согласен. — Скиннер с трудом поднялся к нему наверх. Его бледные карие глаза напоминали цветом прокисшие остатки пива в кружке. — Я, знаете ли, просто хотел услышать ваше мнение об этом великом дне. Мы готовим специальный выпуск. Без нескольких слов от нашего старейшего жителя номер был бы неполным.

— Совершенно верно, мистер Скиннер. Вы можете написать следующее: «Мистер Аристотель Квэнс, наш ведущий художник, бонвиван и обожаемый друг, отклонил предоставленную ему возможность высказаться со страниц газеты, находясь в процессе создания очередного шедевра». — Он взял щепоть табака и громоподобно чихнул. Затем платком смахнул табачные крошки с сюртука и брызги слюны с бумаги на мольберте. — Желаю вам всего хорошего, сэр. — Он сосредоточился на белоснежном листе. — Вы мешаете свершиться бессмертному творению.

— Я в точности знаю все, что вы сейчас чувствуете, — сказал Скиннер, довольно кивая. — В точности. Я и сам чувствую то же самое, когда мне предстоит написать нечто значительное. — Он повернулся и тяжело двинулся дальше.

Квэнс не доверял Скинеру. Ему никто не доверял. По крайней мере, никто из тех, чье прошлое хранило какие-то тайны, а таких здесь было большинство. Скиннер любил вытаскивать всякую всячину из тьмы лет на свет божий.

Прошрое. Квэнс вспомнил о своей жене и весь передернулся. Смерть, гром и молния! Как я мог быть таким глупцом, чтобы поверить, будто это ирландское чудище способно стать достойной подругой жизни? Благодарение Господу, она вернулась в свое мерзкое ирландское болото и больше не омрачит чистого неба над моей головой. Женщины — источник всех бед и страданий, выпадающих на долю мужчины на этом свете. Ну, осторожно добавил он, пожалуй, все-таки не все из них. Уж никак не моя милая, дорогая Мария Тан. Ах, вот лакомый кусочек, или я ничего не понимаю в женщинах! А уж если кому и дано оценить, какое чудо получается, когда португальская кровь смешивается с китайской, то это тебе, славный, мудрый старина Квэнс. Черт побери, все-таки я прожил удивительную жизнь!..

И он вдруг отчетливо осознал, что, наблюдая закат одной эпохи, он одновременно становится и частью другой. Здесь сейчас открывается первая страница новой истории,

очевидцем которой ему предстояло стать и которую его кисть была призвана запечатлеть. Появятся новые лица, которые он нарисует, новые корабли, которые он напишет. Новый город, который он увековечит в своих картинах. И новые девушки, за которыми можно будет приволокнуться, новые попки, которые можно будет ущипнуть.

— Печальным! Да никогда в жизни! — проревел он. — За работу, Аристотель, старый ты пердун!

Те из собравшихся на пляже, кто услышал последнее восклицание Квэнса, весело переглянулись. Старый художник был жутко популярен, и его компании искали многие. И все знали о водившейся за ним привычке разговаривать вслух с самим собой.

— Сегодняшний день был бы совсем не тот без доброго старого Аристотеля, — с улыбкой заметил Горацио Синклер.

— Да. — Вольфганг Маусс раздавил вошь в своей бороде. — Он так уродлив, что кажется почти красавчиком.

— Мистер Квэнс — великий художник, — сказал Гордон Чэнь. — Следовательно, он прекрасен.

Маусс повернулся всем телом и в упор посмотрел на евразийца.

— Следует говорить «красив», мой мальчик. Неужели я так плохо учил тебя все эти годы, что ты не чувствуешь разницы между словами «прекрасный» и «красивый»? И он не великий художник. Он пишет в отличном стиле, и он мой друг, но волшебства великого мастера у него нет.

— Я употребил слово «прекрасен» в художественном смысле, сэр.

Горацио заметил, как на лице Гордона Чэня промелькнуло раздражение. Бедный Гордон, подумал он, от души жалея юношу. Чужой в равной степени и тому миру, и этому. Отчаянно пытающийся быть англичанином, но при этом не расстающийся со своим халатом и косичкой. Хотя все знали, что он сын тайпана, прижитый им от китайской наложницы, никто не признавал его открыто, даже отец.

— Я считаю, что его картины удивительны, — сказал Горацио, смягчая тон. — И сам он тоже. Странно, все его обожают, и все же мой отец презирал его.

— О, твой отец, — вздохнул Маусс. — Он был святым среди нас. Он сохранил в душе высокие христианские принципы, не то что мы, бедные грешники. Да упокоится душа его с миром.

Нет, подумал Горацио. Пусть душа его горит в аду во веки вечные.

Преподобный Синклер прибыл и поселился в Макао с первой группой английских миссионеров тридцать с небольшим лет назад. Он помогал переводить Библию на китайский язык и был одним из учителей в английской школе, которую основала миссия. Всю жизнь его почитали как достойнейшего человека — исключение составлял лишь тайпан, — и когда он умер семь лет назад, похоронили как святого.

Горацио мог простить отцу, что тот раньше времени свел в могилу их мать, мог простить ему те высокие принципы, которые превратили его в злобного тирана с узким, ограниченным взглядом на жизнь, его фанатичную веру в Бога грозного и карающего, его одержимую приверженность миссионерской работе и побои, которые он обрушивал на собственного сына. Но даже по прошествии всех этих лет Горацио не мог простить отцу то, как он избивал Мэри, и те проклятия, которые он неустанно призывал на голову тайпана.

Тайпан подобрал маленькую Мэри, когда она, шестилетняя девочка, в ужасе убежала из

дому. Он успокоил ее, а потом отвел домой к отцу и предупредил его, что, если тот еще хоть пальцем дотронется до крошки, он прилюдно стащит его с проповеднической кафедры в церкви и будет гнать кнутом через все улицы Макао. С тех пор Горацио боготворил тайпана. Избиения прекратились, но отец был изобретателен на наказания. Бедная Мэри!

При мысли о Мэри сердце его забилося быстрее, и он посмотрел на флагманский корабль, ставший их временным пристанищем. Он знал, что сейчас она смотрит на берег и так же, как он, считает дни, оставшиеся до их благополучного возвращения в Макао. Всего лишь сорок миль отсюда на юг, но как далеко. В Макао Горацио прожил все свои двадцать шесть лет, не считая того времени, что учился дома, в Англии. Школу он ненавидел — и дома, и в Макао. Он ненавидел уроки, которые проводил с ним отец. Горацио отчаянно старался угодить ему, но это не удавалось. В отличие от Гордона Чэня, который был первым евразийским мальчиком, принятым в английскую школу Макао. Гордон Чэнь оказался блестящим учеником и неизменно заслуживал одобрение преподобного отца Синклера. Но Горацио не завидовал ему: у Гордона был свой мучитель — Маусс. За каждую порку, которую Горацио получал от отца, Маусс давал Гордону Чэню три. Маусс тоже был миссионером, он преподавал английский, латынь и историю.

Горацио расправил нывшие от холода плечи. Он увидел, что Маусс и Гордон Чэнь опять не отрываясь смотрят на баркас, и в который раз спросил себя, почему Маусс так жестоко обходился с молодым человеком в школе, почему требовал от него столь многого. Он полагал, что причиной тому была ненависть, которую Вольфганг испытывал к тайпану. Ненависть, вызванная тем, что тайпан видел его насквозь и поэтому предложил ему деньги и место переводчика в контрабандных рейсах вдоль побережья, позволив за это распространять Библию на китайском языке и проповедовать язычникам на каждой стоянке, но только после того, как опиум будет продан. Горацио считал, что Вольфганг презирает себя за лицемерие и за то, что участвует в таком зле. За то, что его заставили притворяться, будто цель оправдывает средства, когда он знал, что это не так.

Станный ты человек, Вольфганг, думал Горацио. Он вспомнил, как в прошлом году они вместе отправились на только что захваченный остров Чушань. Лонгстафф с одобрения тайпана назначил туда Маусса временным магистратом для поддержания порядка на период военных действий и отправления британского правосудия.

Вопреки обычаю, на Чушане были отданы строгие приказы, запрещавшие грабеж и насилие. Маусс проводил над каждым мародером — китайцем, индусом, англичанином — честный, открытый суд и затем приговаривал его к смерти, произнося при этом одни и те же слова: «Gott im Himmel^[2], прими сию заблудшую душу. Повесить его». Вскоре грабежи прекратились.

Поскольку между повешениями Маусс любил предаваться в суде воспоминаниям, Горацио узнал, что тот был трижды женат, каждый раз на англичанке, что первые две жены скончались от дизентерии и нынешняя тоже часто болеет. Что, хотя Маусс был преданным мужем, дьявол по-прежнему и с неизменным успехом искушал его борделями и винными погребами Макао. Что Маусс выучил китайский у язычников в Сингапуре, куда был направлен еще совсем молодым миссионером. Что двадцать лет из своих сорока он прожил в Азии и за все это время ни разу не побывал дома. Что теперь он носил с собой пистолеты, потому что «никогда не угадаешь, Горацио, вдруг один из этих дьяволов-язычников захочет убить тебя или эти богопротивные пираты позарятся на твое добро». Что всех людей он считал грешниками и себя — первейшим среди них. И что его единственной целью в жизни

осталось обращение язычников в истинную веру, дабы сделать Китай христианским государством.

— Чем это так занята твоя голова? — Неожиданный вопрос прервал течение мыслей Горацио.

Он увидел, что Маусс внимательно смотрит на него.

— Нет, так, ничего, — поспешно ответил он. — Я просто... просто размышлял.

Маусс задумчиво поскреб бороду:

— Вот и я тоже. В такой день есть над чем поразмыслить. Азия теперь уже никогда не будет прежней.

— Да. Наверное, вы правы. Вы собираетесь уехать из Макао? Будете строиться здесь?

— Да. Куплю себе земли. Хорошо бы иметь собственную землю подальше от этой папистской выгребной ямы. Моей жене здесь понравится. Ну а мне? Даже не знаю. Сердце мое там, — добавил Маусс голосом, полным тоски, и махнул огромным кулаком в сторону материка.

Горацио увидел, как глаза Маусса, устремленные вдаль, вдруг стали бездонными. Почему Китай так завораживает людей, спросил он себя.

Он окинул усталым взглядом пляж, зная, что не найдет ответа на свой вопрос. О, если бы я был богат! Пусть не так богат, как тайпан или Брок, но все же достаточно, чтобы построить красивый дом, принимать у себя торговцев и устроить для Мэри роскошное путешествие домой через всю Европу.

Ему нравилось работать переводчиком и личным секретарем его превосходительства, но денег, которые он получал на службе, ему не хватало. В этом мире без денег не обойтись. У Мэри должны быть бальные платья и бриллианты. Обязательно. Но даже несмотря на скудное жалованье, он был рад, что ему не приходится зарабатывать свой хлеб насущный так, как это делали китайские торговцы. Торговцам нужно быть безжалостными, слишком безжалостными, и жизнь их полна опасностей. Многие из тех, кто сейчас мнит себя богачом, останутся без гроша в кармане через какой-нибудь месяц. Один невернувшийся корабль — и все для них может быть кончено. Даже Благородный Дом время от времени нес убытки. Возвращения их клипера «Багровое облако» ждали еще месяц назад. Возможно, он попал в шторм, кое-как добрался до берега с дырой в корпусе и сейчас чинится и переоснащается на неизвестном острове где-нибудь между Гонконгом и Землей Ван-Димена^[3], отклонившись от курса на две тысячи миль. Но скорее всего, он покоится на дне морском с грузом опиума на полмиллиона гиней в трюме.

А как человеку, если он торговец, приходится поступать с людьми, даже с друзьями, чтобы просто выжить, не говоря уже о том, чтобы преуспевать. Чудовищно!

Он заметил, как Гордон Чэнь неотрывно смотрит на баркас, словно прикованный к нему взглядом, и попытался угадать, о чем он думает. Это, должно быть, ужасно, когда в тебе течет кровь двух рас. Наверное, если уж говорить откровенно, Гордон тоже ненавидит тайпана, хотя и притворяется, что это не так. Я бы на его месте ненавидел...

Гордон Чэнь думал об опиуме. И мысленно благословлял его. Не будь опиума, не было бы и Гонконга, а Гонконг, с восторгом говорил он себе, — это самая невероятная возможность делать деньги, которая когда-либо могла мне представиться. И для Китая это большая удача, подлинный подарок йосса, о каком нельзя было даже мечтать.

Если бы не было опиума, продолжал он, не было бы торговли с Китаем. Если бы не было

торговли с Китаем, у тайпана никогда не появилось бы столько денег, чтобы выкупить из борделя мою мать, и я бы никогда не родился на свет. Опиум дал отцу те деньги, на которые он много лет назад купил матери дом в Макао. Опиум кормит нас и одевает. Опиум позволил заплатить за мое обучение в школе, за моих английских и китайских наставников — и вот сегодня я самый образованный молодой человек на всем Востоке.

Гордон взглянул на Горацио Синклера, который с хмурым видом смотрел вокруг себя, и почувствовал укол зависти оттого, что Горацио ездил учиться домой. Сам он еще никогда не был дома.

Однако он тут же прогнал от себя это чувство. «Дом» придет позже, радостно пообещал он себе. Через несколько лет.

Чэнь повернулся и вновь посмотрел на баркас. Тайпана он боготворил, хотя никогда не называл Струана «отец» и тот никогда не говорил ему «мой сын». В действительности за всю жизнь Струан разговаривал с ним раз двадцать или тридцать, не больше. Но Гордон старался, чтобы отец гордился им, и в мыслях своих всегда думал о нем как об отце. Гордон не уставал благословлять Струана за то, что он продал его мать Чэнь Шэну, чтобы тот сделал ее своей третьей женой. Мой йосс поистине огромен, думал он.

Чэнь Шэн являлся компрадором Благородного Дома и к Гордону Чэню относился почти как к сыну. В качестве китайского посредника он покупал и продавал товары для Струана. Любой товар, крупный или мелкий, обязательно проходил через его руки. По обычаю, на каждый вид товара он набрасывал определенный процент. Эти деньги и составляли его личный доход. Но поскольку доходы компрадора зависели от благосостояния компании, на которую он работал, и, кроме этого, ему приходилось оплачивать большие долги, он должен был проявлять в делах крайнюю осторожность и быть очень дальновидным, чтобы разбогатеть.

Ах, думал Гордон Чэнь, если бы я был так же богат, как Чэнь Шэн! Или еще лучше, как Жэнь-гуа, дядя Чэнь Шэна. Гордон улыбнулся про себя, удивляясь, насколько трудно давались англичанам китайские имена. Жэнь-гуа звали Чэнь-цзе Жэнь Ин, но даже тайпан, который знал Чэнь-цзе Жэнь Ина почти тридцать лет, до сих пор не научился правильно выговаривать его имя. Поэтому много лет назад тайпан дал ему прозвище Жэнь; «гуа», которое к нему обычно добавляли, являлось скверно произнесенным китайским словом «господин».

Гордон Чэнь знал, что китайские купцы с легким сердцем принимали свои исковерканные имена: они только веселили их, лишний раз доказывая, насколько далеки от культуры эти дикари из далекой Европы. Гордон вспомнил, как ребенком он тайком наблюдал через дыру в ограде сада за Чэнь-цзе Жэнь Ином и Чэнь Шэном, когда те курили опиум. Он слышал, как они смеялись над его превосходительством — мандарины Кантона дали Лонгстаффу прозвище Грозный Пенис, обыграв на свой лад его фамилию^[4], и иероглифы с этим значением использовались в адресуемых ему официальных посланиях больше года, пока Маусс не рассказал Лонгстаффу об этом, испортив замечательную шутку.

Он исподтишка взглянул на Маусса. Гордон уважал его как твердого, не ведающего жалости учителя, был благодарен ему за то, что тот заставил его стать лучшим учеником школы. И одновременно с этим презирал его за грязь, вонь и звериную жестокость.

Гордону Чэню нравилась школа при миссии, нравилось учиться, сидеть в классе вместе с другими учениками. Но однажды он узнал, что он не такой, как остальные дети. Маусс поднял его и при всех растолковал значение слов «бастард», «незаконнорожденный» и

«полукровка». Гордон тогда в смятении убежал из школы. Дома он впервые взглянул на мать другими глазами и исполнился презрения к ней за то, что она китаянка.

Потом он узнал, глядя на нее сквозь еще не высохшие слезы, что быть китайцем даже наполовину — большое счастье, потому что китайцы — самая чистая раса на земле. И еще он узнал, что тайпан его отец.

— Но почему же тогда мы живем здесь? Почему «отец» — это Чэнь Шэн?

— У варваров бывает только одна жена, и они не женятся на китаянках, сын мой, — объяснила ему Кай-сун.

— Почему?

— Такой у них обычай. Глупый обычай. Но так уж они устроены.

— Я ненавижу тайпана! Ненавижу! Ненавижу его! — вырвалось у мальчика.

Мать ударила его по лицу. Наотмашь. Раньше она никогда его не била.

— На колени! На колени и проси прощения! — гневно заговорила она. — Тайпан — твой отец. Он дал тебе жизнь. Он мой бог. Он выкупил меня для себя, а потом благодетельствовал, продав Чэнь Шэну как *жену*. С чего бы, ты думаешь, Чэнь Шэн, который мог купить себе тысячу девственниц, стал брать в жены женщину с двухлетним сыном нечистой крови, когда бы тайпан не захотел так? Зачем бы тайпан стал тратить столько денег и покупать мне дом, если бы он не любил нас? И почему ренту получаю я, а не Чэнь Шэн, если бы сам тайпан не распорядился так? Почему даже сейчас, когда мне столько лет, Чэнь Шэн так хорошо относится ко мне, если не уважает неизменное расположение к нам тайпана? Отправляйся в храм и долгими поклонами вымоли себе прощение. Тайпан дал тебе жизнь. Поэтому люби и почитай его, и благословляй его, как благословляю его я. И если ты еще хоть раз произнесешь такие слова, я навсегда отвернусь от тебя.

Гордон Чэнь мысленно улыбнулся. Как права была мать и как ошибался я, каким был глупцом! Но все же не таким, как наши мандарины и император — будь он проклят! — когда вздумали запретить торговлю опиумом. Любой дурак знает, что без нее у европейцев не будет серебра, чтобы платить за чай и шелк.

Однажды Гордон спросил у матери, откуда берется опиум, но она не смогла ему ответить, и никто в доме не смог. На следующий день он обратился с этим вопросом к Мауссу, и тот рассказал ему, что опиум — это сок — «слезы», как он тогда выразился, — созревшей коробочки мака. На коробочке делают тонкий надрез, и оттуда сочится белая жидкость. Через несколько часов «слеза» отвердевает и меняет цвет на темно-коричневый. Тогда ее бережно соскребают и делают еще один аккуратный надрез. Потом соскребают новую каплю и делают следующий надрез. «Слезы» собирают вместе и скатывают в шар — обычный его вес десять фунтов. Лучший опиум поступает из Бенгалии, что в Британской Индии. Или из Мальвы. Где находится Мальва, мальчик?

— В Португальской Индии, сэр!

— Она когда-то *была* португальской, но теперь принадлежит Ост-Индской компании. Компания завладела ею, чтобы ее монополия на производство опиума стала полной, разорив тем самым португальских торговцев опиумом здесь, в Макао. Ты делаешь слишком много ошибок, мальчик, поэтому получай кнута, hein?

Гордон вспомнил, как ненавидел опиум в тот день. Но сейчас он благословлял его. И благодарил свой йосс за отца и за Гонконг. Гонконг сделает его богатым. Очень богатым.

— Здесь, на этом острове, будут нажиты целые состояния, — произнес он вслух, обращаясь к Горацио.

— Некоторые торговцы действительно будут процветать, — рассеянно ответил Горацио, не сводя глаз с приближающегося баркаса. — Но весьма немногие. Торговля — дьявольски обманчивое дело.

— Одни только деньги на уме, Гордон, hein? — Голос Маусса звучал грубо. — Лучше бы ты почаще задумывался о своей бессмертной душе и о ее спасении, мальчик. Деньги значения не имеют.

— Конечно, сэр. — Гордон Чэнь скрыл снисходительную усмешку: до чего же глуп этот человек.

— Тайпан выглядит как могущественный правитель, который пришел, чтобы принять владения под свою руку, — заметил Горацио, словно разговаривая сам с собой.

Маусс обернулся и посмотрел на Струана:

— А разве это не так, hein?

Баркас достиг прибрежных бурунов.

— Суши весла! — прокричал боцман. Матросы выполнили команду, попрыгали за борт и с привычной сноровкой потащили баркас по мелководью.

Стоя на носу баркаса, Струан вдруг замер в нерешительности. Затем спрыгнул. В тот момент, когда его сапоги коснулись песка на берегу, он почувствовал, что этот остров принесет ему смерть.

— Господь милосердный!

Робб был рядом и видел, как внезапно побледнел его брат.

— Что случилось, Дирк?

— Ничего. — Струан заставил себя улыбнуться. — Ничего, мой мальчик. — Он отер со лба соленые брызги и пошел по пляжу к флагштоку. Клянусь кровью Христовой, думал он, столько лет я трудился, чтобы заполучить тебя, остров, и теперь тебе со мной не сладить! Нет, клянусь Богом!

Робб смотрел ему вслед, отмечая его легкую хромоту. Нога, должно быть, постоянно причиняет ему боль, подумал он. Он попробовал представить себе, что испытывает человек, у которого осталось чуть больше половины стопы. Это случилось во время того единственного контрабандного рейса, в котором он участвовал. Спасая жизнь Роббу, беспомощному и парализованному страхом, Струан отбивался сразу от нескольких пиратов. Мушкетная пуля оторвала ему два пальца и наружную часть стопы. Когда нападение было отбито, корабельный врач прижег рану и залил ее горячей смолой. Робба до сих пор преследовал запах горелого мяса. Если бы не я, подумал он, ничего этого не произошло бы.

Он последовал за Струаном, снедаемый отвращением к самому себе.

— Доброе утро, джентльмены, — поздоровался Струан, подходя к группе торговцев, стоявших у флагштока. — Прекрасный денек сегодня, клянусь Создателем!

— Холодно, Дирк, — ответил Брок. — И это прямо страсть как учтиво с твоей стороны, что ты так поторопился.

— Я приехал рано. Его превосходительство все еще на корабле, и сигнального выстрела я пока тоже не слышал.

— Видно, ты и в самом деле спешил. Правда, при этом опоздал на полтора часа, а заодно и обделал все свои делишки с этим малахольным лакеем, чтоб мне провалиться.

— Я буду благодарен вам, мистер Брок, если вы воздержитесь от подобных выражений, говоря о его превосходительстве, — отрывисто процедил капитан Глессинг.

— А я буду благодарен вам, если вы оставите свое мнение при себе. Я не служу на флоте, и вы мне не указ. — Брок смачно сплюнул. — Лучше тревожьтесь о тех войнах, где за победу не приходится драться.

Рука Глессинга сжала рукоятку сабли.

— Никогда не предполагал, что доживу до того дня, когда Королевский флот будет призван защищать контрабандистов и пиратов, которыми вы все являетесь. — Он посмотрел на Струана. — Все до единого.

Сразу наступило молчание. Струан засмеялся:

— Его превосходительство думает иначе.

— У нас есть акты парламента, клянусь Богом, Навигационные акты. Один из них гласит: «Любое судно, несущее вооружение без специального на то разрешения, может быть захвачено как приз военным флотом любой державы». У ваших кораблей есть такое разрешение?

— В этих водах полно пиратов, капитан Глессинг, как вам известно, — небрежно заметил Струан. — Мы вооружаемся в такой степени, в какой это необходимо, чтобы защитить себя. Ни больше ни меньше.

— Торговля опиумом противозаконна. Сколько тысяч ящиков вы продали на побережье Китая вопреки законам, китайским и всего человечества? Три тысячи? Двадцать тысяч?

— О том, чем мы здесь занимаемся, знает любой судья в Англии.

— Ваша торговля бросает пятно на наш флаг.

— Возблагодарите-ка лучше Бога за эту торговлю, потому что без нее в Англии не будет ни чая, ни шелка, а только одна всеобщая нищета, которая поразит ее в самое сердце.

— Верно сказано, Дирк, — поддержал его Брок и опять повернулся к Глессингу. — Лучше вам раз и навсегда усвоить, что без торговли не будет никакой Британской империи. И налогов не будет, чтобы покупать порох и строить военные корабли. — Он окинул взглядом аккуратную форму Глессинга: белые чулки, белые панталоны, туфли с пряжками и треуголку. — И ни фартинга не найдется, чтобы одевать красавчиков, которые ими командуют.

Морские пехотинцы поморщились при этих словах, а кое-кто из матросов рассмеялся, правда с большой осторожностью.

— Это вы должны благодарить Бога за Королевский флот, клянусь честью! Не будь его, вам некуда было бы сунуться со своей торговлей.

С флагмана прогремел сигнальный выстрел. Не договорив фразу до конца, Глессинг круто повернулся и зашагал к флагштоку:

— На караул!

Он развернул постановление. На берегу воцарилась полная тишина. Глессинг подождал, пока уляжется его гнев, потом начал читать:

— «По указу его превосходительства почтенного Уильяма Лонгстаффа, ее британского величества королевы Виктории капитан-суперинтенданта торговли в Китае. В соответствии с документом, известным как договор Чуаньби, подписанным двадцатого января сего года его превосходительством от имени правительства ее величества и его превосходительством Тисэнем, полномочным представителем его величества Даогуана, императора Китая, я, капитан Королевского флота Глессинг, настоящим вступаю во владение сим островом Гонконг от имени ее британского величества, ее наследников и правопреемников навечно и безоговорочно в день сей, двадцать шестого января, в год тысяча

восемьсот сорок первый от Рождества Христова. Земля сего острова — отныне английская земля. Боже, храни королеву!»

Юнион Джек взлетел на верхушку флагштока и гордо заплескался там; почетный караул морских пехотинцев салютовал из ружей. Затем загрохотали пушки всего флота и ветер наполнился запахом пороха. Собравшиеся на берегу трижды прокричали здравицу в честь королевы.

Ну вот, подумал Струан, дело сделано. Теперь назад пути нет. Теперь мы можем начинать. Он отошел от группы торговцев и спустился к воде. Здесь он в первый раз повернулся к острову спиной и устремил взор в ту сторону огромной гавани, где, в тысяче ярдов от него, лежал материковый Китай.

Полуостров, своим острым концом врезавшийся в бухту, которая кольцом огибала его, был низменным, с девятью приземистыми холмами. Он назывался Цзюлун — торговцы приносили «коулун» — что означало «девять драконов». К северу от него лежали бескрайние неизведанные земли Китая.

Струан прочел все книги, написанные в разное время тремя европейцами, побывавшими в Китае: Марко Поло, почти шесть столетий назад, и двумя католическими священниками, которым было позволено посетить Пекин в середине XVII века. Из этих книг он не почерпнул почти ничего.

Последние двести лет европейцам не разрешалось путешествовать по Китаю. Однажды Струан вопреки существующему закону углубился на милю внутрь страны, когда продавал опиум на побережье недалеко от Шаньтоу. Но китайцы повели себя враждебно, а с ним не было никого, кроме его первого помощника. Однако не враждебность заставила его повернуть назад. Лишь неисчислимость людских толп и неоглядность земель.

Кровь Христова, думал он, ведь мы же абсолютно ничего не знаем о самой древней и многочисленной нации на земле. Что кроется там внутри?

— Лонгстафф собирается прибыть на берег? — спросил Робб, подходя к нему.

— Нет, Робби, мой мальчик. У его превосходительства есть дела поважнее.

— Какие это?

— Ну, скажем, чтение и составление донесений. И заключение тайных договоренностей с адмиралом.

— Зачем?

— Затем, чтобы поставить торговлю опиумом вне закона. — (Робб рассмеялся.) — Я вовсе не шучу. Как раз по этому поводу он сегодня и хотел меня видеть. Меня и адмирала. Он собирается спросить моего совета, когда ему лучше отдать приказ. Адмирал заверил нас, что флоту не составит труда проследить за его неукоснительным выполнением.

— Боже милостивый! Лонгстафф что, сумасшедший?

— Нет. Он всего лишь простоват. — Струан закурил сигару. — Я посоветовал ему обнародовать приказ, когда пробьет четыре склянки.

— Это безумие! — воскликнул Робб.

— Это очень мудрый ход. Они договорились, что флот не должен ни во что вмешиваться в течение недели, чтобы дать китайским торговцам время избавиться от своих запасов.

— Но что прикажете делать потом? Без опиума нам конец. Всей китайской торговле конец. Бесповоротный.

— Сколько у нас есть наличными, Робб?

Робб огляделся, убедился, что поблизости никого, и заговорил, понизив голос:

— У нас есть серебро в Шотландии. Миллион сто тысяч фунтов стерлингов в нашем банке в Лондоне. Около ста тысяч серебром здесь. Нам должны три миллиона за конфискованный опиум. На «Багровом облаке» опиума на двести тысяч фунтов по сегодняшним рыночным ценам. Потом...

— «Багровое облако» можешь вычеркнуть, приятель. Мы его потеряли.

— Надежда пока остается, Дирк. Давай дадим им еще месяц. На складах у нас опиума еще на сто тысяч. Мы должны девятьсот тысяч по срочным траттам.

— Во что нам обойдется содержание компании в следующие полгода?

— Ста тысяч должно хватить на корабли, выплату жалованья и мзду китайцам.

Струан на мгновение задумался:

— К завтрашнему дню среди торговцев поднимется паника. Ни один из них, исключая, пожалуй, Брока, не в состоянии сбыть весь свой опиум за неделю. Позаботься о том, чтобы весь наш опиум сегодня же был переправлен на берег. Я думаю...

— Лонгстаффу придется отменить приказ, — с растущей тревогой заговорил Робб. — У него просто нет иного выхода. Он разорит казну и...

— Может быть, ты все-таки выслушаешь меня? Завтра, когда начнется паника, собери каждый таэль, который у нас есть, и каждый таэль, который ты сможешь занять, и начинай скупать опиум. Ты должен суметь приобрести его по десять центов за доллар.

— Нам и свой-то не успеть продать за неделю, не говоря уже о чужом.

Струан стряхнул пепел с сигары:

— За день до того, как закон должен будет вступить в силу, Лонгстафф его отменит.

— Не понимаю.

— Все дело в том, чтобы сохранить свое лицо, Робб. Когда адмирал откланялся, я объяснил Лонгстаффу, что запрет на опиум подорвет всю торговлю с Китаем. Черт меня побери, сколько раз ему нужно это объяснять! Затем я указал, что если он отменит свой приказ сейчас же, то потеряет лицо и заставит адмирала — человека порядочного и благонамеренного, но совершенно не разбирающегося в коммерции — потерять свое. Единственное, что остается, — это отдать приказ, как было условлено, а затем, сохраняя адмиралу — а заодно и себе — лицо и место, отменить его. Я пообещал тем временем растолковать адмиралу все тонкости здешней торговли. Кроме этого, через три дня назначена еще одна встреча с Тисэнем, а такой приказ не может не заслужить одобрения китайцев и, следовательно, поставит их в невыгодное положение на переговорах. Лонгстафф целиком со мной согласился и попросил держать все это в секрете.

Лицо Робба просветлело.

— Ах, тайпан, где еще найти такого человека, как ты! Но кто может гарантировать, что Лонгстафф отменит свое распоряжение?

В кармане Струана лежал подписанный указ, датированный шестым днем, считая от сегодняшнего, который отменял запрет на торговлю опиумом. Лонгстафф буквально силой сунул эту бумагу ему в руки. «Вот, Дирк, возьми лучше сейчас, тогда я не забуду его вовремя подписать. Черт возьми! Вся эта бумажная волокита... ну, ты понимаешь, — ужасно. Но лучше до поры никому его не показывать».

— Неужели ты не отменил бы такое глупое распоряжение, Робби?

— Да-да, конечно. — Робб был готов расцеловать брата. — Если у нас есть шесть дней и никто ничего не знает наверняка, мы заработаем целое состояние.

— Именно. — Взгляд Струана заскользил по гавани.

Он обнаружил ее лет двадцать с небольшим назад. Тайфун краем зацепил его корабль в открытом море, и, хотя он успел подготовиться к шторму, ему не удалось вырваться, и ураган неумолимо увлекал судно к берегу. Они шли под одними снастями, тяжело продвигаясь вперед. Полуденное небо и горизонт были неразличимы за чудовищными пластами воды, которые Большой Ветер срывал с поверхности океана и швырял на них. Потом, уже совсем недалеко от берега, цепи штормовых якорей полопались в этом аду, и Струан понял, что корабль обречен. Море подхватило их и бросило на прибрежные скалы. Каким-то чудом порыв ветра изменил курс корабля на долю градуса, и, миновав скалы, они очутились в узком, шириной каких-нибудь триста ярдов, проливе, не указанном ни на одной карте. Этот пролив образовывала с материком восточная оконечность Гонконга — в конце его их ждала спасительная гавань.

Тот тайфун вывел из строя большую часть торгового флота в Макао и потопил десятки тысяч джонок по всему побережью. Но корабль Струана и джонки, прятавшиеся в гавани Гонконга, пережидали его безо всякого для себя ущерба. Когда шторм утих, Струан проплыл вокруг острова, чтобы нанести его на карту. Затем отложил эту информацию в своей голове и начал строить тайные планы.

И вот теперь, остров, когда ты наш, теперь я могу уехать, думал он, чувствуя, как на него накатывается теплая волна радостного возбуждения. Теперь — парламент.

Прошло уже много лет с тех пор, как Струан понял, что единственный инструмент, с помощью которого он сможет защитить Благородный Дом и новую колонию Империи, находится в Лондоне. Подлинным средоточием власти на земле был британский парламент. Став его членом, опираясь на ту власть, которую дадут ему несметные богатства Благородного Дома, он сумеет подчинить себе управление политикой Империи в Азии, как сейчас подчинил себе Лонгстаффа. Да.

Несколько тысяч фунтов посадят тебя на парламентскую скамью, размышлял Струан. Хватит добиваться своего через других. Отныне ты будешь в состоянии делать это сам. Да, наконец-то время пришло, дружище. Пройдет два-три года, и ты получишь дворянский титул. Затем — Кабинет. А затем... Затем, клянусь Богом, ты определишь курс, которым Империя, Азия, Благородный Дом будут следовать тысячу лет.

Робб молча наблюдал за братом. Он знал, что Дирк забыл о его существовании, но нисколько не обижался. Он любил наблюдать за тайпаном в те минуты, когда мысли его уносились далеко-далеко. Когда черты его лица смягчались и ледяная изумрудная зелень таяла в глазах. Когда его голову заполняли мечты, которые, как Робб понимал, ему никогда не суждено разделить со старшим братом. В такие моменты Робб чувствовал свою близость к нему и душу его обнимал покой.

Молчание нарушил Струан:

— Через шесть месяцев ты займешь мое место, станешь тайпаном.

Робб почувствовал, как его желудок сжался в тугий комок.

— Нет. Я не готов, — ответил он, отчаянно борясь с охватившей его паникой.

— Готов. Только в парламенте я смогу защитить и нас, и Гонконг.

— Это верно, — согласился Робб. Потом добавил, стараясь, чтобы его голос звучал ровно: — Но мы решили, что это произойдет позже — через два-три года. Пока слишком многое необходимо сделать здесь.

— Ты сам справишься со всем этим.

— Нет.

— Справишься. И Сара ни на секунду в этом не усомнится, Робб.

Робб взглянул на «Отдыхающее облако» — их плавучий склад, где временно жили его жена и дети. Он знал, что Сара в их семье честолюбива за двоих.

— Но я пока не хочу. Времени впереди достаточно.

Струан подумал о времени. Он не жалел о годах, проведенных на Востоке, вдали от дома. Вдали от жены Рональды и Кулума, Иэна, Лечи, Унифред — его детей. Он был бы рад, если бы они были здесь, рядом с ним, но Рональда всей душой ненавидела Восток. Они поженились в Шотландии, когда ему исполнилось двадцать, а Рональде — шестнадцать, и сразу после свадьбы отплыли в Макао. Их первенец, мальчик, умер при рождении, а когда на следующий год родился их второй сын, Кулум, он тоже стал часто болеть. Тогда Струан отослал семью домой. Раз в каждые три-четыре года он брал отпуск и возвращался к ним. Месяц-другой в Глазго, в кругу семьи, а потом — назад, на Восток, потому что здесь его ждали дела, ждал Благородный Дом, который он должен был построить и возвеличить.

Ни об одном дне я не жалею, говорил он себе. Ни об одном. Человек должен идти в этот мир, чтобы взять от него все, что возможно, отдавая при этом и себя без остатка. Разве не в этом заключается смысл жизни? Даже если Рональда — чудесная жена и я люблю своих детей, мужчина все равно должен делать то, к чему призван судьбой. Разве не для этого мы рождаемся на свет? Если бы лорд всех Струанов не отнял у клана землю, не огородил ее и не прогнал нас — нас, своих родственников, которые из поколения в поколение трудились на ней, — я, наверное, стал бы фермером, каким был мой отец. И до конца дней был бы доволен своей долей. Но лорд отослал нас в зловонные трущобы Глазго и забрал все наши земли себе, чтобы стать графом Струаном, и разрушил клан. А мы умирали там с голоду, и я отправился в море, и йосс был благосклонен к нам, и вот теперь наша семья живет в полном достатке. Вся до последнего человека. Потому что я ушел в море. И потому что Благородный Дом из мечты превратился в реальность.

Струан быстро усвоил ту истину, что деньги — это прежде всего власть. И он намеревался использовать свою власть, чтобы уничтожить графа Струана и выкупить часть земель клана. Нет, он ни о чем не жалел в своей жизни. Он открыл для себя Китай, и Китай дал ему то, чего никогда не могла бы дать ему родина. Не просто богатство — богатство само по себе отвратительно, — но богатство и цель, которой оно служит. Он чувствовал себя в долгу перед Китаем.

И Струан знал, что, хотя он отправится домой, станет членом парламента, войдет в Кабинет министров, отомстит графу и сделает Гонконг немеркнущим украшением британской короны, он обязательно вернется сюда. Потому что достижение конечной цели — ее он держал в тайне от всех и даже самому себе не позволял слишком часто о ней думать — потребует многих и многих лет.

— Времени никогда не бывает достаточно. — Он посмотрел на самую высокую гору острова. — Мы назовем ее Пик, — рассеянно произнес он, и вновь у него появилось это странное, неожиданное ощущение, что остров ненавидит его и желает ему смерти. Он вдыхал эту ненависть, разлитую в самом воздухе острова, и ошеломленно спрашивал себя: почему? — Через шесть месяцев ты начнешь управлять Благородным Домом, — хрипло повторил он.

— Я не смогу. Один — нет.

— Тайпан всегда один. В этом заключается вся радость и боль его жизни. — Через плечо Робба он увидел приближающегося к ним боцмана. — Да, мистер Маккей?

— Прошу прощения, сэр. Прикажете выкатывать бочонки? — Маккей был невысок ростом, крепко сбит, его волосы были затянуты сзади в короткую прокопченную косичку, напоминавшую крысиный хвост.

— Да. Всем матросам — по двойной чарке. Устанавливайте все, как договорились.

— Есть, так точно, сэр-р. — Маккей заспешил прочь.

Струан повернулся к Роббу, и Робб уже не мог видеть ничего, кроме этих странных глаз, струивших на него свой зеленый свет.

— В конце года я пришлю тебе Кулума. К тому времени он уже закончит учебу в университете. Иэн и Лечи пойдут в море, потом присоединятся к вам. А там и твой Родди подрастет. Благодарение Богу, у нас достаточно сыновей, которые продолжают наше дело. Выбери одного из них, который придет на смену тебе. Тайпан обязательно должен сам выбирать, кто его сменит и когда. — Тут он, словно подводя итог разговору, решительно повернулся спиной к гавани и сказал: — Шесть месяцев!

Струан ушел. Робб смотрел вслед брату, чувствуя прилив ненависти к нему, к себе, к этому острову. Он знал, что как тайпан не оправдает ничьих надежд.

— Не хотите ли выпить с нами, джентльмены? — обратился Струан к торговцам. — Тост за наш новый дом! Есть бренди, ром, пиво, сак^[5], виски и шампанское. — Он указал рукой на баркас, из которого его люди выгружали на берег бочонки.

Несколько матросов уже водружали столы. Другие, пошатываясь под тяжестью корзин, подносили холодное жареное мясо: цыплят, окорока, два десятка молочных поросят, говяжий бок, а также хлеб, холодные пироги с солониной, чаны с холодной капустой, тушенной со свиным салом, три-четыре десятка копченых окороков, гроздь бананов из Кантона, пироги с сушеными фруктами, хрустальные бокалы и оловянные кружки и даже ведерки со льдом для шампанского, который лорчи и клиперы компании доставили с севера.

— Приготовлен завтрак для всех, кто проголодался, — добавил Струан.

Его слова были встречены одобрительным хором голосов, и торговцы начали собираться у столов. Когда у каждого в руке оказался наполненный бокал или кружка, Струан поднял свой бокал с бренди:

— Тост, джентльмены!

— Я выпью с тобой, но не за этот растреклятый обломок скалы. Я выпью за твой скорейший конец, — сказал Брок, поднимая кружку с элем. — Хотя, подумав дважды, я, пожалуй, выпью и за твой чертов голыш. И дам ему имя: Струанова Дурь.

— Да, остров невелик, — спокойно ответил Струан. — Но на нем хватит места и Струану, и остальным китайским торговцам. Вот достаточно ли он вместителен для Струана и Брока — судить не берусь.

— А я тебе вот что скажу, Дирк, старина: вдвоем мы не поместимся даже во всем Китае. — Брок осушил кружку, швырнул ее в сторону и направился к своему баркасу. Некоторые из торговцев последовали за ним.

— Честное слово, манеры у него преотвратные, — высокомерно поморщившись, заметил Квэнс. Затем он воскликнул среди общего хохота: — Ну же, тайпан, тост! Мистера Квэнса одолевает жажда бессмертных! Пусть вершится история.

— Извините меня, мистер Струан, — заговорил Горацио Синклер. — Прежде чем будет произнесен первый тост, не покажется ли вам уместным возблагодарить Господа нашего за те милости, которые он явил нам сегодня?

— Ну конечно, дружок. Как глупо было с моей стороны забыть об этом. Не согласишься ли ты сам прочесть молитву?

— Здесь присутствует преподобный Маусс, сэр.

Струан заколебался, предложение Синклера застало его врасплох. Он внимательно посмотрел на молодого человека, с удовольствием отметил глубокий юмор, притаившийся на самом дне светло-серых глаз, и громко объявил:

— Преподобный Маусс, где вы? Давайте помолимся.

Внушительная фигура Маусса выросла над рядами торговцев. Нетвердо ступая, он двинулся к голове стола и поставил на край свой пустой бокал, притворившись, что так и не успел его наполнить. Все присутствующие сняли шляпы и с непокрытыми головами замерли в ожидании на холодном ветру.

На берегу стало тихо. Струан поднял глаза на возвышение у подножия горы, где будет стоять кирка. Внутренним взором он увидел эту кирку и весь город с его причалами и складами, домами и садами. Он увидел Большой Дом, где тайпан из поколения в поколение будет держать свой двор. Дома для других владельцев компаний и их семей. И их любовниц. Он подумал о своей теперешней наложнице Чжун Жэнь Мэй-мэй. Струан купил Мэй-мэй пять лет назад, когда ей только-только исполнилось пятнадцать и мужчина еще не касался ее.

Хей-йя, радостно сказал он самому себе, воспользовавшись одним из ее кантонских восклицаний, которое в зависимости от интонации могло выражать удовольствие, злость, отвращение, беспредельное счастье или полную беспомощность. Поистине, это не женщина, а дикая кошка, с нежностью подумал он.

— Милостивый Боже диких ветров, и прибоя, и любви во всей ее красоте, Бог великих кораблей, и Северной звезды, и красоты родного дома, Бог и Отец младенца Христа, воззри на нас и смилуйся над нами. — Маусс, закрыв глаза, воздел руки. Его голос звучал проникновенно, вечная, неизбывная тоска поднялась из глубин его души и овладела всем его существом. — Мы — сыновья человеческие, и наши отцы тревожились за нас, как Ты тревожился за своего благословенного Сына Иисуса. Распяты святые на земле, и множатся грешники. Мы смотрим на великолепие цветка и не зрим Тебя. Мы сносим гнев Большого Ветра и не знаем Тебя. Мы бороздим грудь могучего океана и не чувствуем Тебя. Мы возделываем землю и не касаемся Тебя. Мы едим и пьем, и нет вкуса Твоего на губах наших. Все это Ты, и многое другое — тоже Ты. Ты — это жизнь и смерть, удача и неуспех. Ты Бог, а мы люди...

Он замолчал с искаженным лицом, пытаясь преодолеть душевную муку. О Боже, прости мне прегрешения мои. Позволь мне искупить слабость мою обращением язычников. Позволь стать мучеником за Твое святое дело. Обрати меня из того, что я есть, в то, чем я был когда-то...

Но Вольфганг Маусс знал, что к прошлому нет возврата, что с того момента, как он поступил на службу к Струану, благодать навсегда оставила его и плотские желания завладели им и держали в своей власти крепче, чем болотная трясина. Конечно, Боже, я сделал то, что должен был сделать, думал он. Для меня не было и нет иного способа попасть в Китай.

Он открыл глаза и беспомощно огляделся вокруг:

— Извините. Простите меня. Я утратил верные слова. Я вижу их — великие слова, которые откроют вам Господа, как некогда Он был открыт мне, но уста мои навсегда

онемели для этих слов. Простите меня. Господи, благослови этот остров! Аминь!

Струан взял полный бокал виски и протянул его Мауссу:

— Думаю, ты сказал очень хорошо. Тост, джентльмены! За королеву!

Они выпили, и, когда бокалы опустели, Струан распорядился наполнить их снова:

— С вашего позволения, капитан Глессинг, я бы хотел предложить вашим людям выпить с нами. И вам, конечно. Тост за новое владение королевы. Сегодня вы вошли в историю. — Он повернулся к торговцам и воскликнул: — Мы должны почтить нашего капитана! Давайте назовем этот пляж Глессинг-Пойнт — мыс Глессинга!

Предложение было встречено одобрительным ревом.

— Давать название острову или любой его части — прерогатива верховного командования, — заметил Глессинг.

— Я упомяну об этом его превосходительству.

Глессинг отрывисто кивнул и рявкнул главному старшине корабельной полиции:

— Матросам по чарке, поздравление от торгового дома «Струан и компания». Морским пехотинцам воздержаться. Вольно стоять.

Несмотря на то что Струан бесил его, Глессинг не мог сдержать восторга при мысли, что, пока существует колония Гонконг, его имя будут помнить. Ибо Струан никогда не бросал слов на ветер.

Следующий тост был поднят за Гонконг и встречен тройным «ура». Затем Струан кивнул волынщику, и над пляжем поплыл скерл клана Струанов.

Робб не выпил ни капли. Струан пригубил бокал с бренди и начал пробираться сквозь толпу гостей, здороваясь с теми, с кем хотел поздороваться, и кивая остальным.

— Ты не пьешь, Гордон?

— Нет, благодарю вас, мистер Струан. — Юноша поклонился по-китайски, гордясь тем, что его заметили.

— Как идут твои дела?

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр.

Мальчик уже вырос в молодого мужчину, подумал Струан. Сколько ему теперь? Девятнадцать. Время бежит так быстро.

Он с теплотой вспомнил Кай-сун, мать мальчика. Она была его первой наложницей, и самой красивой. Хей-йя, она многому тебя научила.

— Как поживает твоя мать? — спросил он.

— Она чувствует себя очень хорошо, — улыбнулся Гордон. — Она была бы рада передать со мной свои молитвы о вашем благополучии. Каждый месяц она зажигает в храме благовонные палочки, чтобы йосс был благосклонен к вам.

Интересно, спрашивал себя Струан, как она теперь выглядит. Он не видел ее семнадцать лет. Но лицо ее помнил очень отчетливо.

— Передай ей мои наилучшие пожелания.

— Это будет очень большая честь для нее, мистер Струан.

— Чэнь Шэн говорит мне, что ты много и прилежно работаешь и очень полезен ему.

— Он слишком добр ко мне, сэр.

Чэнь Шэн никогда не бывал добр к тому, кто не отрабатывал свой хлеб сторицей. Чэнь Шэн — старый вор, подумал Струан, но, клянусь Господом, без него мы бы пропали.

— Что ж, — сказал он вслух, — ты не мог бы пожелать себе лучшего учителя, чем Чэнь Шэн. В следующие несколько месяцев нам предстоит много работы. Можно будет получить

хорошие комиссионные.

— Я надеюсь быть полезным Благородному Дому, сэр.

Струан почувствовал, что его сын хочет сказать ему что-то важное, но лишь благожелательно кивнул и отошел, зная, что Гордон найдет способ поговорить с ним, когда придет время.

Гордон Чэнь поклонился и, помедлив несколько секунд, направился к одному из столов и вежливо подождал поодаль, пока для него не освободится место. Он чувствовал на себе изумленные взгляды, но не обращал на них внимания: пока Струан остается тайпаном, он, Гордон, в полной безопасности.

Купцы и матросы, собравшиеся на пляже, руками разрывали цыплят и молочных поросят и набивали рты мясом; жирный сок стекал по их подбородкам. Настоящая банда дикарей, подумал Гордон и возблагодарил свой йосс за то, что его воспитали как китайца, а не как европейца.

Да, продолжал он беседовать сам с собой, мой йосс огромен. Несколько лет назад йосс привел к нему его китайского Наставника. Он никому не рассказывал об этом человеке, даже матери. От него он узнал, что не все, о чем проповедовали преподобные Синклер и Маусс, обязательно истина. Он узнал о Будде, о Китае и его прошлом. И о том, как отплатить за жизнь, дарованную ему свыше, используя ее во славу родной страны. И наконец, в прошлом году Наставник посвятил его в члены самого могущественного и воинственного из всех тайных обществ Китая — Хунмэнь. Это общество, распространившееся по всей стране, было законспирировано, как ни одно другое. Его членов связывали между собой самые священные клятвы кровного братства. Его целью являлось свержение ненавистных маньчжуров — чужеродной династии Цин, которая правила Китаем.

Вот уже двести лет под разными названиями и в разных обликах это общество сеяло в народе зерна неповиновения. Во всех уголках Китайской империи — от Тибета до Формозы, от Монголии до Индокитая — постоянно вспыхивали восстания. Где бы ни начинался голод, ни усиливался гнет или недовольство, Хунмэнь объединяло крестьян против императора и его мандаринов. Все выступления заканчивались поражением, и войска императора с невероятной жестокостью расправлялись с восставшими. Но тайное братство продолжало существовать.

Гордон Чэнь понимал, что ему, китайцу лишь наполовину, оказали немалую честь, признав достойным вступления в братство Хунмэнь. Смерть Цинам! Он благодарил свой йосс за то, что родился именно в этот период истории, именно в этой части Китая и с таким отцом, потому что сознавал: Китай почти созрел для всенародного восстания.

И он благословлял тайпана, ибо тот преподнес обществу Хунмэнь жемчужину, не имеющую цены, — Гонконг. Наконец-то после стольких лет у братства появилось надежное убежище, где его не настигнет рука мандаринов, и днем и ночью пытающихся напасть на его след. Гонконгом будут управлять сами варвары, и здесь, на этом маленьком диком острове, общество наберет силу. С Гонконга, своего нового безопасного лагеря, они станут тайком проникать на материк, не давая покоя Цинам, пока не наступит Священный день. И если йосс, думал он, если йосс будет ко мне благосклонен, я сумею воспользоваться могуществом Благородного Дома на благо нашего дела.

— Убирайся отсюда, чертов язычник!

Гордон Чэнь вздрогнул и поднял глаза. Крепкий, коренастый матрос смотрел на него горящими глазами. В руке он держал ногу молочного поросенка, от которой отрывал

большие куски своими сломанными зубами.

— Катись отсюда или я намотаю твою косичку на твою же вонючую шею!

Боцман Маккей торопливо подошел к ним и отшвырнул матроса в сторону.

— Придержи язык, Рамсей, чертово ты отродье! Не сердитесь, мистер Чэнь, он вполне безобидный малый.

— Да. Благодарю вас, мистер Маккей.

— Хотите перекусить? — Маккей коротким движением вонзил свой нож в цыпленка, поднял его и предложил молодому человеку.

Гордон Чэнь аккуратно отломил кончик крылышка, ужасаясь про себя варварским манерам боцмана.

— Спасибо.

— И это все?

— Да. Это самая вкусная часть. — Чэнь поклонился. — Благодарю вас еще раз. — Он отошел.

Маккей направился к матросу:

— С тобой все в порядке, приятель?

— Мне следовало бы насадить на нож твое гнилое сердце. Эта обезьяна что, твоя китайская милашка?

— Говори тише, парень. Этого китайца нужно оставить в покое. Если тебе так уж хочется связываться с языческими ублюдками, вокруг полно других. Но этого не трогай, клянусь Всевышним. Он сын тайпана, вот так-то.

— Тогда почему же он не носит этот чертов знак... или не обрежет свои чертovy волосы? — Рамсей понизил голос и осклабился. — Хе, говорят, они совсем другие, эти китайские милашки. Устроены не по-нашему.

— Не знаю. Я к этому отребью и близко не подойду. В Макао полным-полно белых девочек, на наш век хватит.

Струан рассматривал сампан, стоящий на якоре недалеко от берега. Это была небольшая лодка с уютной кабиной, устроенной из тонких пальмовых циновок, натянутых на бамбуковые дуги. Рыбак и его семья были хокло, речные люди, которые всю жизнь проводили на плаву и редко, если вообще когда-либо, высаживались на берег. Струан разглядел в сампане четверых взрослых и восемь детей. Некоторые ребятишки были привязаны к лодке веревкой, закрепленной у них на поясе. Это, скорее всего, сыновья, отметил он про себя. Дочерей не привязывают, потому что дочери никому не нужны.

— Как вы думаете, когда мы сможем вернуться в Макао, мистер Струан?

Он обернулся и приветливо улыбнулся Горацио:

— Надо полагать, завтра, мой мальчик. Однако, я думаю, ты понадобишься его превосходительству для еще одной встречи с Тисэнем. Нужно будет потом перевести кое-какие документы.

— Когда состоится встреча?

— Через три дня, если не ошибаюсь.

— Если один из ваших кораблей пойдет в Макао, может быть, вы распорядитесь, чтобы он захватил мою сестру. Бедняжка Мэри уже два месяца не ступала по твердой земле.

— С радостью. — Интересно, что сделает Горацио, спросил себя Струан, когда узнает про Мэри. Сам он узнал правду о ней чуть больше трех лет назад...

Он пробирался через толпу на рынке в Макао, когда какой-то китаец вдруг сунул ему в руку клочок бумаги и тут же исчез. Это оказалась записка, написанная по-китайски. Струан показал ее Вольфгангу Мауссу.

— Здесь указано, как пройти к некоему дому, мистер Струан. И послание для вас: «Тайпану Благородного Дома нужно получить особо важную информацию, которая может помочь его компании. Приходите тайно к боковому входу в час обезьяны».

— Час обезьяны — это когда?

— Три часа пополудни.

— Где находится дом?

Вольфганг объяснил ему и добавил:

— Не ходите туда. Это ловушка, hein? Не забывайте, что за вашу голову назначена награда в сто тысяч таэлей.

— Дом стоит не в китайских кварталах, — возразил Струан. — К тому же они не станут устраивать ловушку среди бела дня. Собери команду моего баркаса. Если я не выйду оттуда живым и невредимым через час, вы ворветесь следом и отыщете меня.

Итак, он пошел, оставив Вольфганга и вооруженных матросов в готовности немедленно прийти ему на помощь. Нужный ему дом стоял в ряд с другими на тихой, зеленой и тенистой улочке. Струан вошел через дверь в высокой боковой стене и очутился в саду. Здесь его ждала прислужница-китаянка в аккуратных черных штанах и черном халате. Ее волосы были собраны в пучок. Она поклонилась и, приложив палец к губам, жестом пригласила его следовать за ней. Они прошли через сад, вошли в дом, поднялись по скрытой от чужих глаз лестнице и оказались в какой-то комнате. Струан шел за прислужницей настороженно, готовый в любую минуту отразить внезапное нападение.

Комната, в которой они очутились, была обставлена богато, на обшитых деревянными панелями стенах висели ковры. Кроме стола и стульев, Струан увидел еще и китайскую мебель из тика. Комната удивила его чистотой, неожиданной в таком месте; едва уловимо пахло тонкими благовониями. Единственное окно выходило в сад.

Женщина прошла к дальней стене и осторожно сняла одну из панелей обшивки. Под ней открылось крошечное отверстие. Она заглянула в него и жестом подозвала Струана, показав рукой, что ему нужно сделать то же самое. Струан слышал про старинную китайскую хитрость, когда врага обманом уговаривали приложить глаз к такому отверстию, а с другой стороны стены его поджидал человек с длинной иглой. Поэтому он держал лицо в нескольких дюймах от отверстия. Но и так он мог хорошо видеть все, что происходило в соседней комнате.

Это была спальня. Ван Чу, верховный мандарин Макао, лежал на постели, голый и жирный, и громко храпел. Мэри, тоже нагая, лежала рядом. Положив руки под голову, она смотрела в потолок.

Струан завороченно наблюдал эту картину, чувствуя, как душу его наполняет ужас. Мэри томно ткнула Ван Чу в бок, ласками разбудила его, стала говорить с ним и смеяться. Струан и не подозревал, что она выучила китайский, он знал ее не лучше, чем любого другого человека в Макао — исключая ее брата. Мэри позвонила в маленький колокольчик. В спальню вошла прислужница и начала помогать мандарину одеваться. Ван Чу не мог одеваться самостоятельно, ему мешали ногти длиной четыре дюйма, на эти ногти, чтобы они не сломались, были надеты специальные чехольчики, украшенные драгоценными камнями. Струан отвернулся, задыхаясь от отвращения.

Внезапно из сада послышались монотонные голоса, и он осторожно выглянул в окно. Внизу собиралась охрана Ван Чу, солдаты отрезали ему единственный путь к отступлению. Прислужница знаком показала, чтобы он не беспокоился, а подождал. Она подошла к столу, налила ему чая, затем поклонилась и вышла.

Через полчаса солдаты покинули сад, и Струан увидел, как они построились на улице перед паланкином Ван Чу. Мандарину помогли сесть в паланкин, и процессия тронулась.

— Привет, тайпан.

Струан резко обернулся, выхватив нож. Мэри стояла у скрытой обшивкой двери. Девушка накинула халат из легкой полупрозрачной ткани, который совершенно ничего не скрывал. У нее были длинные светлые волосы, голубые глаза и ямочка на подбородке; халат позволял видеть длинные стройные ноги, тонкую талию и маленькие упругие груди. На золотой цепочке висел медальон из нефрита, покрытого тонкой резьбой. Мэри изучала Струана с улыбкой, полной лукавого любопытства.

— Вы можете убрать нож, тайпан. Здесь вам не грозит опасность. — Ее голос звучал спокойно, в нем слышалась насмешка.

— Тебя следовало бы выпороть, — сказал он.

— Поркой меня не удивишь, разве вы этого не знаете? — Она показала рукой в сторону спальни. — Там нам будет удобнее. — Подойдя к бюро, она налила бренди в два бокала. — В чем дело? — спросила она с той же порочной улыбкой. — Неужели вам никогда не приходилось бывать в спальне девушки?

— Ты имеешь в виду спальню блудницы?

Она протянула ему бокал, и он принял его.

— Мы с вами очень похожи, тайпан. Нам обоим в постели больше нравятся китайцы.

— Клянусь Богом, дрянь ты этакая, ты...

— Не нужно разыгрывать лицемера, это вам не идет. Вы женаты, и у вас есть дети. Тем не менее у вас много других женщин. Китайских женщин. Я все о них знаю. Я специально позаботилась выяснить о вас все подробности.

— Невозможно, чтобы передо мной сейчас стояла Мэри Синклер, — произнес он, обращаясь больше к самому себе.

— Не невозможно. Удивительно — да. — Она спокойно потягивала бренди. — Я послала за вами, потому что хотела, чтобы вы увидели меня такой, какая я есть.

— Зачем?

— Для начала вам лучше отпустить своих людей.

— Откуда ты о них знаешь?

— Вы очень осторожны. Так же, как и я. Вы ни за что бы не пришли сюда без ваших телохранителей. — Ее глаза насмешливо смотрели на него.

— Что ты задумала?

— Как долго вы приказали вашим людям ждать вас?

— Один час.

— Мне понадобится больше времени для разговора с вами. Отпустите их. — Она рассмеялась. — Я подожду.

— Да уж, сделай милость. И заодно надень на себя что-нибудь.

Он вышел из дома и приказал Вольфгангу ждать его еще два часа, по истечении которых они должны будут заняться его поисками. Он рассказал Мауссу про потайную дверь в стене, но умолчал о Мэри.

Когда он вернулся, Мэри лежала на кровати.

— Пожалуйста, закройте дверь, тайпан, — попросила она.

— Я же просил тебя одеться.

— А я просила вас закрыть дверь.

Он со злостью захлопнул ее за собой. Мэри сняла свой прозрачный халат и отбросила его в сторону.

— Вы находите меня привлекательной?

— Нет. Ты вызываешь во мне отвращение.

— А вот вы, тайпан, не вызываете во мне отвращения. Вы единственный человек в мире, которым я восхищаюсь.

— Посмотрел бы на тебя сейчас Горацио.

— А-а, Горацио, — произнесла она с загадочным выражением лица. — Как долго вы приказали вашим людям ждать на этот раз?

— Два часа.

— Вы рассказали им про потайную дверь, но не про меня.

— Почему ты так уверена?

— Я знаю вас, тайпан. Поэтому я и доверяю вам свою тайну. — Она поиграла бокалом, опустила глаза. — Мы уже закончили, когда вы заглянули в отверстие в стене?

— Кровь Христова! Да неужели ты...

— Будьте терпеливы со мной, тайпан! — оборвала она его. — Мы закончили?

— Да.

— Я рада. Правда, это и хорошо, и плохо. Я бы хотела, чтобы вы были уверены.

— Не понимаю тебя.

— Я бы хотела, чтобы вы были уверены в том, что Ван Чу — мой любовник.

— Зачем?

— Затем, что у меня есть информация, которая может оказаться полезной для вас. Вы никогда бы не поверили мне, не убедившись, что я была его женщиной.

— Что за информация?

— Я знаю многое из того, что могло бы вам пригодиться, тайпан. У меня много любовников. Иногда сюда заходит Тисэнь. Большинство мандаринов Кантона. Один раз был даже старик Жэнь-гуа. — Ее глаза превратились в льдинки и словно поменяли цвет. — Они не находят меня отвратительной. Им нравится цвет моей кожи, и я выполняю все их желания. Они выполняют мои. Я должна рассказать вам все, что знаю, тайпан. Ведь я лишь возвращаю вам свой долг.

— Какой долг?

— Вы прекратили побои. Правда, помощь пришла слишком поздно, но это не ваша вина. — Она поднялась с кровати и накинула халат из плотной ткани. — Я не буду больше испытывать ваше терпение. Пожалуйста, выслушайте меня, а потом можете поступать, как вам заблагорассудится.

— Что ты хочешь рассказать мне?

— Император назначил в Кантон нового наместника. Этот новый наместник Линь везет с собой императорский указ, запрещающий торговлю опиумом. Он прибудет сюда через две недели, и в течение последующих трех недель поселение в Кантоне будет окружено войсками. Ни одному европейцу не позволят покинуть Кантон, пока не будут сданы все запасы опиума.

Струан презрительно рассмеялся:

— В это я никогда не поверю.

— Если опиум будет сдан и уничтожен, любой, у кого останутся его запасы за пределами Кантона, заработает на этом целое состояние, — спокойно заметила Мэри.

— Свой опиум никто и никогда не отдаст просто так.

— Предположим, всех жителей поселения возьмут заложниками. И в качестве выкупа назначат опиум. Что вы сможете сделать? Военных кораблей у вас здесь нет. Вы беззащитны. Разве не так?

— Пожалуй.

— Пошлите корабль в Калькутту с распоряжением скупать опиум — столько, сколько сможете, — через два месяца после того, как он туда прибудет. Если моя информация неверна, у вас останется достаточно времени, чтобы отменить это распоряжение.

— Это тебе Ван сказал?

— Только о наместнике. Все остальное я додумала сама. Я хотела расплатиться с вами.

— Ты мне ничего не должна.

— Вас никогда не пороли кнутом.

— Почему ты не прислала ко мне кого-нибудь с тайным посланием? Зачем понадобилось приводить меня сюда? Чтобы я увидел тебя вот такой? Зачем ты заставила меня пройти через весь этот... весь этот ужас?

— Я хотела все рассказать вам сама. Я хотела, чтобы еще кто-нибудь, кроме меня, знал, какая я на самом деле. Вы единственный человек, которому я доверяю.

— Ты сошла с ума! Тебя нужно было бы запереть под замок.

— И все потому, что мне нравится спать с китайцами?

— Крест Господень! Да ты что, не понимаешь, кем ты стала?

— Понимаю. Позором Англии. — Ее лицо исказила злоба, оно сразу постарело, стало жестче. — Вы, мужчины, можете делать все, что только захотите, а нам, женщинам, оказывается, нельзя. Бог ты мой, да как бы я могла лечь в постель с европейцем?! Первое, что он сделал бы, выйдя отсюда, — это побежал рассказывать остальным о своем приключении и опозорил бы меня перед всем светом. А так никто не страдает. За исключением, может быть, меня, но это случилось очень давно.

— Что случилось? О чем ты?

— Вам следует раз и навсегда усвоить одну истину, тайпан. Женщине нужны мужчины так же, как и мужчине нужны женщины. Почему мы должны довольствоваться одним только мужем? С какой стати?

— Как долго все это продолжается?

— С тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Не делайте вид, что вы потрясены! Сколько лет было Мэй-мэй, когда вы купили ее?

— Это совсем другое дело.

— Для мужчин это всегда другое дело. — Мэри присела к столу перед зеркалом и принялась расчесывать волосы. — Брок тайно договаривается с испанцами в Маниле насчет урожая сахара. Он предложил Карлосу де Сильвере десять процентов за монопольную торговлю.

Струан почувствовал, как в нем заклокотала ярость. Если Броку удастся трюк с сахаром, он приберет к рукам всю торговлю на Филиппинах.

— Откуда ты знаешь?

— Его компрадор Шэ Цин сказал мне.

— Он тоже один из твоих... клиентов?

— Да.

— Ты хочешь сообщить мне еще что-нибудь?

— Того, что я сказала, уже достаточно, чтобы вы смогли заработать сто тысяч серебром.

— Значит, это все?

— Да. — (Струан поднялся с кресла.) — Что вы намерены делать?

— Рассказать обо всем твоему брату. Тебя лучше отправить в Англию.

— Позвольте мне жить собственной жизнью, тайпан. Мне нравится то, что я делаю, и я никогда не стану иной. Ни один европеец, кроме Горацио и вот теперь вас, не знает, что я говорю на кантонском и мандаринском наречиях. Даже из китайцев лишь немногим известно об этом. И только вы знаете обо мне всю правду. Я обещаю, что буду вам очень-очень полезна.

— Ты отправишься домой, подальше от Азии.

— Азия — мой дом. — Морщины прорезали ее лоб, ему показалось, что взгляд ее смягчился. — Ну пожалуйста, оставьте все как есть. Ведь ничего не изменилось. Третьего дня вы повстречались со мной на улице, и вы были добры и обходительны. Я по-прежнему все та же Мэри.

— Нет, уже не та. Ты считаешь, что все это, — он обвел взглядом комнату, — ничего не значит?

— В каждом из нас живут сразу несколько людей, часто очень разных. Сейчас вы видите перед собой одну Мэри, но и та, другая девушка — милое, доверчивое, невинное ничтожество, которое ведет пустые разговоры и обожает ходить в церковь, играть на клавишине, петь и вышивать, — это тоже я. Я не знаю, как это получается, но это правда. Вот вы, тайпан Струан — дьявол, контрабандист, принц, убийца, муж, развратник, святой и еще целая сотня других людей. Который из них настоящий вы?

— Я ничего не скажу Горацио. Ты можешь просто уехать домой. Деньги я тебе дам.

— У меня достаточно денег, чтобы оплатить собственный проезд, тайпан. Я получаю много подарков. Мне принадлежит этот дом и еще соседний. И я уеду, когда сочту нужным, и тем способом, который выберу сама. Пожалуйста, предоставьте меня моему йоссу. Я — это я, и не в ваших силах изменить тут что-либо. Когда-то вы могли бы помочь мне... Нет, это тоже нечестно. Никто не смог бы мне помочь. Мне нравится то, что я делаю. Клянусь вам, что никогда не стану другой. Я останусь тем, что я есть. Либо тайно, и никто не будет знать об этом, кроме вас и меня, либо открыто. Так зачем же причинять боль другим? Зачем причинять боль Горацио?

Струан посмотрел на нее сверху вниз. Он понимал, что она говорит серьезно.

— Ты представляешь себе всю опасность своего положения?

— Да.

— Вообрази на минуту, что у тебя будет ребенок.

— Опасность придает жизни остроту, тайпан. — Она постаралась проникнуть взглядом в самую глубину его души, и ее голубые глаза потемнели. — Только об одном я жалею, пригласив вас сюда. Теперь я никогда не смогу принадлежать вам. А я бы очень хотела этого.

Струан предоставил Мэри ее собственной судьбе. Она имела право устраивать свою жизнь так, как ей хотелось, и публичное обличение ничего бы здесь не поправило. Хуже того, оно погубило бы ее верного, преданного брата.

Сведения, полученные от нее, он использовал с огромной выгодой. Благодаря Мэри Благородный Дом добился почти полной монополии на торговлю опиумом в течение целого года и с лихвой вернул себе ту долю — двенадцать тысяч ящиков, которая пошла на выкуп за жизнь поселенцев. То, что Мэри сообщила ему о Брое, тоже оказалось правдой, и Брок удалось остановить. Струан открыл на имя Мэри секретный счет в Англии и стал переводить на него часть получаемой им прибыли. Она поблагодарила его за это, но никогда не проявляла интереса к этим деньгам — казалось, они для нее не существовали. Время от времени Мэри передавала ему новую информацию. Но так ни разу и не заговорила о том, как началась ее двойная жизнь и что послужило тому причиной. Господь всевидящий и милосердный, думал он, я никогда не научусь понимать людей...

Сейчас на берегу он пытался представить себе, что сделает Горацио, когда узнает обо всем этом. Мэри не сможет долго сохранять свою вторую жизнь в тайне — рано или поздно, но она неизбежно сделает ошибку.

— Что-нибудь случилось, мистер Струан? — спросил Горацио.

— Ничего, дружок. Я просто задумался.

— У вас есть корабль, который отплывает сегодня или завтра?

— Что?

— Отплывает в Макао, — рассмеялся Горацио. — Чтобы забрать Мэри в Макао.

— Ах да. Мэри. — Струан собрался с мыслями. — Завтра, по всей вероятности. Я дам вам знать.

Он стал проталкиваться сквозь толпу коммерсантов, направляясь к Роббу, который стоял у одного из столов и смотрел на море.

— Что дальше, мистер Струан? — выкрикнул Скиннер.

— А?

— Остров наш. Что теперь предпримет Благородный Дом?

— Будет строиться, конечно. Кто успеет построиться первым, выгадает больше всех, мистер Скиннер. — Струан добродушно кивнул и двинулся дальше. Интересно, подумал он, что сказали бы другие торговцы — даже Робб, — если бы узнали, что «Ориентал таймс» принадлежит ему и Скиннер получает у него жалованье.

— Ты не ешь, Робб?

— Позже, Дирк. Времени достаточно.

— Чай?

— Спасибо.

К ним присоединился Купер и поднял свой бокал:

— За Струанову Дурь?

— Если это действительно так, Джефф, — заметил Струан, — вы попадете в одну помойную яму вместе с нами.

— Ага, — добавил Робб. — И помойка окажется не из дешевых, если Дом Струанов будет иметь к ней какое-то отношение.

— Н-да, что-то, а делать дела красиво Благородный Дом умеет! Отличное виски, бренди, шампанское. И венецианское стекло. — Купер щелкнул ногтем по своему бокалу, и тот издал высокий чистый звук. — Великолепно!

— Сделано в Бирмингеме. Там только что изобрели новый способ изготовления стекла. Одна фабрика уже производит по тысяче бокалов в неделю. Не пройдет и года, как таких фабрик появится целая дюжина. — Струан на мгновение замолчал, а потом добавил: — Я

готов доставить в Бостон любое заказанное вами количество. Десять американских центов за бокал.

Купер осмотрел бокал более внимательно:

— Десять тысяч. По шесть центов.

— Десять центов. Брок сдерет с вас двенадцать.

— Пятнадцать тысяч по семь центов.

— Идет — с гарантированным заказом на тридцать тысяч по той же цене в течение года начиная с сегодняшнего дня и гарантией, что вы будете покупать только у «Струана и компании».

— Идет — если вы перевезете груз хлопка из Нового Орлеана в Ливерпуль на том же корабле.

— Сколько тонн?

— Триста. На обычных условиях.

— Идет — если вы выступите нашими агентами по закупке чая в Кантоне в этом сезоне.

В случае необходимости.

Купер сразу насторожился:

— Но ведь война окончилась. Зачем вам может понадобиться посредник?

— Вы согласны?

Мозг Купера в этот момент напоминал муравейник. Договор Чуаньби безотлагательно открывал Кантон для торговли. На днях все они возвращались туда, чтобы опять разместиться в поселении. Они вернутся в свои фактории — или хонги, как назывались на Востоке дома, где располагались их конторы, — и останутся там, как всегда, до мая, потому что в мае заканчивался торговый сезон. Но сказать, что Благородному Дому сейчас понадобится посредник в Кантоне, было бы такой же глупостью, как заявить, будто Соединенным Штатам Америки нужна королевская фамилия.

— Так вы согласны, Джефф?

— Да. Вы ожидаете новой войны?

— Жизнь — лишь бесконечная череда проблем. Не об этом ли пытался сказать сегодня Вольфганг?

— Не знаю.

— Как скоро будет готов ваш новый корабль? — вдруг спросил Струан.

Купер прищурился:

— Откуда вы узнали о нем? Это секрет для всех, кроме правления нашей компании.

Робб рассмеялся:

— Наше дело все знать, Джефф. Этот корабль может оказаться слишком серьезным конкурентом. Если он поплывет так, как, по расчетам Дирка, должен поплыть, мы, возможно, перекупим его, чтобы он не достался вам. Или построим четыре таких же.

— С каких это пор британцы стали покупать американские корабли? — нахмурился Купер.

— О, мы не собираемся их покупать, Джефф, — сказал Струан. — У нас уже есть копии чертежей. Строить мы будем там, где всегда строили. В Глазго. На вашем месте я бы скосил мачты еще на градус и добавил по брам-стеннге на грот и бизань. Как вы его назовете?

— «Независимость».

— Тогда мы назовем свой «Независимым облаком». Если он будет этого достоин.

— Мы вытесним вас со всех морей. Мы уже дважды побили вас на суше, а теперь

нанесем удар по вашему самому чувствительному месту. Мы отнимем у вас вашу торговлю.

— Надежд на это у вас столько же, сколько у грешников в аду. — Струан заметил, что Тиллман уходит. Его голос сразу стал жестким. — И вообще никаких, пока половина вашей страны живет за счет рабства.

— Придет время, и все изменится. Но начали работоторговлю англичане.

— Ее начали подонки.

Да, а сумасшедшие продолжают их дело, с горечью подумал Купер, вспомнив яростные споры, которые постоянно вспыхивали у него с партнером во время частных бесед: у Тиллмана была своя плантация, и он торговал рабами. Как Уилл может быть настолько слеп?

— Каких-нибудь восемь лет назад вы все еще занимались этим делом.

— Струаны никогда не торговали живым товаром, клянусь Господом! И клянусь всем, что свято, я разметаю по волнам любой корабль, который поймаю за этим занятием! Будь то в британских водах или где угодно. Мы первые сказали всему миру: рабство вне закона. Да поможет нам Господь, пришлось ждать до тысяча восемьсот тридцать третьего года, чтобы эти слова перестали быть просто словами. Но теперь дело сделано. Поэтому запомните, любой корабль!

— Тогда почему бы вам не сделать еще кое-что для торжества справедливости. Используйте свое влияние, чтобы нам разрешили покупать опиум у этой трижды проклятой Ост-Индской компании, черт бы ее побрал! С какой стати на аукционы не допускают никого, кроме британских купцов? Почему нас вынуждают покупать низкокачественный опиум в Турции, когда в Бенгалии его предостаточно для всех нас?

— Вы прекрасно знаете, что я сделал больше, чем можно было от меня требовать, чтобы сокрушить Компанию. Пора и вам раскошелиться, приятель. Вложите деньги. Начните тормозить людей в Вашингтоне. Подтолкните брата вашего компаньона. Он ведь, кажется, сенатор от Алабамы? Или он слишком занят, присматривая за четверкой подлецов — охотников на черных пташек и за парой «рынков» в Мобиле?

— Вам известно мое отношение к этому, клянусь честью! — раздраженно бросил Купер. — Откройте нам доступ на опиумные рынки, и мы развернемся так, что вам негде будет приткнуться. Если уж говорить откровенно, по-моему, вы просто боитесь конкурировать на равных. Иначе зачем вам держать в силе Навигационные акты? Зачем издавать особый закон, запрещающий любым кораблям, кроме английских, доставлять груз в Англию? По какому праву вы монополизировали крупнейший потребительский рынок в мире?

— Уж никак не по божественному праву, приятель, — резко ответил Струан, — которое, похоже, безраздельно царит в американском образе мыслей и в американской внешней политике.

— Кое в чем правы все-таки мы, а не вы. Давайте соперничать честно. Чертовы тарифы! Свободная торговля и свободные моря — вот это правильно!

— Здесь «Струан и компания» с вами. Вы что, газет не читаете? К вашему сведению, мы ежегодно покупаем десять тысяч голосов, чтобы поддержать шестерых членов парламента, которые проголосуют за свободную торговлю. Мы делаем все, что в наших силах.

— Один человек — один голос. Мы голоса не покупаем.

— Что ж, у вас своя система, у нас — своя. И вот что я вам еще скажу. Британцы были против американских войн. Обеих. А также против этих вырождаков из Ганноверской династии. Не вы эти войны выиграли, а мы их проиграли. И проиграли с радостью. Почему

мы должны сражаться с кровными братьями? Но если наши островитяне когда-нибудь решат воевать со Штатами, берегитесь, клянусь Господом! Потому что тогда вам конец.

— У меня, похоже, созрел тост, — объявил Робб.

Американец и шотландец с трудом оторвали глаза друг от друга и уставились на него. К их изумлению, он наполнил три бокала.

— Ты не будешь пить, Робб, — сказал Струан, и его голос прозвучал как удар плети.

— Буду. В первый раз на Гонконге. В последний раз в жизни. — Робб протянул им бокалы. Это золотисто-коричневое виски изготавливали специально для Благородного Дома в Лох-Таннох, откуда они были родом. Робб отчаянно нуждался в глотке спиртного, он мог бы сейчас выпить целый бочонок.

— Ты поклялся на Библии!

— Знаю. Но пить воду под тост принесет нам несчастье. А этот тост важен. — Рука Робба дрожала, когда он поднял бокал. — Я пью за наше будущее. За «Независимость» и «Независимое облако». За свободные моря. За свободу от любых тиранов.

Он отхлебнул, задержал обжигающую жидкость во рту, чувствуя, как все у него внутри сжалось, требуя этот глоток. Потом сплюнул, не проглотив ни капли, и выплеснул остатки виски из бокала на камни.

— Если я еще хоть раз захочу сделать это, выбей бокал у меня из рук. — Чувствуя невыносимую дурноту, Робб повернулся и зашагал прочь от берега.

— Для этого требуется больше сил, чем есть у меня, — покачал головой Купер.

— Робб, должно быть, сошел с ума, если решил так дразнить дьявола.

Шесть лет назад Робб начал напиваться до бесчувствия, до белой горячки. Годом раньше Сара приехала в Макао из Шотландии и привезла с собой детей. Некоторое время все шло прекрасно, но потом она узнала о китайской любовнице Робба Мин Су, с которой он жил уже много лет, и об их дочери. Струан помнил ярость Сары и боль в глазах Робба, и ему было жаль обоих. Им давно следовало бы развестись, подумал он, проклиная закон, согласно которому развод можно было получить только актом парламента. В конце концов Сара согласилась простить Робба, но только при условии, что он Богом поклянется немедленно избавиться от любовницы, которую обожал, и их дочери. Ненавидя себя, Робб дал согласие. Он тайком передал Мин Су четыре тысячи серебряных таэлей, и она с дочерью уехала из Макао. Он больше никогда не видел их и не слышал о них. Но Сара, хотя и смягчилась, так и не смогла забыть прекрасной молодой женщины и ее ребенка и продолжала сыпать соль на незаживающую рану. Робб начал пить. Вскоре алкоголь завладел им целиком, и он не трезвел месяцами кряду. Затем как-то раз он исчез. После долгих поисков Струан отыскал его в одном из вонючих винных погребов Макао, притащил домой, привел в чувство. Потом вложил ему в руку пистолет:

— Застрелись сейчас же или поклянись Всевышним, что больше не притронешься к спиртному. Это яд для тебя, Робб. Ты беспробудно пьешь уже почти целый год. Подумай о детях. Несчастные ребятишки боятся тебя как огня, да и как им тебя не бояться. А я... я устал вытаскивать тебя из сточных канав. Посмотри, во что ты превратился, Робб! Ну, давай, посмотри!

Струан заставил его взглянуть на себя в зеркало. Робб дал клятву, и после этого Струан отправил его на месяц в море, распорядившись, чтобы ему не давали ни капли спиртного. Робб тогда чуть не умер. Прошло время, он опять стал самим собой, поблагодарил брата, вернулся к Саре и попытался помириться с ней. Но мира между ними быть уже не могло —

как и любви. Бедный Робб, думал Струан. И бедная Сара. Ужасно, когда муж и жена живут вот так...

— Какого дьявола, зачем Робби понадобилось это делать?

— Думаю, он хотел предотвратить ссору, — сказал Купер. — Я уже начинал злиться. Мне очень жаль.

— Не извиняйтесь, Джефф. Это все моя вина. Ну, — добавил Струан, — пусть мужество Робби не пропадет даром, а? Его тост?

Они молча выпили. Бражничающие торговцы и матросы разбрелись по всему берегу.

— Эй, тайпан! И ты, чертов колонист! Идите-ка сюда! — Это был Квэнс, сидевший рядом с флагштоком. Он помахал им и прокричал вновь: — Черт возьми, вы идете или нет? — Старик взял понюшку табаку, чихнул два раза и неторопливо обмахнул грудь платком с французскими кружевами. — Ради Бога, сэр, — обратился он к Струану, глядя на него поверх очков без оправы, — как, дьявол меня заberi, может человек работать в таком бедламе?! Это все вы и ваши проклятые бутылки!

— Вы попробовали бренди, мистер Квэнс?

— Напиток безупречен, мой дорогой друг. Как грудки мисс Тиллман. — Он снял картину с мольберта и поднял ее над головой. — Ну, что вы думаете?

— О Шевон Тиллман?

— О картине! Клянусь всеми пузырями бурды из молока с пивом, как вы можете помышлять о заде записной красотки, когда перед вами шедевр? — Квэнс взял еще понюшку, поперхнулся, хлебнул «Наполеона» из оловянной кружки и чихнул.

На картине акварелью была запечатлена сегодняшняя церемония. Тонко. Верно. И чуть-чуть сверх того. Без труда можно было разглядеть Брока и Маусса, Глессинг тоже был там с постановлением в руках.

— Что ж, картина хороша, мистер Квэнс, — похвалил Струан.

— Пятьдесят гиней.

— Я купил у вас одну на прошлой неделе.

— Двадцать гиней.

— Не пойдет.

— Пятьдесят гиней, и я напишу вас зачитывающим постановление.

— Нет.

— Мистер Купер. Шедевр. За двадцать гиней.

— Не считая тайпана и Робба, у меня самая большая коллекция Квэнса на всем Дальнем Востоке.

— Черт возьми, джентльмены, я должен где-нибудь раздобыть хоть какие-то деньги!

— Продай ее Броку. Его тут прекрасно видно, — посоветовал ему Струан.

— Чума на вашего Брока! — Квэнс сделал очень большой глоток из кружки и пожаловался хриплым голосом: — Он отказался покупать, черт бы его побрал! — Он яростно потыкал в картину кистью, и Брок исчез. — Клянусь Создателем, с какой стати я должен дарить ему бессмертие! И на вас обоих мне тоже плевать. Я пошлю ее в Королевскую академию. На вашем следующем корабле, тайпан.

— А кто оплатит фрахт? И страховку?

— Я оплачу, мой мальчик.

— Чем это, интересно?

Квэнс задумчиво разглядывал свое творение. Он чувствовал, что даже в старости по-

прежнему сможет писать и достигать новых высот, что его талант живописца не потускнеет.

— Так чем же, мистер Квэнс?

Квэнс надменно махнул рукой Струану:

— Деньгами. Серебром. Медью. Долларами. Наличными!

— Вам кто-то открыл новый кредит, мистер Квэнс?

Но Квэнс ему не ответил. Он продолжал молча восхищаться картиной, зная, что подцепил рыбку на крючок и она уже не сорвется.

— Ну же, Аристотель, кто это? — настаивал Струан.

Квэнс сделал очередной глоток, взял еще табаку и чихнул. Потом прошептал с заговорщицким видом:

— Присядьте. — Он оглянулся, чтобы убедиться, что их никто не слышит. — Секрет. — Поднял картину. — Двадцать гиней?

— Хорошо, — согласился Струан. — Но смотри, твой секрет должен стоить этих денег.

— А, тайпан, вы истинный князь среди нас. Хотите табаку?

— Не тяни, выкладывай!

— Похоже, некая леди пребывает в полном от себя восхищении. Когда смотрится в зеркало. Без одежды. Я получил заказ написать ее в таком виде.

— Господь всеблагий и всемогущий! Кто?!

— Вы оба ее очень хорошо знаете. — Тут Квэнс добавил с притворной грустью: — Я поклялся не выдавать ее имени. Но ее попка силой моей кисти будет принадлежать грядущему. Она великолепна. — Очередной глоток из кружки. — Я... э-э... видите ли, настоял на том, чтобы ознакомиться с натурой. Целиком. Прежде чем согласился принять заказ. — Он поцеловал сведенные в щепоть кончики пальцев. — Божественна, джентльмены, просто божественна! А какая грудь! Боже милостивый, у меня едва не сделался приступ ипохондрии. — Еще один глоток бренди.

— Нам-то ты можешь сказать. Ну, кто это?

— Первое правило при адюльтере и при работе с обнаженной натурой — никогда не разглашай имени женщины. — Квэнс с сожалением прикончил содержимое кружки. — Но среди вас не найдется ни одного, кто не заплатил бы тысячи гиней, чтобы стать обладателем этого портрета. — Он поднялся на ноги, благодушно рыгнул, обмахнул платком сюртук, закрыл коробку с красками и поднял мольберт, бесконечно довольный собой. — Что ж, на эту неделю с работой покончено. Я зайду к вашему компрадору за тридцатью гинеями.

— Двадцать гиней, — отрезал Струан.

— Оригинал Квэнса с самым знаменательным днем в истории Востока, — презрительно покачал головой художник, — за сумму, которой едва хватит на бочонок «Наполеона». — Он вернулся на свой баркас и сплясал джигу среди хора приветственных голосов, встретивших его.

— Господь Вседержитель, но кто же? — произнес Купер после минутной паузы.

— Должно быть, Шевон, — сказал Струан с коротким смешком. — Как раз такая затея, которая пришлась бы по душе этой юной леди.

— Никогда. Признаю, она взбалмошное создание, но не настолько же. — Купер бросил тревожный взгляд в сторону плавучего склада компании «Купер и Тиллман», где жила Шевон Тиллман.

Она была племянницей его компаньона и приехала в Азию год назад из Вашингтона. За это время она стала первой красавицей в этой части света. В свои девятнадцать лет она была

обворожительно, смела и представляла собой блестящую партию, но ни одному мужчине пока не удалось залучить ее — ни в постель, ни под венец. Ей сделали предложение все холостые мужчины Азии, включая Купера. Ему, как и всем остальным, она отказала и в то же время не отказала: держала на привязи, как вообще всех своих поклонников. Однако Купер не расстраивался: он знал, что рано или поздно Шевон будет его женой. В Азию под опеку Уилфа Тиллмана ее отправил отец, сенатор штата Алабама. Он надеялся, что его дочь понравится Куперу, а Купер — ей и их союз еще более упрочит семейный бизнес. Купер влюбился в нее без памяти, едва лишь увидел.

— Вот и прекрасно, тогда мы немедленно объявим о помолвке, — в восторге предложил Тиллман, узнав об этом.

— Нет, Уилф. Давай не будем спешить. Пусть она попривыкнет к Азии, да и ко мне тоже.

Поворачиваясь к Струану, Купер улыбнулся про себя. Такая дикая кошечка стоит того, чтобы ее подождать.

— Наверное, это одна из «юных леди» миссис Фортерингилл.

— Что ж, ее крольчата на все способны.

— Ну конечно. Вот только они не стали бы *платить* Аристотелю за это.

— Деньги могла бы дать сама Старая Кобыла. Дело от этого только выиграет.

— «Дело» и без того процветает. У нее сейчас лучшая клиентура во всей Азии. Ты можешь представить себе эту каргу дающей деньги Аристотелю? — Купер нетерпеливо подергал себя за бакенбарды. — Максимум, на что она может пойти, — это расплатиться с ним натурой. А может быть, он просто шутит с нами?

— Квэнс шутит над кем угодно и над чем угодно. Но над своим искусством — никогда.

— Кто-нибудь из португалок?

— Исключено. Если она замужем, муж разнесет ей голову из пистолета. Если она вдова... хм, что ж, тогда всей Католической церкви лежать в руинах. — Резкие черты лица Струана сложились в усмешку. — Я использую все возможности Благородного Дома, чтобы выяснить, о ком он говорил. Ставлю двадцать гиней, что узнаю это первым!

— Идет. Если выиграю, я забираю эту картину.

— Черт побери, теперь, когда Брока на ней нет, она мне самому начала нравиться.

— Тогда сделаем так: победитель получает картину и мы попросим Аристотеля вписать в нее проигравшего.

— Идет. — Они скрепили сделку рукопожатием.

Внезапно раздался пушечный выстрел, и они посмотрели в сторону моря. В восточной части пролива появился корабль. Он словно летел над водой. Его прямые паруса — фок, грот, марсели, брамсели, бом-брамсели — надувались кверху, выпирая прямоугольными куполами из-под врезавшихся в них бык-горденей и рифов; натянутые как струна снасти пели на разгоняющемся ветру. Клипер с косыми мачтами шел крутым бакштагом, так что брызги летели через планширь с подветренной стороны и волна из-под кормы взлетала вверх, а над пеной, отмечавшей его путь, — белоснежной на бирюзовом фоне океана — морские чайки выкликали свое приветствие.

Опять гроыхнула пушка, и с подветренного борта отделилось облачко дыма. Юнион Джек развевался на корме, «Лев и Дракон» — на бизани. Те из присутствующих на берегу, кто выиграл свои ставки, восторженно встречали корабль, потому что огромные суммы ставились на то, чей клипер первым дойдет домой и чей первым вернется.

— Мистер Маккей! — крикнул Струан, но боцман и сам уже спешил к нему с биноклем.

— На три дня раньше срока — рекордное время, сэр-р, — объявил боцман Маккей, улыбаясь беззубым ртом. — Ох, сэр, вы только гляньте, как летит. Это обойдется Броку в бочонок серебра! — Он заторопился назад.

Клипер Струана «Грозное облако» вырвался из пролива и теперь, когда ему не нужно было лавировать, пошел прямо по ветру, быстро набирая скорость.

Струан приложил бинокль к глазам и поймал в фокус условные флажки, которые искал. Послание гласило: «Кризис не разрешен. Новый договор с Оттоманской империей против Франции. Разговоры о войне». Затем Струан осмотрел корабль: краска свежая, снасти не провисли, пушки на месте. И в углу фор-бом-брамселя он увидел небольшую черную метку — это был условный сигнал, который использовался только в крайних случаях и означал: «Важные депеши на борту».

Он опустил бинокль и предложил его Куперу:

— Не хотите взглянуть?

— Благодарю.

— Это называется бинокляры, или бинокль — «два глаза». Резкость наводится вот этим винтом в центре, — пояснил Струан. — Сделан для меня по специальному заказу.

Купер посмотрел в бинокль и увидел кодовые флажки. Он знал, что сейчас весь флот пытается разгадать, что они означают. Каждая компания тратила немало времени и денег, чтобы заполучить ключ к шифру Благородного Дома. Бинокль оказался мощнее обычной подзорной трубы.

— Где я могу раздобыть партию этих штук?

— Сто гиней за бинокль. Год на поставку.

Хочешь — соглашайся, не хочешь — твое дело, с горечью подумал Купер, хорошо знавший эту интонацию.

— Идет.

В этот момент были подняты новые флажки, и Купер вернул бинокль Струану.

Второе послание содержало только одно слово: «Зенит» — это был особый код внутри основного шифра.

— На вашем месте, — сказал Струан, — я бы избавился от хлопка, закупленного вами в этом году. И побыстрее.

— Почему?

Струан пожал плечами:

— Просто пытаюсь оказать небольшую услугу. Извините, мне пора.

Он зашагал навстречу Роббу, направлявшемуся к ним вместе с боцманом. Купер смотрел ему вслед. Что же кроется за этими чертовыми флажками, спрашивал он себя. И что он имел в виду, говоря о нашем хлопке? И почему, черт побери, до сих пор еще не прибыл пакетбот с почтой?!

Вот это и делает торговлю такой захватывающей.

Ты покупаешь и продаешь для рынка, который начнет заключать сделки через четыре месяца, зная только цены рынка, закрывшегося четыре месяца назад. Один просчет — и тебя ждут унылые стены долговой ямы. Тонко рассчитанный риск, который себя оправдал, — и ты можешь удалиться на покой и навеки забыть про Восток. Купер почувствовал, как в кишечнике поднялась и покатила вверх волна боли. Эта боль никогда не отпускала его и уже давно стала для большинства торговцев неотъемлемой частью жизни на Востоке.

Так что же крылось за предостережением Струана: дружеская подсказка или намеренный обман?

Капитан Глессинг, стоя рядом с Горацио, провожал глазами «Грозовое облако». В его взгляде сквозила зависть. Корабль являл собой достойный приз, и, поскольку он был первым в этом году кораблем, вернувшимся из Англии с заходом в Калькутту, его трюмы сейчас буквально ломились от опиума. Глессинг тоже мучился вопросом, что означают флажки. И почему на фор-бом-брамселе появился черный квадрат.

— Прекрасный корабль, — заметил Горацио.

— Да, корабль замечательный.

— Даже если это пират? — с иронией спросил Горацио.

— Пиратом его делают владельцы и груз в трюмах. Корабль есть корабль, а это один из самых статных молодцов, когда-либо служивших человеку, — сухо ответил Глессинг. Остроумие Горацио его не позабавило. — Кстати, раз уж речь зашла о кораблях, — он старался, чтобы приглашение не прозвучало нарочито, — не согласитесь ли вы и мисс Синклер отужинать со мной сегодня? Я бы хотел показать вам свой фрегат.

— Это очень любезно с вашей стороны, Джордж. Я с удовольствием принимаю приглашение. И Мэри, я полагаю, будет в восторге. Она еще ни разу не поднималась на борт фрегата.

Может быть, сегодня, решил Глессинг, мне представится возможность выяснить, как Мэри ко мне относится.

— Я пришлю за вами баркас. Три склянки — последняя полувахта — вас устроят?

— Давайте уж тогда встретимся, когда пробьет восемь склянок, — небрежно заметил Горацио, желая показать, что знаком с морской терминологией: три склянки в эту вахту означали половину восьмого, тогда как восемь склянок отбивали в восемь часов ровно.

— Очень хорошо, — кивнул Глессинг. — Мисс Синклер будет первой женщиной, которую я принимаю на борту.

Господи, подумал Горацио, а ведь Глессинг, похоже, испытывает к Мэри нечто большее, чем мимолетный интерес.

Ну конечно! Приглашение предназначалось для нее, а вовсе не для меня. Какое нахальство! Как этот напыщенный осел смеет надеяться, что Мэри хоть на секунду может подумать о нем как о возможном спутнике жизни. Или что я позволю ей выйти замуж так рано!

Стук мушкета, упавшего на камни, заставил их обернуться. Один из морских пехотинцев потерял сознание и ничком лежал на берегу.

— Какого дьявола, что с ним такое? — раздраженно спросил Глессинг.

Главный старшина корабельной полиции перевернул молодого солдата:

— Не могу знать, сэр. Это Норден, сэр. Он уже давно как бы не в себе, недель этак несколько. Наверное, у него лихорадка.

— Хорошо, оставьте его где лежит. Соберите матросов. Морская пехота — к лодкам! Когда все поднимутся на борт, вы вернетесь и заберете его.

— Есть, сэр-р.

Старшина подобрал мушкет Нордена, перебросил его одному из пехотинцев и увел людей к лодкам.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Норден, который лишь притворялся,

скользнул в тень ближайших валунов и спрятался там. Господи Иисусе, ниспошли мне спасение и обереги, пока я не доберусь до тайпана, истово молился он. У меня больше никогда не будет такой возможности, как сейчас. Защити меня, благословенный Боже, и помоги добраться до него, прежде чем они вернутся за мной!

Брок стоял на юте своего корабля и смотрел на флажки в подзорную трубу. Шесть месяцев назад ему удалось получить ключ к шифру Струанов, и он смог прочесть первое послание. Теперь он ломал голову над тем, что это еще за «Зенит»? Что может значить эта чертовщина? И что есть такого важного и срочного в договоре с турками, что капитан решился вот так, в открытую, передать это сообщение, пусть даже и зашифрованное, вместо того чтобы тайно доложить о нем Струану, когда тот прибудет на борт? Может быть, они узнали, что я разгадал их шифр? Может быть, они специально подсовывают мне эту информацию, а «Зенит» означает для них, что это сообщение — фальшивка. «Кризис» и «война» должны означать, что цена на чай и шелк поднимется. И видимо, на хлопок тоже. Наверное, стоит начать скупать и то, и другое, и третье. *Если только* все это правда. Да, и, возможно, угодить прямо в капкан, который расставил для меня Струан. Где, черт побери, болтается «Серая ведьма»? На этот раз ее обставили — это никуда не годится. Дьявол заberi Горта! Его нерасторопность обошлась мне в тысячу гиней.

Горт был его старшим сыном и капитаном «Серой ведьмы». Сыном, которым можно было гордиться. Рослый, как отец, такой же суровый и могучий, и вдобавок ко всему превосходный моряк, знавший все тонкости морского дела. Да, такой сын сумеет продолжить начатое тобой, с гордостью думал Брок, он достоин того, чтобы через год-другой стать тайпаном. Брок молча помолился за безопасность Горты, потом опять стал проклинять его за то, что тот пропустил «Грозное облако» вперед.

Он перевел подзорную трубу на берег, туда, где стояли, беседуя, Струан и Робб, и пожалел, что не может слышать их разговора.

— Извините меня, мистер Брок. — Это был Нагрек Тум, капитан «Белой ведьмы» — крупный, крепко сбитый уроженец острова Мэн, с огромными руками и лицом цвета мореного дуба.

— Да, Нагрек?

— По флоту ходят слухи... Я не очень-то им верю, но, с другой стороны, кто знает — дыма без огня не бывает. По этим слухам, военный флот вот-вот получит распоряжение положить конец контрабанде опиума. И наши корабли можно будет захватить как пиратские.

— Да, такое не часто услышишь, — презрительно усмехнулся Брок.

— Я поначалу тоже смеялся, мистер Брок. Пока не услышал, что приказ будет оглашен сегодня, когда пробьет четыре склянки. И что Струан уговорил Лонгстаффа предоставить нам отсрочку на шесть дней, чтобы мы могли продать имеющиеся у нас запасы.

— Ты уверен? — Брок едва успел переварить эту поразительную новость, как со стороны трапа послышался шум. На палубу тяжело ступила Элиза Брок, крупная женщина с толстыми руками и силой здорового мужчины. Ее поседевшие волосы были убраны в неплотный пучок на затылке. Следом за ней на палубе показались две их дочери — Элизабет и Тесс.

— Доброе утро, мистер Брок, — приветствовала Лиза своего супруга, твердо встав на палубе и сложив руки на огромной груди. — Прекрасный денек, право слово.

— Где вы были, душа моя? Здравствуй, Тесс. Привет, Лиллибет, милая, — заговорил

Тайлер Брок. Он обожал своих дочерей, и это чувство сейчас целиком заполнило его.

Элизабет Брок, шести лет, с коричневыми кудряшками, подбежала к отцу, сделала книксен, едва не упав при этом, потом вскочила к нему на руки и, обняв, крепко прижалась. Он рассмеялся.

— Мы навещали миссис Блэр, — ответила Лиза. — Бедняжка, ей совсем худо.

— Она потеряет младенца?

— С Божьей помощью, нет. Доброе утро, Нагрек.

— Доброе утро, мадам, — поклонился Тум, отводя глаза от Тесс, которая стояла у фальшборта и смотрела в сторону острова. Тесс Брок, высокой девушке с красивой фигурой, которую подчеркивала туго перетянутая по моде того времени талия, было шестнадцать. Слишком резкие черты лица не позволяли назвать ее очаровательной. Но это лицо, говорившее о сильной натуре, все дышало жизнью, и потому ее находили привлекательной. И очень желанной.

— Я распоряжусь насчет еды. — Лиза заметила, как Нагрек смотрел на Тесс. Девочка выросла, подумала она, пора бы ее уже обручить. Но уж, конечно, не с Нагреком Тумом, клянусь Господом! — Пойдем-ка вниз, Тесс. Сама, сама давай, Лиллибет, — добавила она, когда Элизабет потянулась к ней, просясь на руки.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, мамочка. Ну вот пожалуйста-пожалуйста!

— Надо ходить своими ножками, девочка моя. — С этими словами Лиза подхватила крошку огромными ручищами и понесла вниз. Тесс направилась к трапу следом за ней, улыбнувшись отцу и застенчиво кивнув Нагреку.

— Ты уверен насчет Струана и Лонгстаффа? — повторил Брок свой вопрос.

— Да, — ответил Нагрек, с усилием прогоняя образ девушки из разгоряченных воображением мыслей. — Стоит вложить золотую гинею в руку человека, как у него сразу отрастают длинные уши. У меня есть свой человек на флагмане.

— Но Струан никогда на это не согласится. Он просто не сможет. Такой приказ пустит его по миру вместе со всеми нами.

— Ну, как бы там ни было, разговор на эту тему состоялся. Сегодня утром.

— О чем они еще говорили, Нагрек?

— Парень больше ничего не слышал.

— Тогда все это вранье. Опять какой-нибудь дьявольский трюк Струана.

— Да. Но какой?

Брок перебрал в уме несколько вариантов:

— Пошли людей на лорчи. Опиум, весь до последнего ящика, перевезти на берег. Тем временем передай кошелек с двадцатью гинеями нашему человеку на «Китайском облаке». Скажи ему, получит еще столько же, если разузнает, что за всем этим кроется. Только будь осторожен. Мы не можем себе позволить потерять его.

— Да уж, если Струан его когда-нибудь поймает, пришлет нам его язык в подарок.

— Вместе с головой. Ставлю пятьдесят гиней, что и у Струана есть здесь соглядатай.

— Ставлю сотню, что вы ошибаетесь! — горячо возразил ему Тум. — Я доверяю каждому из своей команды!

— Тогда моли Бога, чтобы я не поймал его живым раньше тебя, Нагрек.

— Но зачем им понадобилось поднимать «Зенит»? — недоумевал Робб. — Разумеется, мы и так немедленно прибудем на борт.

— Вот уж не знаю, — пожал плечами Струан. «Зенит» означало: «Владельцу срочно прибыть на борт». Он, нахмурясь, посмотрел на «Грозное облако». Боцман Маккей терпеливо ждал их на пляже, отойдя подальше, чтобы не слышать, о чем они говорят. — Отправляйся на корабль, Робб. Передай Исааку мои поздравления и скажи, чтобы он немедленно прибыл на берег. Ты проводишь его в долину.

— Зачем?

— Слишком много ушей на борту. Все это может оказаться важным. — Затем он крикнул: — Боцман Маккей!

— Да, слушаю, сэр. — Маккей заторопился к нему.

— Доставьте мистера Струана на «Грозное облако». Затем отправляйтесь на мой корабль. Захватите палатку, кровать и мои вещи. Я сегодня ночью на берегу.

— Есть, так точно, сэр-р! Прошу прощения, сэр, — вдруг добавил боцман, переминаясь с ноги на ногу. — Есть тут один парень. Рамсей. Он служит на фрегате ее величества «Русалка», это корабль Глессинга. Рамсеи доводятся родственниками нам, Маккеям. Первый помощник отчего-то взъелся на бедолагу. Тридцать плетей вчера и еще больше осталось на завтра. Его силком завербовали в Глазго.

— Ну? — нетерпеливо бросил Струан.

— Я слышал, сэр, — осторожно проговорил боцман, — что он подыскивает укромное место, где ему можно было бы бросить якорь.

— Кровь Христова, вы что, совсем из ума выжили?! Мы не берем дезертиров на наши суда. Если мы возьмем на борт хоть одного, зная, кто он такой, у нас могут просто-напросто отобрать корабль — и будут правы!

— Это верно. Только капитан Глессинг вроде бы как ваш друг. Вот я и подумал, может быть, у вас получится выкупить его, — торопливо добавил Маккей. — Мои призовые деньги могли бы помочь, сэр. Он славный парень, и он все равно сбежит с корабля, если впереди не будет просвета.

— Я подумаю об этом.

— Спасибо вам, сэр-р. — Боцман отдал честь и быстро ретировался.

— Робб, если бы ты был тайпаном, что бы ты сделал?

— Люди, завербованные на флот насильно, всегда опасны, и доверять им нельзя, — тут же ответил Робб. — Поэтому я никогда не стал бы его выкупать. И теперь я стал бы присматривать за Маккеем. Возможно, Маккей уже человек Брока и делает все это по его указке. Я бы устроил ему проверку. Выбрал бы посредников — скажем, Маккея как часть такой проверки и кого-нибудь из его врагов — и водил бы Рамсея за нос, ни в коем случае не доверяя его информации.

— Ты рассказал сейчас то, что сделал бы я, — заметил Струан, и глаза его весело блеснули. — А я спрашивал, что стал бы делать ты.

— Я не тайпан, и это не моя забота. Если бы я им был, я бы все равно не стал тебе ничего говорить. Или, может быть, и сказал бы, а потом сделал все наоборот. Чтобы проверить тебя. — Робб был рад, что время от времени мог ненавидеть своего брата. Это потом только усиливало его любовь к нему.

— Чего ты боишься, Робб?

— На этот вопрос я отвечу тебе через год. — Робб зашагал следом за боцманом.

Некоторое время Струан размышлял о своем брате и о будущем Благородного Дома, потом поднял бутылку бренди и двинулся вдоль расщелины в скалах по направлению к

долине.

Ряды пирующих коммерсантов редели, некоторые уже шли к своим баркасам. Другие еще продолжали есть и пить. Время от времени раздавались взрывы хохота над теми, кто, выписывая ногами восьмерки, пытался станцевать рил^[6].

— Сэр!

Струан остановился и удивленно посмотрел на молодого морского пехотинца:

— Да?

— Мне нужна ваша помощь, сэр. Отчаянно нужна, — проговорил Норден. Его глаза лихорадочно блестели, лицо посерело от волнения.

— Какая помощь? — Струан мрачно поглядывал на штык, висевший у солдата на поясе.

— Я болен. У меня женская болезнь. Вы можете помочь. Дайте мне лекарство, сэр. Я сделаю все, что угодно.

— Я не врач, приятель, — ответил Струан, чувствуя, как зашевелились волосы у него на затылке. — Как ты оказался здесь, разве ты не должен быть около своей лодки?

— У вас ведь было то же самое, сэр. Но вы нашли лекарство. Мне нужно только лекарство. Я сделаю все, что угодно. — Голос Нордена стал похож на карканье, на губах заблестели хлопья пены.

— Я никогда не болел этим, парень. — Струан краем глаза заметил, что главный старшина корабельной полиции направился к ним, выкрикнув что-то, прозвучавшее как имя. — Тебе лучше вернуться к своей лодке. Тебя ждут.

— Лекарство. Скажите мне, как выздороветь. Я не нищий, я скопил денег, сэр. — Норден вытащил грязную, завязанную узлом тряпку и с гордостью протянул ее Струану; по его лицу катились капли пота. — Я бережлив, здесь у меня... здесь у меня пять полных шиллингов и четыре пенса, сэр. И это все, что у меня есть на свете, сэр, а потом еще есть жалованье, двадцать шиллингов в месяц — я отдам их вам. Вы можете забрать их все, сэр, клянусь благословенным Господом нашим Иисусом Христом, сэр!

— Я никогда не болел женской болезнью, парень. Никогда, — повторил Струан. Сердце его сжалось при воспоминании о детских годах, когда богатством для него были пенни, шиллинги и полушиллинги, а не десятки тысяч серебряных таэлей. И он вновь пережил неизбывный ужас своей юности — безденежье, безнадежность, бесприютность, голод, холод и раздутые животы детей. Господь милосердный, я могу забыть, как голодал сам, но я не в состоянии забыть детей, их крики и голодный плач, разносимые колючим ветром из выгребной ямы на улице!

— Я сделаю для вас все, понимаете, все, сэр. Вот. Я могу заплатить. Я не хочу ничего получать задаром. Вот, возьмите, сэр.

Старшина быстрым шагом приближался к ним.

— Норден! — зло выкрикнул он. — Клянусь Господом, ты получишь пятьдесят плетей за нарушение строя!

— Тебя зовут Норден?

— Так точно, сэр. Берт Норден. Пожалуйста. Мне ничего не нужно, кроме лекарства. Помогите мне, сэр. Вот. Возьмите деньги. Они все ваши, и я еще достану. Именем Христа заклинаю, помогите мне!

— Норден! — опять прокричал старшина, покраснев от гнева; ему оставалась до них еще сотня шагов. — Немедленно ко мне, ублюдок ты чертов, или ты оглох?!

— Пожалуйста, сэр, — умолял Норден с растущим отчаянием. — Я слышал, вас

вылечили язычники. Вы купили лекарство у язычников!

— Значит, тебе сказали неправду. Я не знаю ни о каком китайском лекарстве. Лекарства нет. Никакого. Тебе лучше вернуться к своей лодке.

— Да нет же, конечно, лекарство есть! — взвизгнул Норден. Он выхватил штык из ножен. — И вы скажете мне, где достать его, или я распорю вам брюхо!

Старшина, похолодев от ужаса, бросился к ним бегом:

— Норден!

Несколько человек на пляже изумленно обернулись: Купер, Горацио и еще кто-то. Все трое сорвались с места и побежали к ним.

В этот миг в голове Нордена словно что-то оборвалось, и он, мыча и брызжа пеной, ринулся на Струана и яростно полоснул штыком. Но Струан неуловимым движением ушел в сторону и хладнокровно ждал, что Норден станет делать дальше, зная, что может убить его в любую минуту.

Нордену показалось, что его со всех сторон окружили дьяволы огромного роста, все на одно лицо, но он никак не может дотянуться ни до одного из них. Он почувствовал, как воздух рванулся у него из легких, берег с размаху врезался ему в лицо, и он словно завис над землей в агонии, но почему-то не ощущая боли. Потом наступила тьма.

Старшина скатился со спины Нордена, и его кулак метнулся вниз еще раз. Он схватил Нордена за мундир, потряс его, как тряпичную куклу, и опять швырнул на гальку.

— Какой дьявол в него вселился? — пробормотал он, поднимаясь на ноги. Его лицо еще искажала гримаса гнева. — С вами все в порядке, мистер Струан?

— Да.

Подбежали Купер, Горацио и с ними еще несколько торговцев.

— Что случилось?

Струан осторожно перевернул Нордена ногой:

— Несчастный глупец. У него женская болезнь.

— О Господи! — с омерзением воскликнул старшина.

— Лучше отойдите от него, тайпан, — предупредил Купер. — Если вы вдохнете его запах, можете заразиться.

— Бедняга думал, что у меня тоже когда-то была эта болезнь и что я вылечился. Клянусь крестом Господним, если бы я знал лекарство от этой заразы, я был бы самым богатым человеком на свете!

— Я прикажу заковать эту свинью в железо, мистер Струан, — сказал старшина. — Капитан Глессинг заставит его пожалеть, что он родился на свет.

— Пусть просто принесут лопату, — ответил Струан. — Он мертв.

Наступившее молчание нарушил Купер:

— Первый день и первая кровь. Плохой йосс.

— Китайцы думают иначе, — рассеянно заметил побледневший Горацио. — Теперь его дух будет охранять это место.

— Плохой это знак или хороший, но бедолага действительно умер, — качнул головой Струан. Ему никто не ответил. — Да помилует Господь его душу, — произнес он, передернулся и зашагал вдоль берега на запад к скалистому гребню, который спускался с горного массива и почти упирался в море. Дурные предчувствия обуревали его. Онпил свежий, чистый воздух, вдыхал запах соленых брызг. Это был плохой йосс, говорил он себе. Очень плохой.

Приближаясь к гребню, он почувствовал, что тревога его усиливается, а когда он наконец очутился внизу, в долине, где будет построен город — он сам выбрал это место, — Струан в третий раз ощутил, как его со всех сторон окружает глухая стена ненависти.

— Господи ты Боже мой, — сказал он вслух, — да что со мной творится? — Впервые в жизни он испытывал такой ужас. Стараясь подчинить его своей воле, он, прищурившись, посмотрел на круглый холм, где будет стоять его Большой Дом, и в этот миг вдруг понял, почему остров принял его так враждебно. Он громко рассмеялся. — О, будь я на твоём месте, остров, я бы тоже возненавидел меня. Тебе просто не по нраву мой план! Что ж, остров, а ведь план хорош, клянусь Всевышним! Хорош, ты слышишь? Китаю нужен большой мир, и большому миру нужен Китай. И ты — тот ключ, который отомкнет нам его ворота. Ты понял это, как понял это я. И я добьюсь своего, а ты мне поможешь!

Прекрати, сказал он себе, ты разговариваешь как сумасшедший. Ну конечно, а что еще могут о тебе подумать, объяви ты всем, что тайная цель, которую ты преследуешь, состоит отнюдь не в том, чтобы разбогатеть на торговле и навсегда уехать отсюда. А в том, чтобы использовать эти богатства и власть и открыть Китай всему миру, и в первую очередь — британской культуре и британскому закону, с тем чтобы каждая сторона могла учиться у другой и развиваться дальше ко благу обеих. Да. Воистину мечта безумца.

Но он был убежден, что Китай может предложить миру нечто особенное, неповторимое. Что это было, он пока даже не представлял. Может быть, когда-нибудь ему суждено это узнать.

— И нам самим есть что предложить, — продолжал размышлять вслух Струан, — если только ты захочешь принять это. И если наш дар не запачкается, переходя из рук в руки. На счастье или на горе, но ты теперь британская земля. Мы будем лелеять тебя, сделаем центром всей Азии, а это значит — центром всего мира. Я торжественно посвящаю Благородный Дом этой задаче. Если ты повернешься к нам спиной — останешься тем, что ты есть сейчас — пустым, безжизненным осколком голы, осклизлой скалы, — ты умрешь. И если Благородный Дом отступит когда-нибудь от назначенной ему цели, уничтожь его, я благословляю тебя на это.

Струан взошел на круглый холм и, достав из ножен кинжал, срезал две длинные ветки. Расщепив одну и воткнув ее в землю, он вставил другую в прорезь, так что получился грубый крест. Струан плеснул на него бренди и поджег.

Те на кораблях, кому была видна долина и кто заметил дым и пламя, потянулись за подзорными трубами. Они увидели горящий крест, тайпана подле него и суеверно содрогнулись, гадая, что за сатанинский обряд он там затеял. Шотландцы знали, что сжигание креста издревле являлось сигналом сбора для всех людей клана и для сородичей из родственных кланов, призывом к ним встать под крест на великую битву. И водружать горящий крест мог только вождь. По древнему обычаю, будучи однажды воздвигнут где-либо, горящий крест обязывал клан защищать эту землю, пока останется жив хотя бы один человек из клана.

Глава 2

— Добро пожаловать на борт, — приветствовал Робба капитан Исаак Перри. — Чаю?

— Спасибо, Исаак. — Робб благодарно опустил в глубокое кожаное кресло, вдыхая

резкий запах пропитавшейся солью кожи, и приготовился ждать, ибо никто на свете не мог заставить Перри торопиться, даже сам тайпан.

Перри налил чай в фарфоровые чашки.

Он был худощав, но при этом невероятно силен. В каштановых волосах переплетались и седые, и темные пряди, придавая им сходство со старой пенькой. Седящая борода и шрам на лице завершали портрет капитана. Перри распространял вокруг себя запах просмоленной пеньки и соленых брызг.

— Как прошло плавание? — поинтересовался Робб.

— Отлично.

Находясь в капитанской каюте, Робб, как всегда, испытывал безмерное счастье. Каюта была просторная и роскошно обставленная, как и вообще все жилые помещения на корабле. Мебель для клипера изготовлялась из красного дерева, металлические части — из латуни и меди. На паруса шел холст только самого высокого качества, веревки были всегда новые. Пушки в идеальном состоянии. Лучший порох. Тайпан неизменно следил за тем, чтобы офицеры — и матросы — его флота имели лучшие каюты, получали лучшее питание и свою долю в прибыли; и на борту всегда находился врач. Наказание плетью запрещалось. За трусость или неповиновение и для матросов, и для офицеров существовало только одно наказание: их высаживали на берег в ближайшем порту и уже никогда не принимали обратно. Поэтому и для тех, и для других считалось большой удачей попасть на корабль Струана, и ни на одном из его судов никогда не было пустой койки.

Тайпан навсегда запомнил свои первые корабли, жизнь на полубаке и наказания плетью. И тех, кто приказывал его пороть. Некоторые из них умерли прежде, чем он сумел их разыскать. Тех, кого нашел, он разорил. Не тронул только Брока. Робб не знал, почему его брат пощадил Брока. Всякий раз, думая об этом, он внутренне содрогался, ибо понимал, что, каковы бы ни были причины, побудившие Дирка так поступить, однажды наступит день расплаты.

Перри добавил в чай ложку сахара и сгущенное молоко. Затем протянул Роббу чашку и сел за рабочий стол красного дерева, внимательно посматривая на гостя из-под нависших бровей глубоко посаженными глазами:

— Мистер Струан в добром здравии?

— Как всегда. Ты ожидал найти его больным?

— Нет.

В дверь каюты постучали.

— Войдите!

Дверь открылась, и Робб, изумленно открыв рот, уставился на молодого человека, стоявшего на пороге:

— Господь Вседержитель, Кулум, мальчик мой, откуда ты взялся? — Он взволнованно вскочил на ноги, опрокинув чашку. — Вот уж действительно «очень важные депеши на борту» — и конечно же, «Зенит»!

Кулум Струан вошел в каюту и закрыл за собой дверь. Робб по-отечески обнял его и только тут заметил его бледность и впалые щеки.

— Что с тобой, дружище? — встревоженно спросил он.

— Мне уже гораздо лучше, благодарю вас, дядя, — ответил Кулум едва слышно.

— Лучше после чего, малыш?

— После чумы, бенгальской чумы, — ответил Кулум, словно удивившись вопросу.

Робб рывком повернулся к Перри:

— У тебя на борту чума? Ради Создателя, почему же ты не поднял «Желтого Джека»?

— Разумеется, у меня на борту нет никакой чумы! Чума была в Шотландии, с тех пор уже прошли месяцы. — Перри вдруг замолчал. — *«Багровое облако»!* Они что, еще не прибыли?

— Опаздывают на четыре недели. Ни слова, ни весточки — ничего. Что произошло? Ну же, говори.

Перри посмотрел на Кулума:

— Мне рассказать ему обо всем, Кулум, сынок, или ты все расскажешь сам?

— Где отец? — спросил Кулум у Робба.

— На берегу. Он ждет на берегу. В долине. Ради всего святого, что случилось, Кулум?

— Чума пришла в Глазго в июне, — тупо глядя в пол, начал Кулум. — Говорят, ее опять привезли на корабле. Из Бенгалии. Сначала Сазерленд, потом Эдинбург, потом докатилось и до нас в Глазго. Мама умерла, Иэн, Лечи, бабушка... Уинифред так слаба, что долго не протянет. Дедушка присматривает за ней. — Он беспомощно шевельнул рукой и опустил на подлокотник кресла. — Бабушка умерла. Тетя Ютения, все малыши и ее муж. Десять, двадцать тысяч человек умерли за два месяца. Потом, в сентябре, чума пропала. Просто так, взяла и кончилась.

— Родди? Что с Родди? Мой сын мертв? — спросил Робб дрожащим голосом, и его лицо исказилось от боли.

— Нет, дядя. С Родди все хорошо. Болезнь его даже не коснулась.

— Ты уверен, Кулум, уверен? Мой сын здоров?

— Да. Я видел его накануне отъезда. Очень немногие из его школы заболели.

— Слава Богу! — Робб содрогнулся, вспомнив первую волну чумы, которая, возникнув неведомо откуда, прокатилась по Европе десять лет назад. Пятьдесят тысяч смертей в одной только Англии. Миллион — в Европе. Тысячи в Нью-Йорке и Новом Орлеане. Некоторые называли эту болезнь каким-то новым именем — холера.

— Твоя мать умерла? — переспросил Робб, словно не веря. — Иэн, Лечи, бабушка?

— Да. И тетя Сьюзан, и кузина Клер, и тетушка Ютения, кузен Дональд, и маленький Стюарт, и... — Он умолк, и в каюте настала жуткая тишина.

— Когда я пришел в Глазго, — нервно заговорил Перри, — ну, наш Кулум был совсем один. Я не знал, что делать. Решил вот, что будет лучше взять его с собой. Мы отплыли на месяц позже *«Багрового облака»*.

— Ты поступил правильно, Исаак. — Робб услышал свои слова как бы со стороны, словно их произнес кто-то другой. Как он сможет сказать обо всем Дирку? — Ну что же, мне, видно, пора возвращаться. Я дам вам знать, когда можно будет сойти на берег. Пока вам лучше оставаться на корабле.

— Нет! — Слово возникло откуда-то из глубины, будто Кулум разговаривал с самим собой. — Нет! Я поеду на берег первым. Один. Так будет лучше. Я увижусь с отцом наедине. Я должен сказать ему. Я поеду на берег один. — Он поднялся и, тихо ступая, прошел к двери; корабль размеренно покачивался, был слышен мягкий плеск волн о борт. Кулум вышел. Потом вспомнил о чем-то и вернулся в каюту. — Я заберу депеши, — тихо сказал он своим высоким голосом. — Отец захочет прочитать депеши.

Когда баркас отчалил от *«Грозного облака»*, Струан находился на круглом холме, где

будет стоять его Большой Дом. Как только он увидел на баркасе своего старшего сына, сердце его перевернулось.

— Кулу-у-ум! — покатился с вершины холма его ликующий крик. Он сорвал с себя сюртук и бешено закрутил им над головой, как человек, проживший шесть долгих лет на необитаемом острове, при виде первого корабля. — Кулу-у-ум!

Он бросился вниз, не разбирая дороги, напролом через колючие заросли шиповника, не обращая внимания на царапины, забыв о тропинке, которая вела с берега через гребень к рыбацкой деревушке и пиратским стоянкам в южной части острова. Забыв обо всем на свете, кроме того, что сегодня, в первый день, здесь, с ним, его дорогой сын. Быстрее! Теперь он бежал вдоль берега, задыхаясь от радости.

На баркасе Кулум заметил его первым.

— Вон туда. Высадите меня вон там. — Он указал рукой на ближайшее место на берегу.

Боцман Маккей круто заложил руль.

— Навались, ребята! — крикнул он матросам.

Все они уже знали о страшном известии. Сейчас эта новость перелетала с корабля на корабль, неся с собой щемящее чувство тревоги за близких. У многих имелись родственники между Сазерлендом и Глазго, а в Лондоне жили семьи большинства остальных.

Кулум встал и прыгнул через борт в мелкую воду.

— Оставьте нас. — Помогая себе руками, он двинулся к берегу.

Струан забежал в полосу прибоя, торопясь навстречу сыну, и здесь увидел слезы на его лице и прокричал:

— Кулум, мальчик мой!

Кулум остановился на мгновение и беспомощно опустил руки, утонув в бездонной радости отца. Потом он бросился вперед, вздымая ногами тучи брызг, и наконец, задыхаясь, упал в спасительные объятия. И тут весь ужас последних месяцев прорвался наружу, как лопнувший нарыв, и он зарыдал, прижавшись к отцу изо всех сил, и тогда Струан на руках отнес его на берег, покачивая как младенца и приговаривая: «Кулум, сынок», и «Ну, полно-полно...», и «О дитя мое», а Кулум бормотал сквозь слезы: «Мы умерли... мы все умерли... Мама, Иэн, Лечи, бабушка, тетя, кузина Клер... мы все умерли, отец. Остались только я и Уинифред, да и она сейчас, наверное, тоже умерла». Он повторял имена снова и снова, и каждое, как нож, вонзалось в сердце Струана.

Выплакавшись, Кулум заснул, обретя наконец покой в сильных и теплых объятиях отца. Сон его был глубок, и никакие сновидения не мучили его — впервые с тех пор, как началась эпидемия. Юноша проспал остаток этого дня, всю ночь и часть следующего, и все это время Струан держал сына на коленях, мягко его покачивая.

Струан не замечал течения времени. Иногда к нему приходили жена и дети — Рональда, Иэн, Лечи, Уинифред, — они садились рядом, и он разговаривал с ними. Иногда они уходили прочь, и он звал их — тихо, чтобы не потревожить сон Кулума, — и тогда они возвращались. Иногда он напевал тихие колыбельные, с которыми Рональда обычно укладывала детей спать. Или гэльские песни своей матери, да еще те, что слышал от Кэтрин, своей второй матери. Иногда душу его окутывал туман, и он ничего не видел.

Проснувшись, Кулум почувствовал умиротворение.

— Здравствуй, отец.

— С тобой все в порядке, сынок?

— Да, теперь все хорошо. — Кулум поднялся на ноги.

На пляже в тени скалы было холодно, но, выйдя на солнце, он начал согреваться. Флот неподвижно стоял на якоре в бухте, посыльные суда сновали между кораблями. Самих кораблей стало меньше.

— Это там будет стоять Большой Дом? — спросил Кулум, показывая рукой на круглый холм.

— Да. Там мы смогли бы жить с осени и до весны. В этот период здесь славно, хороший климат.

— Как называется эта долина?

— У нее пока нет названия. — Струан встал и подошел к сыну, преодолевая боль, разлившуюся по плечам и спине.

— У нее обязательно должно быть название.

— Маленькая Карен — твоя кузина Карен, младшая из дочерей Робба, — хочет назвать ее Счастливой Долиной. Мы были бы счастливы здесь. — Голос его налился свинцом. — Они сильно страдали?

— Да.

— Ты расскажешь мне об этом?

— Не сейчас.

— Крошка Уинифред, она умерла до того, как ты уехал?

— Нет. Но она была очень слаба. Доктора сказали, что при таком состоянии... доктора просто пожали плечами и ушли.

— А дедушка?

— Чума его даже не коснулась. Он примчался к нам быстрее ветра, когда услышал про болезнь, потом взял к себе Уинифред. Я отправился жить к тете Ютении, чтобы помогать им. Но я им не помог.

Струан стоял лицом к гавани, не видя ее.

— Ты сказал дяде Роббу?

— Да. Да, кажется, сказал.

— Бедный Робб. Мне лучше поторопиться на корабль. — Струан нагнулся и поднял конверты с депешами, наполовину присыпанные песком. Конверты были не распечатаны. Он отряхнул их.

— Прости, — сказал Кулум, — я забыл отдать их тебе.

— Да нет, дружок. Ты мне их отдал. — Струан увидел направляющийся к берегу баркас. На корме сидел Исаак Перри.

— Доброе утро, мистер Струан, — осторожно заговорил Перри. — Сожалею по поводу вашей утраты.

— Как там Робб?

Перри не ответил. Он спрыгнул на берег и рывкнул матросам: «Пошевеливайтесь!» — и Струан, преодолевая онемение своего разорванного в клочья мозга, спросил себя, почему Перри вдруг стал бояться его. Он не знал никаких причин для такого страха. Абсолютно ни одной.

Матросы вынесли на берег стол, скамьи, пищу, чай, бренди и одежду.

— Пошевеливайтесь! — раздраженно повторил Перри. — И станьте на рейде! Убирайтесь отсюда ко всем чертям и становитесь на рейд!

Гребцы быстро столкнули баркас на воду, вывели его за полосу прибоя, где и бросили якорь, радуясь возможности убраться подальше от тяжелой руки капитана.

Струан помог Кулуму переодеться во все сухое, потом надел чистую рубашку с оборками и теплый бушлат. Перри помог ему стянуть промокшие сапоги.

— Спасибо, — сказал Струан.

— Болит? — спросил Кулум, увидев его покалеченную ногу.

— Нет.

— Касательно мистера Робба, сэр, — начал Перри. — После того как Кулум отправился сюда, он потребовал себе бутылку. Я сказал ему нет, но он ничего не хотел слушать. Вы отдали распоряжение, — запинаясь, продолжал он, — так что каюта слегка пострадала, но бутылку я у него забрал. Когда он пришел в себя, то не стал сердиться. Я доставил его на «Китайское облако» и передал на руки жене.

— Ты поступил правильно, Исаак, благодарю тебя. — Струан положил Кулуму на тарелку его завтрак: говяжье рагу, клецки, холодного цыпленка, картофель, галеты — и налил себе в оловянную кружку горячего сладкого чая.

— Его превосходительство шлет свои соболезнования. Он выразил желание повидаться с вами в любое удобное для вас время.

Струан провел рукой по лицу и ощутил ладонью колючую щетину. Интересно, задумался он, почему я чувствую себя грязным всякий раз, когда не побреюсь или не почищу зубы.

— Ваша бритва лежит вон там. — Перри показал на маленький столик, поставленный сбоку. Он предвидел, что Струану, вероятно, захочется привести себя в порядок. Ему было известно, что чистоплотность стала для тайпана почти манией. — Я привез горячую воду.

— Спасибо. — Струан намочил в горячей воде полотенце и протер им лицо и голову. Затем намылил лицо и быстро и умело побрился без зеркала. Далее он окунул маленькую щетку в кружку с чаем и начал энергично чистить зубы.

Должно быть, еще одно языческое суеверие, с отвращением подумал Перри. Зубы стареют, гниют и выпадают — всегда так было, и ничего с этим поделать нельзя.

Струан ополоснул рот чаем и сплюнул. Он вымыл кружку свежим чаем, вновь наполнил ее и с удовольствием выпил. Среди его бритвенных принадлежностей имелся флакончик одеколона, он вылил несколько капель себе на ладонь и протер лицо.

Почувствовав себя освеженным, он сел к столу. Кулум едва притронулся к пище.

— Тебе нужно поесть, дружок.

— Спасибо, я не голоден.

— Все равно поешь. — Ветер растрепал золотисто-рыжие волосы Струана — шотландец носил их длинными и не подвивал, — он рукой отбросил их назад. — Моя палатка установлена, Исаак?

— Конечно. Вы отдали распоряжение. Она стоит на холме над флагштоком.

— Передай Чэнь Шэну от моего имени, пусть он отправляется в Макао и купит там мед и сырые яйца. И пусть достанет китайских трав, которыми лечат расстройство желудка и последствия бенгальской чумы.

— Я хорошо себя чувствую, отец, спасибо, — слабо запротестовал Кулум. — И не нуждаюсь ни в каких отварах, приготовленных языческими ведьмами.

— Они не ведьмы и не колдуны в нашем понимании этих слов, сынок. И они китайцы, а не язычники. Их травы много раз спасали мне жизнь. Восток — это не Европа.

— Не стоит беспокоиться обо мне, отец.

— Нет, стоит. Восток не место для слабых и хилых. Исаак, отправь в Макао с Чэнь Шэном «Китайское облако», и если корабль не обернется за рекордное время, капитан Орлов

и все офицеры будут списаны на берег. Верни сюда баркас.

— Может быть, Кулumu лучше отправиться вместе с нами в Макао, мистер Струан?

— Он останется здесь под моим присмотром, пока я не решу, что он здоров.

— В Макао за ним будет хороший уход. У нас на корабле не...

— Черт побери, Исаак, ты будешь наконец делать то, что тебе приказывают?! Давай сюда баркас!

Лицо Перри тут же превратилось в каменную маску, и он прокричал команду своим матросам.

Струан сел посередине баркаса, посадив Кулума рядом, Перри устроился позади них.

— К флагману! — приказал Струан.

Он по привычке проверил положение своих кораблей, потом потянул носом воздух и посмотрел на облака, стараясь определить, какая будет погода. Море было спокойным. Но что-то подсказывало ему, что надвигается буря.

По пути к флагману Струан вскрыл депеши. Доход от продажи чая в прошлом году — хорошо. Плавание Перри оказалось прибыльным — хорошо. Копия коносамента «Багрового облака», которую Перри привез из Калькутты, — плохо: потеряно опиума на двести тысяч фунтов стерлингов. Благодарение Богу, клипер был застрахован, хотя это не вернет ни людей, ни времени, которое уйдет на строительство нового корабля. Груз опиума являлся контрабандой и поэтому при страховании не учитывался. Годовой прибыли как не бывало. Что же все-таки с ним случилось? Шторм или пираты? Шторм, скорее всего. Если только они не наскочили на испанского, французского или американского — или английского, что ж, почему нет? — капера, которых было полным-полно в этих водах. Наконец он сломал сургучную печать на письме от своего банкира. Струан пробежал письмо глазами, и у него вырвалось громкое проклятие.

— Что случилось? — испуганно спросил Кулум.

— Так, старая рана разболелась. Ничего, пустяки, скоро пройдет. — Струан притворился, что занялся следующей депешей, но внутри бушевал от ярости, повторяя про себя прочитанное. Господи Боже мой!

Мы с сожалением извещаем Вас, что совершенно непреднамеренно и на очень короткий срок мы превысили кредит, чем сразу же воспользовались конкуренты, организовав широкое наступление на наш банк. Вследствие этого мы не можем более держать двери открытыми. Совет директоров пришел к заключению, что мы в состоянии выплатить шесть пенсов за фунт. Имею честь, сэр, оставаться Вашим покорнейшим слугой...

А у нас их бумаг без малого на миллион. Двадцать пять тысяч за миллион, и это притом что у нас почти на миллион долгов. Мы банкроты. Господь Вседержитель, ведь я же предупреждал Робба не помещать все деньги в один банк. Разве можно было это делать, когда в Англии спекулируют все и вся и когда банк имеет право выпускать ценных бумаг на любую сумму, какая ему заблагорассудится.

— Но этот банк надежен, — сказал ему тогда Робб, — а нам нужно держать капитал одним куском, чтобы иметь возможность предложить его в качестве дополнительного обеспечения.

И Робб пустился в подробные объяснения сложной финансовой махинации с испанскими, французскими и немецкими акциями, а также акциями национального внутреннего займа, которая в итоге должна была обеспечить торговому дому «Струан и компания» стабильное финансовое положение на международном уровне, открыть ему

поистине неограниченный кредит для строительства новых кораблей, в которых нуждался Струан, и дать Благородному Дому особые привилегии на прибыльных рынках Германии, Франции и Испании.

— Ну хорошо, Робб, — согласился он тогда, так и не поняв до конца всех тонкостей этого плана, но веря в правильность того, о чем говорил его брат.

И вот теперь нам конец. Мы банкроты!

Боже милостивый!

Струан был еще слишком потрясен случившимся, чтобы начать искать выход. Сейчас он мог размышлять лишь о величии нового века. О его сложности. О его невероятных скоростях. У Англии новая королева, Виктория, — первый популярный в народе монарх за многие столетия. И ее муж Альберт, — правда, о нем он еще ничего толком не знал, какой-то чертов иностранец из Кобургов. Но парламент теперь стал действенной силой, в нем наконец воцарился порядок, а это был большой шаг вперед. Двадцать шесть лет мирной жизни, и ни одной большой войны на горизонте — неслыханное в истории достижение. Дьявол Бонапарт, слава Богу, на том свете, неистовая Франция надежно закупорена, и Британия впервые безраздельно правит миром. С рабством покончено восемь лет назад. Каналы как новый способ перевозки, платные дороги с необыкновенно ровной и долговечной поверхностью, фабрики, ткацкие станки, промышленность и массовое производство, железо и уголь, акционерные общества — вот лишь некоторые из множества нововведений, появившихся за последние десять лет. А ведь есть еще и пенсовая почта — первая дешевая почта на свете, и первая в мире полиция, и «магнетизм» — какого бы дьявола ни означало это слово, — и паровой молот, и первый Фабричный акт, и парламент, наконец-то вырванный из рук кучки богатых аристократов-землевладельцев, так что теперь — даже поверить трудно — любой англичанин, имеющий дом с годовым доходом в двадцать фунтов, действительно мог участвовать в выборах и даже стать премьер-министром. А промышленная революция с ее невероятным размахом, сделавшая Британию фантастически богатой, и эти богатства начинают теперь распространяться за пределы страны. Новые идеи о государственном управлении, о взаимоотношениях правительства и народа, опрокидывающие вековые барьеры. Все британское, все новое. А взять этот локомотив!

— Да, вот уж изобретение, которое потрясет весь мир, — пробормотал он.

— О чем ты говоришь, отец? — спросил Кулум.

Струан пришел в себя.

— Я просто вспомнил нашу поездку на поезде, — сказал он первое, что пришло в голову.

— Вы ездили на поезде, сэр? — заинтересовался Маккей. — На что это похоже? А когда это было?

— Мы были пассажирами первого рейса машины Стефенсона, которую он назвал «Ракета». Мне в тот год исполнилось двенадцать, — ответил Кулум.

— Нет, парень, одиннадцать, — поправил его Струан. — Это было в тысяча восемьсот тридцатом. Одиннадцать лет назад. Первый рейс «Ракеты» с первым пассажирским поездом в мире. От Манчестера до Ливерпуля. День пути для дилижанса, а мы проделали все путешествие за полтора часа.

Струан вновь задумался о судьбе Благородного Дома. Он вспомнил о своих инструкциях Роббу занять столько денег, сколько удастся, чтобы сделать корнер на опиуме. Так, прикинем: возможно, нам удастся заработать на этом пятьдесят, сто тысяч фунтов. Да, но ведь это капля

в море по сравнению с тем, что нам нужно. Три миллиона, которые нам должны за украденный опиум! Да, только нам их не получить, пока договор не будет ратифицирован, — это от шести до девяти месяцев, а ближайший срок платежей по траттам через месяц!

Где взять наличные? Положение у нас пока хорошее, вернее, не положение, а репутация. Вот только шакалы щелкают зубами у самых пяток. Во-первых, Брок. Потом «Купер и Тиллман». Интересно, это Брок начал наступление на банк? Или его щенок Морган? У Броков достанет на это и денег, и влияния. Нам нужны наличные. Или огромный долгосрочный кредит. Кредит, опирающийся на реальные деньги, а не на пустые бумажки. Мы банкроты. По крайней мере, мы банкроты, если наши кредиторы насядут на нас.

Он почувствовал на своей руке ладонь сына.

— Что ты сказал, мой мальчик? Ты говорил «Ракета»?

Кулума сильно встревожили бледность Струана и пронзительный свет, струившийся из его глаз.

— Флагман. Мы прибыли.

Вслед за отцом Кулум поднялся на палубу. Он никогда раньше не бывал на военном корабле, не говоря уже о линкоре. Трехмачтовый корабль «Титан» флота ее величества был одним из самых мощных судов того времени. Его семьдесят четыре пушки располагались на трех пушечных палубах. Однако на Кулума эта громадина не произвела никакого впечатления. Корабли его не интересовали, а море он ненавидел. Он боялся его неистового нрава, безбрежные просторы и таящиеся в них опасности пугали его, и он не умел плавать. Его всегда удивляло, как это отец мог любить море.

Я так мало знаю о своем отце, подумал он. Что ж, ничего странного тут нет. За всю жизнь я видел его лишь несколько раз, последний — шесть лет назад. Он совсем не изменился за это время. Зато изменился я сам. Теперь я твердо знаю, чему хочу посвятить свою жизнь. И сейчас, когда я один... Мне нравится быть одному, и вместе с тем одиночество так мучительно.

Следуя за отцом, Кулум спустился по трапу на главную пушечную палубу. Низкий потолок заставил их пригнуться, когда они направились в кормовую часть к каюте, которую охранял часовой. Внутри корабль пропах порохом, смолой, пенькой и потом.

— Добрый вечер, сэр, — приветствовал Струана морской пехотинец, направив на него свой мушкет, как предписывала инструкция. — Начальник караула!

Начальник караула в алом мундире с начищенными до ослепительного блеска пуговицами вышел из караульного помещения. Этот человек был тяжел и тверд, как пушечное ядро, и имел такую же круглую голову.

— Добрый день, мистер Струан. Одну минуту, сэр-р. — Он почтительно постучал в дубовую дверь каюты. Оттуда донеслось: «Войдите», и он вошел, прикрыв за собой дверь.

Струан достал сигару и предложил ее Кулumu:

— Ты уже куришь, мальчик мой?

— Да. Спасибо, отец.

Струан раскурил сигару для Кулума и еще одну для себя. Выпустив длинную струю дыма, он прислонился спиной к одной из двенадцатифутовых пушек. Ядра, каждое в шестьдесят фунтов весом, были уложены рядом в аккуратные пирамиды — всегда наготове.

Дверь каюты открылась. На пороге появился Лонгстафф, изящный, щегольски одетый мужчина с высоким лбом и темными глазами. Его черные волосы были завиты по последней моде, густые бачки топорщились. Часовой взял мушкет на караул, начальник караула

вернулся в свою каюту.

— Привет, Дирк, дружище! Как вы себя чувствуете? Я был так опечален, узнав о вашем горе. — Лонгстафф нервно подал Струану руку, потом улыбнулся Кулуму и протянул руку еще раз. — Вы, должно быть, Кулум. Я Уильям Лонгстафф. Мне искренне жаль, что вы прибыли к нам при таких ужасных обстоятельствах.

— Благодарю вас, ваше превосходительство, — ответил Кулум, пораженный тем, что капитан-суперинтендант торговли оказался так молод.

— Вы не обидитесь, если придется чуть-чуть подождать, Дирк? У меня сейчас встреча с адмиралом и всеми капитанами. Я закончу через несколько минут, — добавил Лонгстафф с легким зевком. — Мне о многом нужно поговорить с вами. Если у вас есть настроение.

— Да.

Лонгстафф встревоженно взглянул на золотые, украшенные драгоценными камнями карманные часы, которые свисали с его парчового жилета:

— Почти одиннадцать! Похоже, мне никогда не будет хватать времени. Не хотите ли пройти в кают-компанию?

— Нет. Мы подождем здесь.

— Как вам будет угодно. — Лонгстафф быстро вернулся в каюту и захлопнул дверь.

— Он очень молод для полномочного представителя Короны, не так ли?

— И да и нет. Ему тридцать шесть. Империи создаются молодыми, Кулум. Это разрушают их старики.

— Он совсем не похож на англичанина. Он кто, валлиец?

— Его мать — испанка. — Чем, видимо, и объясняется его природная жестокость, подумал про себя Струан. — Она была графиней. Его отец служил дипломатом при испанском дворе. Это один из тех браков, которые называют породистыми. Его семья связана по какой-то линии с графами Тот.

Если ты не родился аристократом, с горечью подумал Кулум, как бы умен ты ни был, у тебя нет ни одного шанса пробиться наверх. Ни одного. Пока не произойдет революция.

— Дела в Англии очень плохи, — сказал он отцу.

— Как так, дружок?

— Богатые слишком богаты, а бедные слишком бедны. Люди ринулись в города в поисках работы. Людей много — рабочих мест мало, поэтому наниматели платят все меньше и меньше. Народ голодает. Лидеры чартистов по-прежнему в тюрьме.

— Вот и хорошо. Этих смутьянов вообще следовало бы повесить или хотя бы выслать из страны.

— Ты не одобряешь Хартии, отец? — Кулум сразу насторожился.

Народная хартия была написана более трех лет назад и с тех пор являлась символом свободы, объединяющим всех недовольных британцев. Хартия требовала права голоса для каждого совершеннолетнего мужчины, отмены имущественного ценза для членов парламента и выплаты им жалованья, уравнивания избирательных округов, тайного голосования и ежегодного проведения сессий.

— Я одобряю ее как документ, содержащий справедливые требования. Но не одобряю самих чартистов и их лидеров. Я считаю, что в Хартии много в основе своей правильных идей, но попали они в плохие руки.

— А что плохого в том, чтобы агитировать за реформу? Парламент должен решиться на все эти изменения.

— Агитировать — да. Говорить, спорить, писать петиции. Но не подстрекать к насилию и не устраивать революций. Правительство поступило совершенно правильно, когда покончило с беспорядками в Уэльсе и Мидлендсе. Клянусь Господом, неповиновение — это не выход! Ходят слухи, что чартисты так и не усвоили преподанного им урока, что они скупают оружие и собираются на тайные сходки. Клянусь Богом, их следует растоптать раз и навсегда!

— Хартию растоптать не удастся. Слишком многим она нужна, и эти люди готовы умереть за нее.

— Что ж, тогда смертей будет очень и очень много, мой мальчик. Чартисты должны запастись терпением.

— Ты просто не представляешь, отец, во что теперь превратилась жизнь на Британских островах. Ты так долго пробыл здесь. Терпение нелегко дается тем, у кого живот свело от голода.

— Здесь, в Китае, то же самое. Везде в мире ты увидишь одно и то же. Но бунт, неповиновение — это не британский путь.

Скоро он будет им, мрачно подумал Кулум, если для британцев ничего не изменится в самом близком будущем. Он пожалел, что оставил Глазго и уехал на Восток. Глазго был центром шотландских чартистов, а он возглавлял группу студентов, которые тайно поклялись отдать свой труд — а если понадобится, и жизни — движению сторонников Хартии.

Дверь каюты вновь распахнулась, и часовой замер. Из каюты вышел адмирал, массивный человек с каменным лицом; было видно, что он сильно не в духе. Сопровождаемый своими капитанами, он направился к трапу. Большинство капитанов были молоды, хотя попадались среди них и седовласые старики. Все были в морских мундирах и треуголках, их сабли позвякивали на ходу.

Капитан Глессинг вышел последним. Он остановился перед Струаном:

— Позвольте выразить вам мои соболезнования, мистер Струан. Какое страшное невезение!

— Да. — Неужели это просто невезение, подумал Струан, когда ты теряешь красавицу-жену и трех чудесных ребятишек? И имеет ли Бог — или дьявол — какое-то отношение к йоссу? Или все это: Бог, дьявол, везение, йосс — лишь разные названия одного и того же?

— Кстати, вы были совершенно правы, прикончив того взбесившегося пехотинца, — говорил между тем Глессинг.

— Я его и пальцем не тронул.

— О? Значит, мне показалось. С того места, где я стоял, мало что можно было разглядеть. Это, впрочем, не важно.

— Вы похоронили его на берегу?

— Нет. Не стоит загрязнять остров болезнями такого рода... Имя Рамсей говорит вам что-нибудь, мистер Струан? — спросил Глессинг, отбросив в сторону любезности.

— Рамсей — довольно распространенное имя, — осторожно ответил Струан.

— Верно. Но шотландцы обычно стараются держаться друг друга. Разве не в этом секрет успеха тех компаний, которыми руководят шотландцы?

— Да, найти людей, достойных доверия, трудное дело. А вам имя Рамсей говорит о чем-нибудь?

— Это имя матроса, дезертировавшего с моего корабля, — ответил Глессинг, глядя на него в упор. — Если не ошибаюсь, он доводится родственником вашему боцману Маккею.

— И что же?

— Ничего. Просто ставлю вас в известность. Как вы, конечно, знаете, любое торговое судно, вне зависимости от того, несет оно вооружение или нет, может быть захвачено в качестве приза, если примет на борт дезертира. Захвачено Королевским военно-морским флотом. — Глессинг улыбнулся. — Дезертировать глупо. Куда еще ему бежать, как не на другой корабль?

— Некуда. — Струан почувствовал себя в ловушке. Он был уверен, что Рамсей сейчас скрывается на одном из его кораблей, и не сомневался, что Брок приложил к этому руку, а возможно, и Глессинг тоже.

— Сегодня мы проводим досмотр всех кораблей. Вы, конечно, не станете возражать?

— Конечно нет. Наша компания очень тщательно подбирает команды на свои корабли.

— Очень разумно. Адмирал решил, что Благородный Дом заслуживает особой привилегии, поэтому ваши корабли будут осмотрены немедленно.

В этом случае, решил про себя Струан, я уже ничего не могу сделать. И он выбросил из головы эту проблему.

— Капитан, я бы хотел представить вам моего старшего... моего сына Кулума. Кулум, перед тобой наш знаменитый капитан Глессинг, который выиграл битву при Чуаньби.

— Добрый день. — Глессинг вежливо пожал руку молодому человеку. Рука Кулума с длинными пальцами показалась ему мягкой и немного женственной. Смахивает на денди, подумал Глессинг. Приталенный сюртук, бледно-голубой галстук, высокий воротник — должно быть, студент последнего курса. Любопытно пожимать руку человеку, который перенес бенгальскую чуму и остался жив. Интересно, а я бы выжил?.. — Это нельзя было назвать сражением.

— Два небольших фрегата против двадцати боевых джонок и тридцати с лишним брандеров? И это, по-вашему, не битва?

— Стычка, мистер Струан. Это могла бы быть битва... — Если бы не этот чертов трус Лонгстафф и не ты, гнусный пират, хотелось закончить Глессингу.

— А вот мы, коммерсанты, считаем, что это была самая настоящая битва, Кулум, — с иронией сказал Струан сыну. — Нам никогда не понять разницы между сражением и стычкой. Мы всего лишь мирные торговцы. Но первый в мировой истории случай, когда Англия скрестила оружие с Китаем, заслуживает того, чтобы его назвали сражением. Это произошло чуть больше года назад. Мы стреляли первыми.

— А как бы поступили вы, мистер Струан? Это было правильное тактическое решение.

— Ну разумеется.

— Капитан-суперинтендант торговли полностью одобрил мои действия.

— Конечно. Правда, у него не было особого выбора.

— Заново переживаете старые баталии, капитан Глессинг? — раздался голос Лонгстаффа. Капитан-суперинтендант стоял на пороге своей каюты и с интересом слушал их разговор, оставаясь незамеченным.

— Нет, ваше превосходительство, просто по-новому смотрю на старую стычку. Как вам известно, мистер Струан и я никогда не сходились во взглядах на то, что произошло у Чуаньби.

— А почему вы непременно должны смотреть на это одинаково? Если бы мистер Струан командовал вашими кораблями, его решение, вполне возможно, совпадало бы с вашим. И будь вы на месте мистера Струана, у вас тоже могла бы появиться уверенность, что

китайцы не станут нападать на вас первыми, и вы бы пошли на риск и не отдали приказа открывать огонь. — Лонгстафф зевнул, поигрывая карманными часами. — А что бы предприняли вы, Кулум?

— Не могу сказать, сэр. Я не знаю всех сложностей обстановки, существовавших на ту пору.

— Хорошо сказано. «Сложности обстановки» — это удачное выражение. — Лонгстафф усмехнулся. — Не согласитесь ли составить нам компанию, капитан? Бокал сака?

— Благодарю вас, сэр, но мне пора возвращаться на свой корабль. — Глессинг ловко отдал честь и удалился.

Лонгстафф жестом пригласил Струанов в кабинет для совещаний, который временно служил капитан-суперинтенданту в качестве личных апартаментов. Комната выглядела поспартански, из обстановки имелось только то, что было необходимо для работы. Глубокие кожаные кресла, столы с картами, комоды, массивный дубовый стол были надежно прикручены к палубе. Позади бюро из дуба, богато украшенного резьбой, полукругом шли окна кормы с частыми рамами. Каюта пахла дегтем, табаком, морем и, неизбежно, порохом.

— Стюард! — позвал Лонгстафф.

Дверь каюты открылась в ту же секунду.

— Да, сэр?

Лонгстафф повернулся к Струану:

— Сак? Бренди? Портвейн?

— Сухой сак, благодарю вас.

— То же самое, пожалуйста, сэр, — сказал Кулум.

— Мне портвейн. — Лонгстафф опять зевнул.

— Слушаюсь, сэр.

Стюард достал бутылки из буфета и разлил вино в тонкие хрустальные бокалы.

— Вы впервые покинули Англию, Кулум? — поинтересовался Лонгстафф.

— Да, сэр.

— Но я полагаю, с нашими последними сложностями обстановки вы хорошо знакомы.

— Нет, ваше превосходительство. Отец не писал подробных писем, а в газетах про Китай не упоминают.

— Ну, скоро начнут, не правда ли, Дирк?

Стюард подал бокалы: сначала Лонгстаффу, затем его гостям.

— Проследите, чтобы нас не беспокоили.

— Да, сэр. — Стюард оставил бутылки на столике рядом и вышел.

— Тост, — провозгласил Лонгстафф, и Струан вспомнил тост Робба и пожалел, что сначала отправился на флагман. — За то, чтобы ваше пребывание здесь, Кулум, было приятным, а возвращение домой — безопасным.

Они выпили. Сухой сак был превосходен.

— Здесь сейчас вершится история, Кулум. И никто не может рассказать вам об этом правдивее и лучше, чем ваш отец.

— У китайцев есть старинная поговорка, Кулум: «Правда имеет много лиц», — сказал Струан.

— Я не понимаю.

— Просто мое изложение фактов совсем не обязательно будет единственно верным. — Эти слова напомнили ему об императорском наместнике Лине, который содержался в

Кантоне под стражей и в бесчестье, потому что его политика привела к открытому конфликту с Британией; в скором времени его ожидал смертный приговор. — Этот дьявол Линь все еще в Кантоне? — спросил он.

— Думаю, да. Его превосходительство Тисэнь улыбнулся, когда три дня назад я задал ему вопрос о судьбе Линя, и сказал загадочно: «Багряный является Сыном Неба. Как может человек провидеть волю Неба?» Китайского императора зовут Сыном Неба, — пояснил Лонгстафф для Кулума. — Багряный — еще одно из его многочисленных имен, поскольку он всегда пишет тушью алого цвета.

— Станные, странные люди эти китайцы, Кулум, — добавил Струан. — Например, из трехсот миллионов человек только император имеет право писать алой тушью. Попробуй представить себе это. Если бы в один прекрасный день королева Виктория заявила, что отныне только ей дозволено пользоваться красными чернилами, как бы мы ни любили ее, сорок тысяч британцев в тот же миг отказались бы от всех чернил, кроме красных. Я бы сам первый так поступил.

— И каждый китайский торговец, — вставил Лонгстафф с издевкой, которой сам, очевидно, не замечал, — немедленно послал бы ей бочонок чернил означенного цвета — с оплатой по получении — и заверил бы ее британское величество в своей готовности стать поставщиком Короны — по соответствующей цене. И все заверения непременно были бы написаны красным. Ха, надо полагать, у них есть на это право! Где оказались бы все мы, не будь торговли?

Возникла короткая пауза, и Кулум спросил себя, почему отец молча проглотил нанесенное ему оскорбление. Или это не было оскорблением? Возможно, это лишь еще одна непреложная истина: аристократы всегда издеваются над теми, кто не принадлежит к их кругу? Что ж, наша Хартия решила бы проблему аристократии раз и навсегда.

— Вы хотели меня видеть, Уилл? — Струан чувствовал себя смертельно усталым. Его нога болела, невыносимо ныли плечи.

— Да. Со... за последние два дня произошло несколько незначительных событий. Кулум, вы не извините нас? Мне необходимо поговорить с вашим отцом наедине.

— Разумеется, сэр. — Кулум поднялся.

— В этом нет нужды, Уилл. — Струан жестом остановил сына. Если бы не насмешки Лонгстаффа, он не стал бы его задерживать. — Кулум теперь один из партнеров торгового дома «Струан и компания». Придет день, когда он будет управлять им как тайпан. Вы можете доверять ему так же, как доверяете мне.

Кулumu захотелось сказать: «Я никогда не стану участвовать в этом, никогда. У меня другие планы». Но он не смог произнести ни слова.

— В таком случае примите мои поздравления, Кулум, — небрежно наклонил голову Лонгстафф. — Быть партнером Благородного Дома — это удача, которую нельзя купить ни за какие деньги.

Только не когда ты банкрот, едва не добавил Струан.

— Садись, Кулум.

Лонгстафф прошелся взад-вперед по каюте и начал:

— На завтра назначена встреча с полномочным представителем китайского императора для обсуждения деталей договора.

— Он предложил место и время встречи или вы?

— Он.

— Тогда, наверное, вам лучше все изменить. Выберите другое место и назначьте другое время.

— Зачем?

— Затем, что, если вы согласитесь с его предложением, он и все мандарины будут рассматривать это как проявление слабости.

— Хорошо. Если вы так считаете. Скажем, послезавтра, а? В Кантоне?

— Да. Возьмите с собой Горацио и Маусса. Если хотите, я тоже поеду с вами. И мы обязательно должны опоздать на четыре часа.

— Но черт меня возьми, Дирк, к чему такие крайности?! Четыре часа? Клянусь честью, это просто смешно!

— Это не смешно. Если вы будете вести себя с ними как повелитель с подчиненными, вы получите преимущество на переговорах. — Струан посмотрел на Кулума. — Здесь, на Востоке, игру приходится вести по восточным правилам. Незначительные вещи, мелочи приобретают огромную важность. Его превосходительство получил крайне трудное назначение. Один крошечный промах сейчас — и его последствия не исправить в течение целого полувека. Ему приходится действовать быстро и при этом соблюдать величайшую осторожность.

— Да. И никакой помощи, черт побери! — Лонгстафф осушил свой бокал и вновь его наполнил. — Какого дьявола, почему они не могут вести себя как цивилизованные люди, этого мне никогда не понять. Никогда! За исключением вашего отца, здесь нет ни одного человека, который старался бы помочь мне. Дома Кабинет просто не представляет, с какими проблемами мне приходится здесь сталкиваться, да им это и неинтересно. Я здесь полностью предоставлен самому себе. Мне присылают невыполнимые инструкции, рассчитывая, что я смогу найти общий язык с невозможным народом. Клянусь честью, мы должны опаздывать на четыре часа, чтобы доказать, что мы выше их, когда всякому и так ясно, что мы выше! — Он раздраженно взял щепотку табака и чихнул.

— Когда вы намерены провести распродажу земли, Уилл?

— Ну... э-э... я так думал, когда Кабинет одобрит договор. Времени у нас достаточно. Скажем, где-нибудь в сентябре.

— Разве вы забыли о вашей замечательной идее? Мне казалось, вы хотите начать застраивать Гонконг немедленно?

Лонгстафф напряг свою память. Ему показалось, что он действительно припоминает какой-то разговор со Струаном. О чем там, черт побери, шла речь?!

— Ну, передача Гонконга, конечно же, остается неофициальной, пока оба правительства не ратифицировали договор — я хочу сказать, это ведь обычная процедура, ну?

— Да. Но ситуация у нас необычная. — Струан поиграл бокалом. — Гонконг наш. Чем скорее мы начнем строиться, тем лучше, разве это не ваши слова?

— Ну, остров-то, конечно, наш... — Что же это был за план? Лонгстафф подавил очередной зевок.

— Вы сказали, что вся земля должна принадлежать королеве. Что до тех пор, пока вас официально не назначили первым губернатором Гонконга, управление островом должно быть сосредоточено в ваших руках, поскольку вы являетесь полномочным представителем Короны. Если вы подпишете особое постановление, все пойдет по плану. Будь я на вашем месте, то провел бы распродажу уже в следующем месяце. Не забывайте, Уилл, что для колонии вам понадобятся деньги. Кабинет с большим подозрением относится к тем

колониям, которые не могут обходиться своими средствами.

— Правильно. Да. Совершенно верно. Конечно. Мы должны начинать как можно скорее. Первая распродажа земли будет проведена в следующем месяце. Так-так. Теперь мне надо определить форму владения. Что это будет: фригольд^[7], аренда или еще что-нибудь.

— Аренда на девятьсот девяносто девять лет. Обычный для Короны срок арендных соглашений.

— Отлично! — Лонгстафф беспомощно всплеснул руками. — Как будто у нас других забот не хватает, Кулум! Теперь вот придется превращаться в каких-то чертовых торгашей. С чего, дьявол меня заberi, вообще начинают строительство колонии, ну? Должны быть выгребные ямы, улицы, дома и Бог его знает что еще. Да, здание суда и тюрьма! — Он остановился перед Кулумом. — Вы сколько-нибудь знакомы с юриспруденцией?

— Нет, ваше превосходительство, — ответил Кулум. — Я всего лишь прослушал половину курса по изящным искусствам в университете.

— Это не важно. Мне понадобятся управляющий делами колонии, генерал-адъютант, казначей и Бог знает кто еще. Потом нужно же иметь какую-то полицию. Вам бы не хотелось возглавить нашу полицию?

— Нет, благодарю вас, сэр. — Кулум постарался не показать, насколько его шокировало это предложение.

— Что ж, я уверен, мы сможем найти вам какое-нибудь применение. Каждому придется приложить усилия. Я не в состоянии сам обо всем заботиться. Поразмыслите о том, чем бы вам хотелось заняться, и дайте мне знать. Нам понадобятся люди, достойные доверия.

— А почему бы не назначить его к вам в штат заместителем? — предложил Струан. — Мы одолжим его вам на полгода.

— Превосходно! — Лонгстафф улыбнулся Кулуму. — Очень хорошо. Отныне вы заместитель управляющего делами колонии. Так, давайте посмотрим... Приготовьте-ка все для распродажи земельных участков. Это будет вашим первым поручением.

— Но, сэр, я ничего не знаю о том, как проводятся распродажи земельных участков. Я ничего не знаю о...

— Вы знаете не меньше, чем любой из нас, а ваш отец сумеет вас направить. Вы будете... э-э... заместителем управляющего делами колонии. Отлично. Теперь я могу забыть об этой проблеме. Выясните, что следует сделать и как, а потом скажете мне, что необходимо для придания всему этому официального характера. Проведите аукцион. Думаю, это будет честно. — Лонгстафф вновь наполнил свой бокал. — Да, кстати, Дирк, я отдал распоряжение об эвакуации наших сил с острова Чушань.

Струан почувствовал, как внутри у него все похолодело.

— Зачем вам понадобилось это делать, Уилл?

— Я получил специальное послание от его превосходительства Тисэня два дня назад, в котором он просил меня сделать это в качестве жеста доброй воли.

— Вы могли бы подождать.

— Он требовал немедленного ответа, а... э-э... с вами никак нельзя было связаться.

— «Немедленно» для китайца может означать любой срок до столетия включительно. — О Уилли, дурень ты несчастный, подумал он, сколько раз тебе нужно объяснять?

Лонгстафф почувствовал на себе давящий взгляд зеленых глаз.

— Тисэнь как раз посылал копию договора императору и хотел включить в свое

донесение весть о том, что мы приказали оставить остров. Мы ведь и так собирались вернуть его китайцам, ну? Такой же у нас был план. Черт возьми, какая разница — сейчас или потом?

— Для китайцев сроки всегда очень важны. Приказ отправлен?

— Да. Он был послан вчера. Тисэнь оказался настолько любезен, что предложил нам воспользоваться императорской конной эстафетой. С ней я его и передал.

Дьявол тебя заberi за твою слепоту, в отчаянии подумал Струан. Невыносимый идиот.

— Очень плохо пользоваться их услугами для передачи наших распоряжений. Мы потеряли лицо, а они получили дополнительные очки. Теперь уже бесполезно посылать корабль. — Его голос звучал холодно и жестко. — К тому времени, когда он доберется до Чушаня, эвакуация закончится. Ну что же, дело сделано, так что говорить теперь не о чем. Но это было неблагоразумно. Китайцы увидят в этом лишь проявление слабости.

— Мне подумалось, что жест доброй воли — это отличная идея, отличная, — продолжал Лонгстафф, стараясь преодолеть свою нервозность. — В конце концов мы получили все, что хотели. Конtribusiция на них наложена небольшая — всего шесть миллионов долларов, — но и это с лихвой окупает уничтоженный ими опиум. Кантон вновь открыт для торговли. И у нас есть Гонконг. Наконец-то. — Его глаза заискрились. — Все идет по плану. Остров Чушань значения не имеет. Вы сами говорили, что его нужно захватить только для отвода глаз. Но Гонконг наш. И Тисэнь заверил меня, что еще до конца месяца он назначит сюда мандарина, и они...

— Он сделает что?! — Струан был ошеломлен.

— Назначит на Гонконг мандарина. А в чем дело?

Спокойнее, спокойнее, одернул себя Струан, напрягая все душевные силы, чтобы сохранить невозмутимость. Хватало же у тебя терпения до сих пор, ну же, держи себя в руках. Это слабоумное ничтожество — твой самый необходимый инструмент.

— Уилл, если вы позволите ему сделать это, вы своими руками отдадите ему власть над Гонконгом.

— Вовсе нет, мой дорогой друг, ну? Гонконг теперь принадлежит Британии. Язычники на острове будут жить под нашим флагом и подчиняться нашей администрации. Кто-то же должен отвечать за этих дьяволов, ну? И должен же быть кто-то, кому мы будем платить таможенную пошлину. Где найти для этого более удобное место, чем Гонконг? Они построят здесь свою таможню, склады и...

— Что?! — Слово с треском врезалось в дубовую переборку и запрыгало по каюте. — Кровь Христова, вы, я надеюсь, не согласились на это?!

— Ну, лично я не вижу в этом большого зла, Дирк. Клянусь честью, это же ничего не меняет, разве нет? Наоборот, избавит нас от целой кучи проблем. Нам уже не нужно будет находиться в Кантоне. Мы сможем делать все дела прямо отсюда.

Пытаясь справиться с бешеным желанием раздавить Лонгстаффа, как клопа, Струан подошел к бюро и налил себе бренди. Держись. Ты не можешь его сейчас уничтожить. Сейчас не время. Ты должен его использовать.

— Вы пришли к конкретному соглашению с Тисэнем, что он *может* назначить на Гонконг мандарина?

— Ну, мой дорогой друг, я не то чтобы окончательно согласился. Это ведь не предусмотрено договором. Я просто согласился с тем, что это хорошая мысль.

— Вы выразили свое согласие письменно?

— Да. Вчера. — Лонгстафф был сбит с толку настойчивостью Струана. — Но разве это не то, чего мы так долго добивались? Иметь возможность обращаться к мандарину непосредственно, а не через купцов из этого китайского хонга?

— Верно. Но не на нашем острове, клянусь Создателем! — Голос Струана звучал ровно. А про себя он подумал: черт бы побрал эту убогую пародию на полномочного представителя Короны, этого напыщенного дурака, нерешительного аристократишку, умеющего делать только ошибки, эту навозную кучу, о которую все время приходится спотыкаться! — Если вы допустите это, мы потеряем Гонконг. Мы потеряем все.

Лонгстафф подергал себя за мочку уха, сникнув под взглядом Струана.

— Но почему, отец? — спросил Кулум.

К огромному облегчению Лонгстаффа, горящие зеленые глаза повернулись к юноше, и капитан-суперинтендант торговли подумал: «Да, почему? Почему мы должны все потерять? Мне казалось, я просто чудесно все устроил».

— Потому что они — китайцы.

— Мне это ни о чем не говорит.

— Я знаю, мой мальчик. — Чтобы заглушить боль от потери семьи, внезапно выросшую внутри его, и прогнать от себя безумную тревогу по поводу грозящего им банкротства, он решил все подробно объяснить не только Кулуму, но и, в который раз, Лонгстаффу. — Первое, что ты должен понять: в течение пяти тысяч лет китайцы называли свою страну Серединным царством — государством, которое боги поместили между небом *сверху* и землей *снизу*. Китаец — особое существо, он стоит выше всех уже просто потому, что он китаец. Остальных людей — всех без исключения — они считают дикарями, которые недостойны даже снисходительного взгляда. Только им одним как единственной действительно цивилизованной нации дано божественное право властвовать на земле. Для китайцев наша королева Виктория — не более чем вассальный правитель, который должен платить им дань. У Китая нет ни флота, ни армии, мы можем сделать с ним все, что нам заблагорассудится. Но они *верят*, что они самая цивилизованная, самая могучая и самая богатая — в этом, полагаю, они потенциально могут быть правы — нация на земле. Ты когда-нибудь слышал о Восьми правилах? — (Кулум покачал головой.) — Видишь ли, это были условия, на которых китайский император согласился торговать с «варварами» сто пятьдесят лет назад. Эти правила ограничивали всю торговлю с нами единственным портом — Кантоном. Чай и шелк должны были оплачиваться исключительно серебром, торговля в кредит не допускалась, контрабанда была запрещена. «Варварам» разрешалось строить склады и фабрики в Кантоне на полоске земли длиной полмили и шириной двести ярдов. Выходить за пределы этой строго ограниченной территории — Кантонского поселения — «варвары» не имели права, и проживать в поселении могли только в период зимней торговли — с сентября по март, — после чего должны были возвращаться в Макао. Ни при каких обстоятельствах ни одной «варварской» семье не разрешалось жить в поселении, так же как и ни одной женщине. В поселении ни в коем случае не должно было храниться оружие. Изучение китайского, прогулки на лодке или в паланкине, общение с местным населением запрещалось. «Варварские» военные корабли не допускались в устье Жемчужной реки. Все наши торговые суда вставали на якорь у Вампоа, тринадцатью милями ниже, где происходили погрузка и разгрузка и где выплачивалась таможенная пошлина за вывоз товара — серебром. Все сделки с «варварами» должны были осуществляться монопольно через гильдию из десяти китайских купцов, которую мы называем кохонг. Кохонг также является

для нас единственным поставщиком провианта и строго определенного числа слуг, лодочников и компрадоров. И наконец, главное правило, делавшее нас совершенно беспомощными, — нынешний договор отменяет его — гласило, что все петиции, прошения, жалобы «варвары» могли подавать только в кохонг, который затем передавал их мандаринам. Правила преследовали главную цель — держать нас на расстоянии и в постоянном напряжении, но при этом выжимать из нас каждое пенни. Запомни: китайцы любят деньги. Но то, что выжималось из нас, шло в карман не всем китайцам, а только маньчжурам, которые правят страной. Маньчжуры считают, что наши идеи — христианство, парламент, свободные выборы и в первую очередь равенство людей перед законом и суд присяжных — революционны, опасны и вредны. Но им нужно наше серебро. При Восьми правилах мы были неправы, наша торговля контролировалась, с нас могли затребовать любую мзду. И все равно мы делали деньги. — Он улыбнулся. — Мы заработали много денег. И они тоже. Со временем большинство правил отпало само собой из-за жадности чиновников. Но основные — никаких военных кораблей, никаких официальных контактов, кроме как через купцов кохонга, никаких жен в Кантоне, запрещение оставаться там после марта или селиться раньше сентября — остались в силе. И что типично для китайцев, несчастных купцов кохонга сделали целиком ответственными за нас. Стоило возникнуть какому-нибудь осложнению, и на них обрушивался гнев императора. Что опять же очень по-китайски. Кохонг выдаивали и будут выдаивать до тех пор, пока большинство купцов не разорится. У нас на шестьсот тысяч гиней их ценных бумаг, которые не стоят ни гроша. У Брока примерно столько же. По китайским обычаям кохонгу приходится покупать свои должности у императора, и им полагается постоянно слать наверх ценные подарки — пятьдесят тысяч таэлей серебром составляет обычный подарок императору в день его рождения от каждого из них. Над кохонгом стоит главный мздоимец самого императора. Мы зовем его хоппо. Он отвечает за выжимание денег из мандаринов Кантона, из кохонга и вообще из всех, кто попадает к нему под руку. Хоппо также покупает свою должность. Он, кстати, самый крупный торговец опиумом и наживает на этом огромные деньги. Поэтому допустить на Гонконг хотя бы одного мандарина — значит открыть двери всей системе. Этот мандарин станет хоппо. Ему будет подчинен каждый китаец. Каждый китайский купец, приезжающий на остров, должен будет купить лицензию и заплатить ему мзду, и они, в свою очередь, постараются как можно больше выжать из нас. Хоппо будет уничтожать всех, кто захочет нам помогать, и поддержит любого, кто нас ненавидит. И они не успокоятся до тех пор, пока не выживут нас отсюда.

— Почему?

— Потому что они — китайцы. — Струан потянулся, чтобы размять плечи, чувствуя, как на него волной накатывает необоримая усталость.

Он подошел к буфету и налил себе еще бренди. Как бы я хотел хоть на час стать китайцем, с тоской подумал он. Тогда я без всяких хлопот смог бы достать где-нибудь миллион таэлей. Что ж, если ответ заключается именно в этом, сказал он себе, попробуй рассуждать как китаец. Ты тайпан «варваров», мандарин с неограниченной властью. Какой в этой власти прок, если ты не можешь использовать ее на то, чтобы повернуть йосс в свою сторону? Как ты можешь воспользоваться своим положением? У кого есть миллион таэлей? На кого ты можешь нажать, чтобы получить его? Кто обязан тебе и кто твой должник?

— Что же нам делать, Дирк? Я хочу сказать, я полностью с вами согласен, — встревоженно проговорил Лонгстафф.

— Вам следует немедленно отправить Тисэню послание. Попросите его... нет, прикажите ему...

Внезапно Струана осенило, и он замолчал. Усталость как рукой сняло. Ах ты, глупый, полоумный, ни на что не годный пустобрех! Тисэнь! Тисэнь решит все твои проблемы! Один мандарин. Это все, что тебе нужно устроить. Два простых шага: первый — отменить соглашение Лонгстаффа с Тисэнем, как его следовало бы отменить в любом случае; второй — через одну-две недели сделать Тисэню тайное предложение, что в обмен на один миллион серебром ты заставишь Лонгстаффа изменить свою точку зрения и разрешишь ему назначить на Гонконг одного мандарина. Тисэнь с радостью ухватится за это предложение, потому что таким образом Китай в одно мгновение возвращает себе все, что был вынужден уступить, потерпев поражение в войне. Он нажмет на кохонг, и они соберут ему миллион, и сделают это с радостью, потому что сразу же добавят этот миллион к цене чая, который они умирают как хотят нам продать, а мы умираем как хотим купить. Бедняжка Уилли не проблема, а из торговцев никто не станет протестовать против одного мандарина. Мы придумаем ему новое имя, так что даже самые проницательные будут сбиты с толку и ни о чем не догадаются. Скажем, торговый уполномоченный. Коммерсанты не станут возражать против китайского торгового уполномоченного, потому что он поможет торговле и упростит выплату таможенной пошлины. Теперь дальше, к кому следует обратиться с этим тайным предложением? Разумеется, к старому Жэнь-гуа. Он самый богатый и самый хитрый из купцов кохонга, к тому же он твой главный поставщик, и ты знаешь его уже двадцать лет. Он наиболее подходящая фигура, в этом нет сомнения.

Один-единственный мандарин обеспечит будущее Благородного Дома. Это так. Но он погубит Гонконг. И сделает невозможным твой план. Рискнешь ли ты пойти на такую сделку, зная, что впоследствии тебе придется найти способ перехитрить его? А риск огромный — ты-то понимаешь, что один мандарин означает всю систему целиком. Ты не можешь отдать этому дьяволу в кабалу Робба, Кулума и их детей. Но без этих денег не будет ни Благородного Дома, ни будущего.

— Вы что-то хотели сказать, Дирк?

— Прикажите Тисэню именем королевы забыть о том, что на Гонконге будет мандарин.

— Полностью с вами согласен. — Лонгстафф со счастливым видом присел к столу и взялся за перо. — Что мне написать?

Бедный Уилли, а кто мне подскажет, что я должен делать? — спросил себя Струан. Действительно ли цель оправдывает средства?

— Напишите следующее: «Тисэню в Кантоне. Особое постановление. Только ее британское величество королева Виктория имеет право назначать чиновников на британском острове Гонконг. На земле этого острова не будет ни китайских чиновников, ни каких бы то ни было китайских таможенных учреждений. — Он помолчал в нерешительности, потом стал размеренно диктовать дальше, чувствуя, что момент подходящий: — И все китайцы, проживающие в колонии ее величества Гонконг, будут отныне британскими подданными, подчиняющимися только английским законам».

— Но это превышает мои полномочия!

— Посланникам привычно превышать свои полномочия. Именно поэтому их и отбирают столь тщательно, Уилл. Именно поэтому мы имеем теперь империю. Раффлз, Хастингс, Клайв, Рэли, Веллингтон. Правительство ее величества облекло вас полномочиями своего представителя для подписания договора с Китаем. Что они там, дома,

знают о Китае, да и хотят ли вообще что-нибудь знать? Но вы, вы первопроходец, Уилл. Вы творите историю. Вы готовы согласиться на один крошечный, бесплодный, почти необитаемый островок, когда во всем мире принято в подобных ситуациях захватывать целые континенты, когда вы могли потребовать весь Китай, если бы только захотели. Но вы оказались гораздо дальновиднее.

Лонгстафф заколебался, покусывая кончик пера:

— Да, но мы уже договорились о том, что китайцы на Гонконге будут подчиняться китайским законам, исключены будут лишь все виды пыток. — На подбородке у него собралась капелька пота. — Это был один из пунктов договора, и я издал особое постановление.

— Вы передумали, Уилл. Так же, как передумал Тисэнь. Ведь пункта о назначении мандарина там не было.

— Но это подразумевалось.

— Не вами. И не мной. Он старается обмануть вас. Как сделал это в вопросе об эвакуации с Чушаня.

— Верно, — согласился Лонгстафф, радуясь, что Струан сумел убедить его. — Вы правы, Дирк. Абсолютно. Если мы допустим хоть какой-то контроль... Вы правы. Они опять примутся за свои старые фокусы. Да. И уже давно пора показать китайцам, что такое настоящая справедливость. Закон и порядок. Да. Вы правы.

— Закончите письмо так, как это сделал бы император: «Да устрашится этого всякий и, дрожа, подчинится», и подпишитесь своим полным титулом, — сказал Струан, одновременно открывая дверь каюты.

— Дежурный офицер!

— Да, сэр-р?

— Его превосходительству нужен его секретарь, мистер Синклер. Немедленно.

— Есть, сэр-р!

Лонгстафф закончил писать. Он перечитал послание.

— А не слишком ли это грубо, Дирк? Я имею в виду, не упомянуть ни одного его титула и закончить письмо так, словно это императорский указ?

— В этом-то и заключается вся суть. Вам еще нужно будет опубликовать его в газете.

— Но это частный документ.

— Это исторический документ, Уилл. Один из тех, которыми вы можете гордиться. И он доставит огромное удовольствие адмиралу. Кстати, почему он был так зол?

— А, все одно и то же. — Лонгстафф стал передразнивать адмирала: — «Черт возьми меня совсем, сэр, нас послали сюда драться с язычниками, и после двух десантов без какого-либо с их стороны сопротивления, о котором стоит упоминать, вы заключили позорный договор, принесший нам гораздо меньше того, что министр иностранных дел приказал вам потребовать. Где те открытые порты, которые вы должны были вытребовать у императора?» Вы уверены, Дирк, что, запросив меньше, мы поступили правильно? Я знаю, вы уже говорили об этом раньше, но... мм... торговцы, похоже, считают это большой ошибкой. Я имею в виду, что мы остались без открытых портов.

— Гонконг важнее, Уилл.

— Что ж, раз вы в этом по-прежнему уверены... Адмирал был также очень раздражен из-за каких-то дезертиров и еще отсрочкой вступления в силу приказа о запрещении контрабанды опиума. И... мм... торговцы подняли такой ужасный шум. Явились целой

делегацией.

— Их возглавлял Брок?

— Да. Невоспитанная скотина.

Сердце Струана упало.

— Вы им сказали, что собираетесь отменить приказ?

— Ну, Дирк, я не то чтобы прямо им так сказал. Но я намекнул, что он будет отменен.

— А адмиралу вы тоже намекнули, что отмените приказ?

— Я дал ему понять, что дальнейшие меры в этом направлении были бы нецелесообразны. Он пришел в крайнее раздражение и заявил, что сообщит о своей точке зрения в Адмиралтейство. — Лонгстафф вздохнул и зевнул. — Клянусь честью, он совершенно не представляет себе наших проблем. Совершенно. Я был бы очень вам признателен, Дирк, если бы вы взялись объяснить ему, что такое торговля. Я попробовал, но мне так и не удалось заставить его здраво смотреть на вещи.

А мне никак не удастся приучить к этому же тебя, Уилли, подумал Струан. Если Робб уже успел скупить опиум, мы завяжем еще глубже. Если не скупил, нам все равно конец. Разве что эта сделка: один чертов мандарин за один чертов миллион.

— Даже не знаю, что бы я делал без помощи вашего отца, Кулум. — Лонгстафф взял понюшку табака из табакерки, усыпанной драгоценными камнями. Черт побери, думал он, я ведь дипломат, а не военный, который без войны жить не может. Губернатор Гонконга — это как раз то, что нужно. Став губернатором Гонконга, я впоследствии могу рассчитывать и на что-нибудь стоящее. Бенгалия, возможно. Ямайка... Вот чудное местечко. Канада? Нет, черт, слишком холодно! Бенгалия или какой-нибудь другой индийский штат. — В Азии все невероятно сложно, Кулум. Приходится сталкиваться с таким разнообразием взглядов и интересов — Короны, торговцев, миссионеров, Королевского флота, армии, китайцев — и все они в вечном противоречии между собой. И китайцы, дьявол их заberi, тоже делятся на конфликтующие группы! Купцы, мандарины, маньчжуры. — Он положил табак в обе ноздри, глубоко втянул в себя воздух и чихнул. — Я полагаю, вам, конечно, известно, что Китаем правят не китайцы.

— Нет, сэр.

— Как нас уверяют, половина всех проблем из-за этого. Нынешние правители Китая — маньчжуры. Они родом из Маньчжурии. Дикие варвары, жившие когда-то к северу от Великой стены. Говорят, они правят Китаем уже двести лет. Нас, должно быть, принимают здесь за дураков. Китайцы утверждают, что существует громадная стена вроде Адрианова вала^[8], которая тянется вдоль всей северной границы Китая и защищает страну от диких кочевых племен. По слухам, эта стена свыше трех с половиной тысяч миль длиной, сорок футов высотой и тридцать толщиной, она настолько широка, что по ней могут ехать восемь всадников в ряд. И через каждые триста ярдов там якобы стоят сторожевые башни. Сложена стена из кирпича и гранита, и возвели ее две тысячи лет тому назад. — Он презрительно фыркнул. — Надо же такое выдумать! Смешно!

— Я считаю, что стена существует, — проговорил Струан.

— Ну полно, Дирк, — замахал на него рукой Лонгстафф. — Невозможно, чтобы такое укрепление могло быть построено две тысячи лет назад.

— Легенда гласит, Кулум, что на строительство стены был отправлен каждый третий человек в Китае. Строили ее десять лет. Говорят, при строительстве умерло миллион человек, и все они погребены в стене. С тех пор духи умерших охраняют ее.

Кулум усмехнулся:

— Если стена так огромна, маньчжуры бы никогда ее не преодолели. Не может быть, чтобы она существовала.

— Согласно легенде, маньчжуры прорвались через стену обманом. Китайский генерал, охранявший ее, продал собственный народ.

— А вот это более чем вероятно, — с отвращением произнес Лонгстафф. — Никакого понятия о чести здесь, на Востоке! Этот генерал полагал, что сможет с помощью врагов захватить трон, но маньчжуры воспользовались им, а потом уничтожили. По крайней мере, так говорится в легенде.

— Вот уж действительно странная легенда, сэр, — сказал Кулум.

Взгляд Струана стал жестким.

— Тебе лучше сразу привыкнуть к тому, что теперь ты будешь слышать немало странного. И подумай еще вот над чем, Кулум: китайская цивилизация насчитывает пять тысячелетий. Постарайся осмыслить это: книги, печатные прессы, живопись, поэзия, правительство, шелк, чай, порох и множество других вещей. В течение тысячелетий! Мы же можем считать себя цивилизованными последние пятьсот лет. Если это вообще можно назвать цивилизованностью.

Раздался стук в дверь. В каюту торопливо вошел Горацио.

— Ваше превосходительство?

— Вы нужны мне, Горацио. Я хочу, чтобы вы незамедлительно перевели это на китайский и отослали со специальным курьером. И направьте копию мистеру Скиннеру, пусть напечатает в своей газете.

— Слушаюсь, сэр. — Горацио взял бумагу и повернулся к Струану. — Я был очень огорчен, услышав ужасное известие.

— Благодарю вас. Это мой сын Кулум. Горацио Синклер.

Молодые люди обменялись рукопожатием, с первого взгляда понравившись друг другу.

Горацио прочел письмо:

— У меня уйдет много времени на то, чтобы перевести это в приемлемых придворных выражениях, сэр.

— Его превосходительство желает, чтобы письмо было отправлено именно в том виде, в каком оно написано, — веско сказал Струан. — Без всяких изменений.

Горацио открыл рот от изумления, потом едва заметно кивнул:

— Да, я... э-э... сделаю это немедленно. Но Тисэнь ни за что не примет такого послания, мистер Струан. Ни за что, ваше превосходительство. Иначе он потеряет лицо.

Лонгстафф встрепенулся:

— Лицо? Я покажу этому скользкому плуту-язычнику, что такое лицо, клянусь Богом! Передайте адмиралу мое почтение и попросите его отправить это письмо в Вампоа на линейном корабле, с распоряжением проследовать оттуда прямо в Кантон, если письмо не будет принято!

— Слушаюсь, сэр.

— Не примет его, скажите, пожалуйста! — продолжал возмущаться Лонгстафф, когда Горацио вышел. — Поразительное высокомерие! Все эти язычники — варвары. Все до единого. Китайцы. Маньчжуры. Они не ведают, что такое справедливость, и их презрение к человеческой жизни поистине невероятно. Они продают своих дочерей, братьев, сестер. Уму непостижимо.

Кулум вдруг вспомнил свою мать и братьев и то, как они умирали. Водянистые рвота и стул, вонь, невыносимые рези в животе, запавшие глаза, подергивающиеся руки и ноги. Потом конвульсии, еще более сильная вонь и вслед за этим — смерть и черная дыра разверстого рта. А после смерти внезапно наступали мышечные спазмы, и вот его мать, скончавшаяся час назад, вдруг начинает извиваться на кровати — мертвые глаза открыты, рот зияет...

Давние страхи опять заползли в его душу, лишая сил, и он отчаянно попытался заставить себя думать о чем-нибудь другом — о чем угодно, лишь бы отвлечься, забыть этот кошмар.

— Касательно распродажи участков, сэр. Землю сначала необходимо промерить. Кто должен этим заняться, сэр?

— Найдем кого-нибудь, не беспокойтесь.

— Может быть, Глессинг? — предложил Струан. — У него есть опыт в составлении карт.

— Прекрасная мысль. Я поговорю с адмиралом. Отлично.

— Кстати, раз уж о нем зашла речь, вы могли бы подумать о том, чтобы назвать пляж, где сегодня был поднят флаг, мысом Глессинга.

Лонгстафф был поражен.

— Положительно, я никогда не научусь понимать вас. Зачем изменять самому себе и увековечивать имя человека, который вас ненавидит?

Потому что хорошие враги — это большая ценность, подумал Струан. К тому же Глессинг будет мне полезен. Теперь он умрет за этот мыс, названный его именем, а это означает — за весь Гонконг.

— Мне просто подумалось, что такой жест доставит удовольствие нашему доблестному военному флоту, — произнес он вслух.

— Это действительно хорошая идея. Я рад, что вы ее предложили.

— Ну что же, полагаю, нам пора возвращаться на свой корабль, — сказал Струан, наклонив голову. Он устал. А впереди было еще очень много дел.

Исаак Перри стоял на юте «Грозового облака», наблюдая, как морские пехотинцы ищут под брезентом, в баркасах и в парусной кладовой. Он ненавидел морских пехотинцев и морских офицеров: когда-то его самого заставили служить в военном флоте.

— На судне нет никаких дезертиров, — еще раз повторил он.

— Разумеется, — ответил ему молодой офицер, возглавлявший отряд, присланный на корабль для проведения обыска.

— Пожалуйста, распорядитесь, чтобы ваши люди не оставляли после себя такого беспорядка. За ними придется убирать целой вахте.

— Ваш корабль окажется завидным призом, капитан Перри. И сам корабль, и его груз, — с издевкой ухмыльнулся офицер.

Перри впился глазами в Маккея, который стоял у площадки сходного трапа под охраной вооруженных солдат. Если только ты помог Рамсею проникнуть на корабль, подумал Перри, ты покойник, Маккей.

— Баркас у кормового трапа! — крикнул третий помощник. — Владелец поднимается на борт.

Перри поспешил навстречу Струану:

— Они считают, что на нашем судне скрывается дезертир, сэр.

— Знаю, — сказал Струан, ступая на палубу. — Почему мой боцман находится под стражей? — обратился он к высокомерному молодому офицеру, и в его голосе появился пугающий скрежет.

— Это всего лишь предосторожность. Он родственник Рамсея и...

— К черту предосторожности! Он невиновен, пока не будет доказано обратное, клянусь Господом Богом! — прорычал Струан. — Вы здесь для того, чтобы проводить обыск, а не гонять и арестовывать моих людей.

— Я ничего не знал, сэр! — выкрикнул Маккей. — Я не помогал Рамсею пробираться на борт. Не помогал. Не помогал!

— Да сжалится над тобой Господь, если он здесь, — оборвал его Струан. — С корабля ни шагу до последующего распоряжения. Марш в каюту!

— Есть, сэр! — Маккей нырнул вниз.

— Кровь Христова, Исаак! — бушевал Струан. — Ты, кажется, капитан этого корабля. По какому закону военный флот может арестовывать человека без ордера, из одной только предосторожности?

— Такого закона нет, сэр. — Перри сжался, предпочитая не спорить.

— Убирайся ко всем чертям с моего корабля! Ты списан на берег!

Перри побледнел:

— Но, сэр...

— Чтобы к заходу солнца тебя здесь не было. — Струан двинулся к трапу, который вел внутрь корабля. — Пойдем, Кулум.

Кулум догнал Струана в проходе перед капитанской каютой.

— Это несправедливо, — волнуясь, заговорил он. — Несправедливо. Капитан Перри — лучший капитан, который у тебя есть. Ты сам это говорил.

— Он был им, парень, — ответил Струан. — Но он не сумел защитить своего человека. И он боится. Чего именно, я не знаю. Но люди, в душе которых поселился страх, опасны, и нам такие не нужны.

— Но ведь Маккей не пострадал.

— Первый закон для капитана, который служит у меня, — это оберегать свой корабль. Второй — свою команду. Тогда они, в свою очередь, будут оберегать его. Человек может командовать кораблем в одиночку, но он не может в одиночку ходить на нем в море.

— Перри не совершил никакого проступка.

— Он позволил военным взять Маккея под стражу вопреки закону, клянусь Богом! — резко ответил Струан. — Капитан должен уметь больше, чем просто прокладывать курс и управлять парусами, черт побери. Исаак должен был поставить на место этого молодого щенка. Он испугался и подвел одного из своих людей в тот момент, когда это было особенно важно. В следующий раз он может не спасти свой корабль. Я не стану так рисковать.

— Но он служил у тебя много лет. Неужели это ничего не значит?

— Почему, значит. Это значит, что нам везло все эти годы. Теперь я ему больше не доверяю. Поэтому ноги его здесь не будет, и довольно об этом! — Струан открыл дверь каюты.

Робб сидел за письменным столом и застывшим взглядом смотрел в кормовое окно. По полу были разбросаны коробки, сундучки, детская одежда, игрушки. Сара, жена Робба, дремала, прикорнув в кресле. Это была маленькая женщина на последних месяцах беременности, во сне ее лицо избороздили морщины, и оно выглядело усталым. Заметив

Струана и Кулума, Робб безуспешно попытался выдавить из себя улыбку:

— Привет, Дирк, Кулум.

— Привет, Робб. — За эти два дня он постарел на десять лет, подумал Струан.

Сара, вздрогнув, проснулась.

— Привет, Дирк. — Она тяжело поднялась и подошла к двери. — Здравствуй, Кулум.

— Как поживаете, тетя Сара?

— Устала, мой милый. Очень устала. И я терпеть не могу жить на корабле. Не хочешь ли чая?

— Нет, спасибо.

Робб с тревогой следил за Струаном:

— Что я могу сказать?

— Ничего, Робби. Они умерли, мы живы, и говорить больше не о чем.

— Так ли, Дирк? — Взгляд голубых глаз Сары стал жестким. Она пригладила свои золотисто-каштановые волосы, расправила длинное зеленое платье с турнюр. — Так ли?

— Так. Извини нас, Сара, но я должен поговорить с Роббом.

— Да, конечно. — Она взглянула на мужа, презирая его за слабость. — Мы уезжаем, Дирк. Мы покидаем Восток навсегда. Я приняла решение. Я отдала «Струану и компании» семь лет жизни и одного ребенка. Теперь пришло время уезжать.

— Я считаю, что ты поступаешь разумно, Сара. Сейчас Восток не место для семьи. Через год, когда будет построен Гонконг, — другое дело. Вот тогда здесь станет очень хорошо.

— Для кого-то, может быть, но не для нас. Не для моего Родди, и не для Карен, Наоми или Джейми. Не для меня. Мы никогда не будем жить на Гонконге. — Она вышла.

— Ты купил опиум, Робб?

— Купил немного. Потратил всю нашу наличность и занял что-то около ста тысяч — точно не помню. Цены не слишком упали, поэтому я потерял к ним всякий интерес.

Значит, мы завязли еще глубже, подумал Струан.

— Почему наша семья? Это ужасно, ужасно, — мучаясь, говорил между тем Робб. — Почему вся наша семья?

— Йосс.

— К чертям йосс! — Робб уставился на дверь каюты. — Брок хочет видеть тебя как можно скорее.

— Зачем?

— Он не сказал.

Струан сел, на минуту приспустил сапог и подумал о Броке. Затем объявил:

— Я сделал Кулума партнером.

— Хорошо, — ответил Робб, но голос его прозвучал равнодушно. Он по-прежнему не мигая смотрел на дверь, за которой скрылась Сара.

— Отец, — вставил Кулум, — я хочу поговорить с тобой об этом.

— Позже, мальчик мой. Робб, есть еще одна новость. У нас крупные неприятности.

— Я должен сказать тебе одну вещь, прямо сейчас. — Робб оторвал взгляд от двери. — Дирк, я покидаю Восток вместе с Сарой и детьми. На следующем корабле.

— Что?

— Я никогда не буду тайпаном, я просто не хочу им быть.

— Ты уезжаешь, потому что я сделал Кулума партнером?

— Ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что это не так. Конечно, ты мог бы сначала обсудить это со мной, да, но дело не в этом. Я сам хочу уехать.

— Почему?

— Все эти смерти дома заставили меня задуматься. Сара права. Жизнь слишком коротка, чтобы изойти потом и умереть здесь, вдали от дома. Я хочу покоя, немного покоя. Денег у нас больше чем достаточно. Ты можешь выкупить мою долю. Я хочу уехать со следующим кораблем.

— Почему?

— Я устал. Устал!

— Ты просто слабак, Робб. Сара опять на тебя наслала, да?

— Да, я слабак, и да, она опять на меня наслала. Но я принял решение. Слишком много смертей. Слишком много.

— Я не могу выкупить твою долю. Мы разорены. — Струан протянул брату письмо банкира.

Робб прочел, и его лицо постарело еще больше.

— Будь они прокляты во веки вечные!

— Согласен. Но тем не менее мы банкроты. — Струан поддернул сапог и встал. — Извини, Кулум, твое партнерство ничего не стоит. На наш лондонский банк повели организованное наступление, и он уничтожен.

Казалось, воздух в каюте сгустился.

— У нас есть сто тысяч фунтов в Шотландии, — сказал Робб. — Выдели мне половину, а сам забирай остальное.

— Спасибо, Робб. Это было сказано по-мужски.

Робб стукнул кулаком по столу:

— Не моя вина, что банк приостановил платежи!

— Верно. Поэтому не требуй себе половину наших денег сейчас, когда нам понадобится каждое пенни!

— Тебе понадобится, а не мне. Ты найдешь выход, всегда находил.

— Пятидесяти тысяч фунтов Саре не хватит и на пять лет.

— Предоставь мне самому беспокоиться на этот счет! Эти деньги не проведены через конторские книги, поэтому они наши, тут все честно. Я возьму половину. Моя доля в деле стоит в двадцать раз больше!

— Мы банкроты! Ты что, не в состоянии понять этого своей башкой? *Банкроты!*

Дверь открылась, и в каюту вошла маленькая девочка с золотистыми волосами. В руках она держала соломенную куклу. Ее лицо выражало озабоченность.

— Здравствуй, папа. Здравствуйте, дядя Дилк. — Она подняла голову и внимательно посмотрела на Струана. — Я улодина?

Струан с усилием оторвал взгляд от Робба:

— Что, Карен, девочка моя?

— Я улодина?

— Нет. Нет! Конечно же нет, Карен. — Струан поднял ее на руки. — Кто говорил тебе такие ужасные вещи, крошка?

— Мы иглали в школу на «Отдыхающем облаке». Это была Лиллибет.

— Лиллибет Брок?

— Нет-нет-нет. Она моя лучшая подлужка. Это была Лиллибет Какая-то Длугая.

— Так вот запомни, никакая ты не уродина. И скажи этой Лиллибет Какой-то Другой, что ужасно некрасиво говорить людям такие вещи. Ты у нас очень хорошенькая.

— Ой, как здолово! — На лице Карен расцвела огромная улыбка. — Папочка всегда говорит, что я класивая, но я хотела сплосить у вас, потому что вы знаете. Вы знаете все на свете. — Она обняла его своими ручонками и изо всех сил прижалась к нему. — Спасибо, дядя Дилк. А тепель поставьте меня на пол. — Она пританцовывая подбежала к двери. — Я так лада, что я не улодина.

Робб осел в своем кресле. После долгого молчания он произнес:

— Черт бы побрал этих банкиров! Прости меня. Это моя вина — и мне очень жаль. Я был... Прости.

— Мне тоже жаль, дружище.

Робб безуспешно пытался сосредоточиться.

— Что мы можем предпринять?

— Не знаю. Послушай, Робб, не делай этого, а? Дай мне пару месяцев. Мы отправим Сару и детей с первым же кораблем. Чем скорее, тем лучше — они уедут до сезона тайфунов.

— Может быть, мне как-нибудь удастся устроить заем. Нам предстоят платежи по векселям на предъявителя. Мы потеряем корабли — все. — Робб заставил себя не думать о Саре. — Но как успеть, у нас так мало времени? — Он нервно сплел пальцы. — Почта прибыла вчера. Ничего важного для нас. Никаких новостей из дома. Вполне вероятно, что кое-кто уже знает о крахе нашего банка. Мы купили небольшой пакет акций банка Брока, чтобы иметь возможность присматривать за ним. Так что он, скорее всего, тоже осведомлен, как обстоят дела у нас. Не потому ли он хочет с тобой увидеться?

— Возможно. В любом случае стоит ему что-либо пронюхать, как он тут же сядет нам на шею. Если вообще не он сам все это и начал. Он скупит наши векселя и уничтожит нас.

— Почему? — спросил Кулум.

— Потому что и я уничтожу его, если мне представится возможность хотя бы вполовину такая удачная, как эта.

Кулум хотел спросить почему, хотел сказать, что он тоже возвращается домой со следующим кораблем. Но отец выглядел таким измученным, а Робб был так угрюм... Он скажет им обо всем завтра.

— Мне необходимо поспать несколько часов, — произнес Струан. — Я отправляюсь на берег. Вы с Сарой возвращайтесь на «Отдыхающее облако», хорошо? Я приказал Перри убраться с корабля до захода солнца. Он списан на берег.

— Кто займет его место?

— Не знаю, — ответил Струан, выходя из каюты. — Передай Броку, что я встречу с ним на острове на закате.

Глава 3

Струан спал мало. Еда на столе осталась нетронутой. Он неподвижно смотрел через вход в палатку на корабли, стоящие на якоре в гавани. Солнце умирало, и низко над горизонтом вставал размытый круг луны. Небо загромождали огромные кучевые облака. Ветер нес с собой обещание шторма.

Тисэнь, беспрестанно твердил ему мозг. Тисэнь. Он единственный, кто может спасти

тебя. Да, но это предательство по отношению ко всему, во что ты веришь и для чего столько лет трудился.

Вошел Маккей с зажженным фонарем и поставил его на стол. Палатка была просторной и удобной; на каменистую землю были брошены ковры.

— Баркас Брока подходит к берегу, сэр.

— Соберите всех людей, Маккей, и отойдите с ними подальше, чтобы ничего не слышать.

— Есть, сэр.

— Что-нибудь известно о Рамсее? Его поймали?

— Нет, сэр.

— Где он?

— Я не знаю, сэр.

Струан рассеянно кивнул:

— Завтра задействуйте всех наших шпионов, пусть они найдут, где он прячется.

— Прошу прощения, сэр, я уже оповестил их, сэр. — Маккей старался скрыть тревогу. — Если он окажется на борту, то это кем-то подстроено. — Помолчав, он добавил нерешительно: — Как-то нехорошо получилось с капитаном Перри, сэр.

Глаза Дирка Струана сразу же превратились в льдинки.

— Я даю вам пятнадцать дней, чтобы доказать, что я был прав насчет Исаака. Пятнадцать дней, или вы отправляетесь на берег за ним следом.

— Есть, сэр-р! — Маккей почувствовал, как холодная колючка, чиркая по внутренностям, устремилась из мошонки в низ живота и стала забираться выше. Он мысленно проклял себя за то, что открыл рот. Неужели ты так никогда и не поумнеешь, старый болван?

На пляже послышались тяжелые шаги Брока. Одноглазый великан остановился у входа в палатку:

— Разрешите ступить на борт, Дирк?

— Да, Тайлер.

Маккей вышел. Брок уселся за стол, и Струан щедро налил ему бренди.

— Тяжело терять семью. Я знаю, что это такое. Я потерял двух жен при родах, ребятишек тоже. Скверно.

— Да.

— Хоромы у тебя небогатые, — заметил Брок, окидывая взглядом палатку.

— Ты голоден? — Струан показал рукой на стол.

— Вот спасибо. — Брок взял цыпленка, разорвал его пополам и откусил большой кусок белого мяса. На мизинце его сверкнуло золотое кольцо с крупным изумрудом. — Похоже, йосс Благородного Дома сошел на нет.

— «Йосс» — большое слово.

Брок рассмеялся:

— Ладно тебе, Дирк. Компания должна иметь звонкую монету, чтобы поддержать свой кредит. Даже такая, как Благородный Дом.

— Это верно.

— Я не пожалел времени, Дирк, времени и денег, чтобы быть в курсе всех ваших дел. — Брок отодрал зубами оставшуюся часть куриной грудки и начал ее жадно жевать. — У тебя хороший повар. Скажи ему, что у меня найдется для него место.

— Ему нравится то, которое он занимает сейчас.

— Нет денег — нет места, мой мальчик. Нет банка, нет кредита, нет кораблей — ничего нет! — Брок разодрал другого цыпленка. — Ты не держишь у себя шампанского? Сегодня случай особый, готов поручиться!

Струан быстро и аккуратно откупорил бутылку и наполнил чистые хрустальные фужеры для Брока и для себя.

— Холодное как раз в меру, парень. Как раз в меру. — Брок почмокал губами. — Двадцать пять тысяч за миллион — как будто не много, а? — (Струан промолчал. Его лицо оставалось спокойным.) — Шесть пенсов за фунт, они сказали. Я получил письмо со вчерашней почтой. Представляешь, сам потерял на этом деле десять тысяч фунтов. Скверно. Очень скверно, когда банк рискует деньгами своих клиентов. — Брок весело хмыкнул. — Я тут «случайно» наткнулся на этого стервеца Скиннера. Он тоже решил, что это скверно. Сейчас статью пишет — готов поспорить, на первую страницу и с огромным заголовком. А как же иначе? — Брок отрезал себе кусок яблочного пирога и принялся уничтожать его с видимым удовольствием. — Ах да, кстати, у меня тут скопилось на восемьсот тысяч векселей торгового дома «Струан и компания» на предъявителя. Я скупал их последние полгода как раз в ожидании такого момента. Вернее, их скупали мой сын Морган и наши лондонские агенты.

— Удачное капиталовложение, Тайлер. Весьма удачное.

— Ага. Вот и Скиннер сказал мне то же самое, Дирк, мой мальчик. Он сильно поразился твоему плохому йоссу, но я пообещал ему сохранить названия всех твоих кораблей. Плохой йосс — менять названия. Но под моим флагом они станут ходить быстрее.

— Тебе нужно сначала получить их.

— Через тридцать дней они будут у меня, парень. Как раз через тридцать дней наступит срок выплаты по векселям. Это, кстати, тоже давно всем известно. Так что на Востоке кредита для тебя нет. С тобой покончено, приятель.

— Может быть, я сначала пушу ко дну все свои корабли, прежде чем позволю тебе владеть ими.

— Только не ты, Дирк. Я тебя хорошо знаю. Другой, возможно, так бы и поступил, но не ты. В этом мы с тобой похожи. Корабли — это дело особенное. Дороже сердцу, чем любая красotka. — Он допил шампанское. Струан наполнил его фужер снова. Брок рыгнул. — Прощу прощения. — Он опять пригубил. — Не шампанское, а прямо рыгательная смесь какая-то.

— Это ты начал давить на банк?

— Нет. Если бы я мог до такого додуматься, уже давно бы сделал. Идея прямо гениальная. Очень уж мне нравится видеть, как тебя заарканили за одно место.

— Если это было устроено специально, я узнаю.

— Специально, парень, специально. Можешь мне поверить.

— Кто это был?

— Морган, — ответил Брок. — Я решил поручить это ему — малыш подрастает. Н-да. Мой мальчик это и провернул, и я горжусь им смертельно. — Он довольно почесался: вши давно стали среди торговцев нормальным явлением. — Так что ты разорен, Дирк. После стольких лет. Конеч.

— За тридцать дней много чего может произойти.

— Верно. Я слышал, твой сын отвечает за распродажу земельных участков?

— Да. Но там все будет честно. Кто даст больше, тот и получит землю. Мы не шельмуем, Тайлер. Шельмуют другие. Нам это ни к чему.

— Черт тебя побери! — взревел Брок. — Ты заявляешь, что я шельмую?

— Ты шельмуешь все время, — ответил Струан, дав волю своему гневу. — Ты шельмуешь со своими людьми, шельмуешь со своими кораблями, и когда-нибудь это погубит тебя. Нельзя вечно строить свой успех на ударах плети.

— Клянусь Богом, я делаю только то, что делают все! Если у тебя такие новомодные слезливые взгляды, это вовсе не значит, что все остальные не правы. Плеть держит отребье в узде. Отребье!

— Ты живешь плетью, от плети и умрешь.

— Ты хочешь решить наш спор сейчас? Плеть против плети? Нож против ножа? Тогда выходи, клянусь Богом! Или ты все такой же трус?

— Я уже говорил тебе однажды и скажу еще раз, последний. Когда-нибудь я приду за тобой с плетью. Может быть, сегодня, может быть, завтра, может быть, через день. Но, клянусь Создателем, когда-нибудь я приду за тобой! И запомни вот еще что. Если ты случайно умрешь до того, как я буду готов, я приду за Гортом и Морганом и пушу ко дну твое дело.

Брок выхватил нож:

— А может, парень, я перережу тебе глотку прямо сейчас.

Струан спокойно наполнил фужеры. Бутылка опустела.

— Открой другую. Там их еще много.

Брок рассмеялся:

— Ах, Дирк, мой мальчик, ты редкий человек. Ты разорен, а все чего-то хорохоришься, изображаешь из себя. Тебе конец, ты слышишь, парень? Твой Благородный Дом полетел вверх тормашками. И ты трус!

— Я не трус, Тайлер. Ты это знаешь.

— Ты помнишь тот холмик, где собирался поставить свой Большой Дом? — спросил Брок, и глаза его заискрились.

— Да.

— Он мой, парень. Я куплю его. Сколько бы ты ни предложил, я дам больше.

Кровь бросилась Струану в голову. Он знал, что у него теперь нет денег, чтобы тягаться с Броком. И не будет, если он не заключит сделку с Тисэнем. Если не предаст Гонконг.

— Будь ты проклят!

— Он будет моим, парень. Как и вся эта вонючая скала. — Брок осушил свой фужер и снова рыгнул. — После того как твоя компания пойдет с молотка, я выживу тебя с этих морей, так чтобы даже духу твоего здесь не осталось. — Он достал кошелек, отсчитал двадцать золотых гиней и швырнул их на пол палатки. — Вот, закажи себе гроб.

Брок важно поднял голову и вышел.

— Прошу прощения, сэр. — В палатке появился Маккей.

Дирк Струан слегка вздрогнул и вышел из оцепенения:

— Да?

— Мистер Кулум на берегу. Он хочет с вами поговорить.

Струан с изумлением увидел, что водянистая луна стоит высоко и на берегу уже глубокая ночь.

— Проводите его сюда.

— Приходили еще люди, сэр. Этот китаец, Гордон Чэнь. Мисс Синклер. Какая-то супружеская пара, я их не знаю. Старый Квэнс. Я сказал им всем, что вы примете их завтра. Надеюсь, я поступил правильно, не позволив мистеру Кулуму зайти без предупреждения. — Маккей заметил на полу золотые монеты, но не произнес по их поводу ни слова.

— Пока подчиняетесь приказам, вы всегда будете поступать правильно, Маккей.

Кулум подошел ко входу в палатку:

— Я не потревожил тебя, отец?

— Нет, мой мальчик. Присаживайся.

Кулум увидел монеты на ковре, нагнулся и начал собирать их.

— Оставь их, где лежат.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы они там остались.

Кулум сел:

— Я хотел поговорить с тобой, отец.

— У меня сейчас нет настроения разговаривать, дружок.

— Ты серьезно решил сделать меня партнером?

— Да.

— Я не хочу быть партнером. Я не хочу жить на Востоке. Я хочу вернуться домой.

— Я разбираюсь в таких вещах лучше тебя, Кулум. Повремени немного.

— Время ничего не изменит.

— Ты молод, мой мальчик. Времени у тебя достаточно. Будь терпелив со мной. И с Китаем. Робб объяснил тебе, как приступать к организации торгов?

— Да. — Черт бы побрал дядю Робба! — подумал Кулум. Если бы только он не вспылил так перед отцом и не объявил, что собирается уехать. Черт, черт, черт! Проклятый банк, чтоб ему провалиться! Все разрушил. Бедный отец. — Думаю, я смогу с этим справиться.

— У тебя не возникнет никаких проблем, если все будет вестись честно: тот, кто дает больше, получает землю.

— Да, разумеется. — Кулум опять покосился на гиней под ногами. — Почему ты хочешь, чтобы эти монеты там лежали?

— Это деньги на мой гроб.

— Я не понимаю.

Струан рассказал ему о своем разговоре с Тайлером Броком.

— Тебе лучше заранее знать, что это за человек, Кулум. Будь осторожен, потому что он станет преследовать тебя так же, как я стану преследовать Горта.

— Сыновья неповинны в грехах своих отцов.

— Горт Брок — копия своего отца.

— Но разве Христос не учил нас прощать?

— Учил, парень. Но их я простить не могу. Они олицетворяют все, что есть гнусного на земле. Они тираны, которые верят, что плеть способна ответить на любые вопросы. В мире есть одно незыблемое правило: деньги — это власть, будь ты королем, лордом, вождем, купцом или землепашцем. Не имея власти, ты никогда не сможешь защитить то, что есть у тебя, и не облегчишь жизнь другим.

— Значит, ты говоришь, что учение Христа неверно?

— Вовсе нет, парень. Я хочу сказать, что бывают люди святые. Они могут прожить

счастливую жизнь в смирении и кротости, не желая ничего, кроме того, что ниспослано им судьбой. Есть люди, которые с рождения довольствуются тем, что они всегда вторые, а не первые. Я так не могу. И Брок тоже. А ты?

— Я не знаю.

— Когда-нибудь придет и твой день испытания. Тогда ты узнаешь себя.

— По твоим словам получается, что деньги — это все?

— Я говорю, что в наше время, не имея власти, ты не сможешь стать святым, творить добро. Власть ради власти — грех. Деньги ради денег — тоже грех. Запомни это навсегда.

— Неужели так важно иметь деньги и иметь власть?

— Нет, мой милый, — ответил Струан с ироничной усмешкой. — Значение имеет лишь недостаток денег.

— Зачем тебе нужна власть?

— А зачем она нужна тебе, Кулум?

— Может быть, мне она и не нужна.

— Да. Может быть, и так. Хочешь поток чего-нибудь, мой мальчик?

— Я выпью немного шампанского.

— Ты ел?

— Да, спасибо. Ты прав, я еще не очень-то много знаю о себе, — добавил Кулум.

— Что ж, время у тебя есть. Я так рад, что ты здесь, Кулум. Очень рад.

Кулум бросил взгляд на золотые монеты:

— Но в общем-то, все это пустые разговоры, не правда ли? Я имею в виду партнерство и прочее. Компании конец. Что ты намерен теперь делать?

— Ну, пока мы еще не банкроты. У нас есть двадцать девять дней. Если йосс будет против нас, этот вариант Благородного Дома умрет. Тогда мы начнем все сначала. — Не обманывай себя, подумал он, ты никогда не сможешь начать сначала.

— Битва без конца?

— А чем еще, по-твоему, должна быть жизнь, парень?

— Могу я подать в отставку как партнер, если мне это не понравится или я сочту, что не подхожу или не достоин этой должности? По своему желанию?

— Да. Но только не в том случае, если ты когда-либо станешь тайпаном. Тайпан не может уходить, пока не будет уверен, что его дело остается в надежных руках. Он *должен* быть в этом уверен. Это его последняя обязанность.

— Если нам столько должны китайские купцы, почему не попробовать собрать с них эти деньги? Тогда у нас будет чем расплатиться с Броком.

— У них нет денег. — К дьяволу все, сказал себе Струан, ты в ловушке. Решайся. Выхода нет: либо Тисэнь, либо...

— А что, если поговорить с его превосходительством? Не мог бы он выдать нам аванс? В счет выкупных денег?

— Эти деньги принадлежат Короне. Может быть, парламент примет его представление, может быть, отвергнет. Серебро не перейдет из рук в руки еще почти целый год.

— Но мы его все-таки получим. Брок, конечно же, примет твои гарантии?

Голос Струана стал хриплым.

— Я уже рассказал тебе о степени великодушия Брока. Я бы не дал ему двадцати гиней, окажись он на моем месте. Черт бы побрал его и его проклятых выроdkов.

Кулум шевельнулся в кресле, его башмак случайно сдвинул одну из золотых монет. Она

ярко сверкнула.

— Его превосходительство не слишком... Ну, он, по-моему, несколько простоват, нет?

— Он просто чужой человек в Азии, вот и все. Эта должность ему не подходит. Я бы, к примеру, точно так же растерялся при монарших дворах Европы. Но он полномочный посланник. И это единственное, что имеет значение. Да, он простоват, но и с ним тебе нужно быть осторожным. Ты должен быть осторожен со всеми.

— Он всегда делает то, что ты ему подсказываешь?

Прежде чем ответить, Струан выглянул из палатки в темноту ночи:

— Он следует моим советам в большинстве случаев. При условии, что я оказываюсь последним, с кем он советуется.

Кулум двинул носком башмака другую золотую монету:

— Должно же быть что-то... кто-то, к кому можно обратиться. У тебя не может не быть друзей.

Мысли Струана неумолимо возвращались к единственному человеку, который мог бы разжечь для него капкан: Тисэнь. Брок заберет все наши корабли при первой же возможности и без всяких церемоний, думал он, исходя бессильным гневом. Без кораблей тебе конец, парень. Конец всему: компании, Гонконгу, твоему плану. Ты можешь начать сначала, это верно, но не заблуждайся: тебе уже никогда не построить такого флота и не набрать столько людей. И ты уже никогда не сможешь обогнать Брока. Никогда. Ты станешь вторым. И останешься вторым до конца дней.

Струан почувствовал, как кровь застучала в его висках, вены на шее вздулись. В горле пересохло. Я не буду вторым. Клянусь Создателем, всеблагим и всеильным, я не могу! Не могу. Не могу. Ни после Брока, ни после кого-то еще.

— Завтра, когда вернется «Китайское облако», я отправлюсь в Кантон. Ты поедешь со мной.

— А как же быть с распродажей? Я должен этим заниматься?

— К дьяволу распродажу! Нам нужно сначала спасти компанию. Возвращайся на «Отдыхающее облако», мой мальчик. Мы отправимся сразу, как только будет возможно.

— Хорошо. — Кулум встал.

— Спокойной ночи, сынок.

Кулум опустил глаза. Монеты, завораживая, притягивали к себе его взгляд. Он нагнулся и начал собирать их.

— Я же сказал тебе оставить их в покое!

— Я не могу. — Капельки пота выступили на лбу Кулума. Ему казалось, что монеты обжигают ему пальцы. — Я... Они должны быть моими.

— Ради Бога, зачем?

— Не знаю. Я... я просто чувствую, что они нужны мне. — Он положил гиней в карман. — Теперь они мои. Спокойной ночи, отец.

Глава 4

Струан в одиночестве обедал в просторной столовой их внушительной фактории в кантонском поселении. Это большое трехэтажное здание было построено Ост-Индской компанией сорок лет назад. Струан всегда мечтал о нем как о единственном, достойном

Благородного Дома. Восемь лет назад он купил его.

Столовая располагалась на втором этаже. Из ее окон открывался вид на Жемчужную реку. Этажом ниже протянулся лабиринт контор, складов, оптовых магазинов. Третий этаж занимали жилые комнаты и среди них — личные апартаменты тайпана, тщательно отгороженные от остальных. Здесь имелись свои внутренние дворики, галереи, отдельные комнаты и общие спальни. В доме жили и работали от сорока до пятидесяти португальских клерков, кроме них, еще десять-пятнадцать европейцев и сотня китайских слуг-мужчин. Закон запрещал нанимать прислужниц-китайнок.

Струан отодвинул резное кресло от стола и раздраженно закурил сигару. Огонь в огромном камине согревал мраморные плиты, которыми были выложены пол и стены. За столом могли одновременно обедать до сорока человек. Столовое серебро в георгианском стиле отличалось тонкостью работы. Висячая люстра — хрустальная и со множеством свечей — заливала комнату ярким светом. Струан подошел к окну и посмотрел вниз на гуляющих по парку торговцев.

Позади парка на всю длину поселения протянулась большая площадь, выходившая к причалам на берегу реки. Площадь, по обыкновению кишела китайскими уличными торговцами, зеваками, продавцами и покупателями, предсказателями судьбы, писцами, нищими и собаками. За пределами своих факторий только в этом, как его называли, Английском парке европейцы могли передвигаться относительно спокойно. Китайцам, за исключением слуг, запрещалось заходить сюда и в фактории. Всего в поселении было тринадцать зданий, вытянувшихся в один ряд, который в двух местах прерывали узкие улочки — Хог-стрит и Олд-Чайна-лейн. Дома стояли на невысокой насыпи с колоннадой по фасаду. Только Струан и Брок владели отдельными домами. Другие торговцы делили между собой остальные, занимая столько места, сколько им было нужно, и выплачивая арендную плату Ост-Индской компании, построившей поселение сто лет назад.

С севера границей поселения служила улица Тринадцати Факторий. Стены Кантона находились отсюда в четверти мили. Все пространство между поселением и городскими стенами занимал сплошной муравейник домов, домиков и лачуг. Река казалась буквально запруженной плавучими деревьями танка^[9]. И надо всем этим ни на минуту не смолкал пульсирующий монотонный гул голосов, напоминающий гудение невероятных размеров улья.

В парке Струан заметил Брока, увлеченно беседующего с Купером и Тиллманом. Интересно, о чем они говорят? Наверное, американцы объясняют Броку все тонкости чайно-опиумной торговли с испанцами. Что ж, удачи им, подумал он без всякой досады. В любви и в торговле все средства хороши.

— Где же, дьявол его заberi, этот чертов Жэнь-гуа, чтобы мне провалиться?! — произнес он вслух.

Уже двадцать дней Струан пытался добиться встречи с Жэнь-гуа, и каждый раз посланный им слуга возвращался с одним и тем же ответом: «Его назад нет все лавно. Твоя здать мозна. Завтла его назад Кантон есть, холосо, беспокойся нет».

Кулум пробыл с ним в поселении Кантона десять дней. На одиннадцатый доставили срочную записку от Лонгстаффа: возникли сложности с распродажей земельных участков.

Вместе с этой запиской пришло письмо от Робба. Робб писал, что статья Скиннера о банкротстве Струана повергла торговцев в ужас и большинство из них тут же отослали депеши домой, распределяя капиталы по нескольким банкам, что все с нетерпением

ожидают тридцатого дня, что кредит получить невозможно, а все предложения, с которыми он обращался к противникам Брока, не дали результата; что весь военный флот был взбешен, когда Лонгстафф официально объявил об отмене своего приказа, запрещавшего контрабанду опиума, и адмирал немедленно отослал домой фрегат с просьбой к правительству разрешить ему действовать самостоятельно; что Чэнь Шэна, их компрадора, осаждают кредиторы, требуя уплаты всех мелких долгов, которые в другое время могли бы подождать.

Струан понимал, что проиграет сражение, если не увидится с Жэнь-гуа в течение ближайших восьми дней. Вновь и вновь он спрашивал себя, действительно ли Жэнь-гуа нет в Кантоне, или он просто избегает его. Он, конечно, старый вор, размышлял Струан, но он никогда не стал бы прятаться от тебя. Да даже если ты и встретишься с ним, приятель, действительно ли ты готов сделать этому дьяволу Тисэню свое предложение?

За стеной сердито заспорили чьи-то голоса, и дверь распахнулась, пропустив в столовую молодую, перемазанную грязью женщину-танка в вонючей одежде и слугу, который пытался вытащить ее обратно. Женщина была в огромной конической шляпе, грязных черных штанах и рубашке, поверх которой была надета грязная стеганая куртка.

— Остановить мозна нет этот колова чилло, масса, — сказал слуга на пиджин-инглиш, цепляясь за вырывающуюся девушку.

Только на пиджин торговцы могли переговариваться со своими слугами, а те — с ними. «Корова» означало «женщина», «чилло» — «ребенок». «Корова чилло» означало «молодая женщина».

— Корова чилло вон! Очень быстро раз-раз, ясно?

— Твоя хочит колова чилло, хейя? Колова чилло оч-чень холосо постель джиг-джиг. Два долла' ладна! — выкрикнула девушка.

Слуга схватил ее в охапку, шляпа свалилась на пол, и Струан в первый раз отчетливо увидел ее лицо. Он едва смог узнать ее, так она была заляпана грязью, а узнав, рухнул в кресло, задыхаясь от хохота. Слуга, разинув рот и отпустив девушку, смотрел на него во все глаза, как на сумасшедшего.

— Этот корова чилло, — со смехом проговорил Струан, — остаться можно, ладно.

Девушка с гневным видом привела в порядок свою засаленную, кишащую вшами одежду и скороговоркой выпустила вслед удаляющемуся слуге новую порцию оскорблений.

— Колова чилло оч-чень холосо есть твоя видеть, тайпан.

— И мне тебя тоже, Мэй-мэй! — Струан изумленно смотрел на нее сверху вниз. — Какого черта ты здесь делаешь и что, черт побери, означает вся эта мерзость, которую я вижу на тебе?

— Колова чилло думать твоя делай джиг-джиг с новый колова чилло, хейя?

— Кровь Христова, сейчас здесь уже никого нет, девочка! Прекрати говорить на пиджин! Я потратил достаточно времени и денег, чтобы ты могла говорить по-английски не хуже королевы! — Струан поднял ее на вытянутых руках. — Боже милостивый, Мэй-мэй, от тебя разит прямо до небес.

— От тебя бы тоже разило, если ты наденешь эти вонии одежды.

— «Если бы ты надел эту вонючую одежду», — механически поправил ее Струан. — Что ты здесь делаешь и к чему все эти «вонии одежды»?

— Отпусти меня, тайпан. — Он поставил ее на пол, и она печально поклонилась ему. — Я прибыла сюда тайно и в большой скорби, потому что ты потерял свою Главную госпожу и всех детей от нее, кроме одного сына. — Слезы покатались по ее перемазанному грязью

лицу, оставляя светлые бороздки. — Жалко, жалко.

— Спасибо тебе, девочка. Но это уже в прошлом, и никакая печаль не способна вернуть их назад. — Он погладил ее по голове и провел рукой по щеке, тронутый ее состраданием.

— Я не знаю вашего обычая. Как долго мне следует носить траур?

— Никакого траура, Мэй-мэй. Их больше нет. Не нужно ни плача, ни траура.

— Я возмутила благовония за их благополучное перерождение.

— Спасибо. Ну а теперь, что ты здесь делаешь и почему уехала из Макао? Я же сказал, чтобы ты оставалась там.

— Сначала мыться, потом переодеться, потом разговаривать.

— У нас здесь нет для тебя женской одежды, Мэй-мэй.

— Моя ни на что не годная ама А Гип ждет внизу. У нее с собой моя одежда и вещи, не беспокойся. Где ванна?

Струан дернул шнур звонка, и в ту же секунду на пороге появился слуга с расширенными от удивления глазами.

— Корова чилло моя ванна, ясно? Ама войти можно. Принеси чоу! — Повернувшись к Мэй-мэй, он добавил: — Твоя говорить, какой чоу можно.

Мэй-мэй высокомерно протараторила ошеломленному слуге меню и вышла.

Ее необычная ковыляющая походка неизменно трогала Струана. Ступни Мэй-мэй были перебинтованы. Их длина не превышала трех дюймов. Когда Струан купил ее пять лет назад, он разрезал бинты и пришел в ужас от увечья, являвшегося, согласно древним китайским представлениям, основным признаком женской красоты — крошечных ступней. Только девушка с перебинтованными ногами — *ступнями лотоса* — могла стать женой или наложницей. Те, у кого ноги оставались нормальными, становились крестьянками, слугами, дешевыми проститутками, амами или работницами, и их презирали.

Ноги Мэй-мэй были искалечены. Боль, которую она испытывала без тесных сдавливающих бинтов, вызывала жалость. Поэтому Струан позволил их восстановить. Через месяц боль утихла, и Мэй-мэй снова смогла ходить. Только в преклонном возрасте перебинтованные ноги делались нечувствительными к боли.

Струан расспросил ее тогда, пригласив Гордона Чэня в качестве переводчика, как это происходило. Она с гордостью поведала ему, что мать начала бинтовать ей ступни, когда ей исполнилось шесть лет.

— Бинты представляли собой влажные ленты шириной два дюйма и длиной двенадцать футов. Мама плотно намотала их мне на ноги: вокруг пятки, через подъем и под стопой, подогнув четыре пальца и оставив большой свободным. Высохнув, бинты сжались, и боль была ужасной. Потом проходят месяцы, годы, и пятка приближается к большому пальцу, а подъем выгибается дугой. Раз в неделю бинты снимают на несколько минут, и ноги моют. Через несколько лет четыре подогнутых пальца сморщиваются, отмирают, и их удаляют. Когда мне почти исполнилось двенадцать, я уже могла ходить довольно хорошо, но мои ноги были еще недостаточно маленькими. Тогда моя мама спросила совета у женщины, сведущей в искусстве бинтования ног. В день моего двенадцатилетия эта мудрая женщина пришла к нам в дом с острым ножом и мазями. Она сделала ножом глубокий надрез поперек стопы, посередине. Этот надрез позволил еще больше прижать пятку к пальцам, когда бинты наложили снова.

— Какая жестокость! Спроси ее, как она могла вынести такую боль.

— Она говорит: «За каждую пару перебинтованных ног проливается озеро слез. Но что

есть слезы и боль? Теперь я, не краснея от стыда, могу позволить каждому померить мои ноги». Она хочет, чтобы вы измерили их, мистер Струан.

— Об этом не может быть и речи!

— Пожалуйста, сэр. Это даст ей возможность очень гордиться собой. Ее ноги идеальны в глазах китайца. Если вы этого не сделаете, она будет считать, что вы стыдитесь ее. Она потеряет лицо перед вами.

— Почему?

— Она думает, вы сняли бинты, потому что решили, что она вас обманывает.

— Почему она должна так думать?

— Потому что... видите ли, она никогда раньше не встречалась с европейцем. Пожалуйста, сэр. Только ваша гордость за нее способна оправдать все ее слезы.

Тогда Струан измерил ее ступни и выразил радость, которой не испытывал, и она трижды низко поклонилась ему.

Он терпеть не мог эти поклоны, когда мужчины и женщины, стоя на коленях, касались лбом пола. Но древняя традиция требовала именно такого выражения полного послушания от всех подчиненных при обращении к господину, и Струану приходилось мириться с этим. Если бы он начал протестовать, то опять испугал бы Мэй-мэй и она потеряла бы лицо перед Гордоном Чэнем.

— Спроси ее, болят ли у нее ноги сейчас.

— Они всегда будут болеть, сэр. Но уверяю вас, ей было бы гораздо больнее, если бы у нее были большие, отвратительные ноги.

После этого Мэй-мэй что-то сказала Чэню, и Струан уловил слово «вайгуй», которое означало «заморский дьявол».

— Она хочет знать, как доставлять удовольствие некитайцу, — перевел Гордон.

— Скажи ей, вайгуи от китайцев ничем не отличаются.

— Да, сэр.

— И еще скажи ей, что ты начнешь обучать ее английскому. Немедленно. Предупреди ее, что никто не должен знать о ваших занятиях. Никто не должен догадываться, что она говорит по-английски. Перед другими она будет говорить только по-китайски или на пиджин, которому ты ее также обучишь. И последнее, отныне ты отвечаешь за нее своей жизнью.

— Могу я теперь войти? — Мэй-мэй стояла на пороге, склонившись в изящном поклоне.

— Пожалуйста.

Совершенный овал лица, миндалевидной формы глаза под идеальными дугами бровей. Теперь Мэй-мэй вся благоухала, а длинный просторный голубой халат был сшит из тончайшей шелковой парчи. Волосы были убраны в два полумесяца на затылке и украшены нефритовыми заколками.

Для китаянки она была высокого роста. Кожа ее отличалась такой белизной, что казалась почти прозрачной. Мэй-мэй была родом из провинции Сучжоу.

Хотя Струан купил ее у Жэнь-гуа и много недель препирался со стариком из-за цены, он знал, что на самом деле Жэнь-гуа подарил ему Чжун Мэй-мэй в благодарность за многочисленные услуги, которые тайпан оказывал ему на протяжении долгих лет. Он понимал, что Жэнь-гуа без труда мог бы продать ее самому богатому человеку в Китае — какому-нибудь маньчжурскому князю или даже самому императору, — получив за нее столько нефрита, сколько она весила. Что уж тут говорить о пятнадцати тысячах таэлей, на

которых они в конце концов сошлись. Мэй-мэй была неповторима и не имела цены.

Струан поднял ее и нежно поцеловал:

— Ну а теперь рассказывай, что происходит. — Все так же держа ее на руках, он опустился в глубокое кресло.

— Во-первых, я приехала переодетая из-за опасности, которая грозит не только мне, но и тебе. За твою голову по-прежнему назначена награда. А похищение с целью получить выкуп — наша древнейшая традиция.

— С кем ты оставила детей?

— Со старшей сестрой, разумеется, — ответила она. Старшей сестрой, как то предписывал обычай, Мэй-мэй называла Кай-сун, бывшую любовницу тайпана. Кай-сун была теперь третьей женой китайского компрадора Благородного Дома. Тем не менее Мэй-мэй и Кай-сун относились друг к другу с большой теплотой, и Струан знал, что у Кай-сун дети будут в безопасности и она присмотрит за ними, как за своими собственными.

— Хорошо, — кивнул он. — Как они?

— У Дункана синяк под глазом. Он споткнулся и упал; я порола это черепашье дерьмо, его аму, пока у меня рука не отвалилась. У Дункана плохой характер из-за варварской крови.

— Твоей — не моей. А Кейт?

— У нее прорезался второй зубик. Это большой йосс. Раньше, чем наступил второй день рождения. — Она на мгновение прижалась к нему. — А потом я прочитала газету. Этот Скиннер. Опять плохой йосс, хейа? Этот сын собаки Брока старается разорить тебя с помощью больших денег, которые ты должен. Это правда?

— Отчасти правда. Да, если йосс не переменится к нам, мы банкроты. Так что больше не будет ни шелков, ни дорогих духов, ни нефрита, ни домов в подарок, — поддразнил он ее.

— Ай-й-йа! — воскликнула она, качнув головой. — Ты не единственный мужчина в Китае.

Он шлепнул Мэй-мэй пониже спины, и в то же мгновение рука с длинными ногтями метнулась к его лицу, но он перехватил ее за кисть.

— Никогда больше не говори так, — сказал он, награждая ее страстным поцелуем.

— Кровь Христова, — выдохнула она, отстраняясь от него. — Посмотри, что ты сделал с моими волосами. Эта ленивая потаскуха А Гип трудилась над ними целый час. Ну да ладно.

Она знала, что доставляла ему огромное удовольствие, и гордилась тем, что в свои двадцать лет умела читать и писать по-английски и по-китайски и говорила на английском и на трех наречиях китайского: кантонском, своей родной провинции Сучжоу и мандаринском — языке Пекина и императорского двора. Кроме того, она знала многое из того, что Гордон Чэнь почерпнул в школе, он оказался хорошим учителем, и они сильно привязались друг к другу. О, Мэй-мэй прекрасно понимала, что второй такой, как она, нет во всем Китае.

В дверь тихо постучали.

— Европейец? — прошептала она.

— Нет, девочка. Это всего лишь слуга. Им приказано сначала докладывать мне о любом человеке, который приходит в этот дом. Да?

Вслед за первым слугой вошли двое других. Все трое избегали смотреть на Струана и девушку, но их явно разбирало любопытство, и они дольше обычного накрывали на стол, расставляя блюда с китайской пищей и раскладывая палочки.

Мэй-мэй обрушила на них поток слов на кантонском наречии, после чего они нервно поклонились и заторопились к двери.

— Что ты им сказала, что они так испугались? — поинтересовался Струан.

— Я просто предупредила их, что, если они кому-нибудь расскажут обо мне, я своей рукой разрежу им языки напополам, отрежу уши, а потом уговорю тебя приковать их цепями к одному из твоих кораблей и утопить его в океане вместе с их чертовыми женами, детьми и родителями, а перед этим ты еще наведешь свой Дурной Глаз на это проклятое отребье и на их мерзкое потомство на веки вечные.

— Перестань ругаться, дьяволенок ты кровожадный! И не шути насчет Дурного Глаза.

— А это и не шутка. Он у тебя как раз такой. Ведь ты и есть дьявол в варварском обличье — для всех, кроме меня. Я-то знаю, как с тобой справиться.

— Черт побери, Мэй-мэй, прекрати это! — Он перехватил ее руки, собиравшиеся интимно погладить его. — Лучше поешь, пока все горячее, я с тобой потом потолкую. — Струан легко подхватил ее на руки и отнес к столу.

Она положила ему на тарелку креветок, обжаренных в масле, постной свинины, грибов, потушенных с соей, мускатного ореха, горчицы, меда, потом занялась своей тарелкой.

— Смерть Господня, я проголодалась, — сказала она.

— Может быть, ты все-таки прекратишь богохульствовать!

— Ты забыл добавить свое «клянусь Господом», тайпан! — Она лучезарно улыбнулась ему и с огромным наслаждением принялась за еду.

Он взял палочки и, ловко орудуя ими, тоже начал есть. Струан нашел обед превосходным. Понадобились месяцы, чтобы он развил в себе вкус к такой пище. Ни один из европейцев не признавал китайской кухни. Струан тоже одно время предпочитал плотные завтраки и обеды доброй старой Англии, но Мэй-мэй убедила его, что для здоровья полезней есть так, как китайцы.

— Ну а теперь расскажи, как ты добралась сюда, — попросил Струан.

Мэй-мэй выбрала крупную креветку из тех, что сначала обжарили, а потом потушили в соевом соусе с травяными приправами, изящным движением отломил ей голову и принялась чистить.

— Я заказала место на лорче. Я купила фантастически дешевый билет и вымазалась грязью для безопасности. Ты должен мне пятьдесят монет.

— Выплатишь их себе из своего содержания. Я не просил тебя приезжать сюда.

— Ай-й-йа! Этот колова чилло деньги достать легко мозна, беспокойся нет.

— Прекрати это и веди себя пристойно.

Она рассмеялась, предложила ему очищенную креветку и взялась за другую.

— Спасибо, мне довольно.

— Ешь их больше. Они для тебя очень полезны. Я уже говорила тебе много раз, что они приносят здоровье и дают много-много силы.

— Полно, девочка моя.

— Нет-нет, в самом деле, — настаивала она с полной серьезностью. — Креветки очень полезны для тех, кто хочет много любить. Очень важно хотеть много любить! Жена должна следить за своим мужем. — Она вытерла пальцы вышитой салфеткой и взяла палочками одну из креветочных голов.

— Черт возьми, Мэй-мэй, неужели нужно есть и головы тоже?

— Да, клянусь Господом! Ты разве не знаешь, что это самая вкусная часть? — проговорила она, передразнивая его, и расхохоталась так, что поперхнулась.

Он похлопал ее по спине, но очень нежно, а потом дал ей выпить несколько глотков чая.

— Впредь тебе наука, — сказал он.

— Головы все равно самая вкусная часть, даже так, можешь не беспокоиться.

— Даже так, выглядят они ужасно, можешь не беспокоиться.

Некоторое время они ели молча.

— С Броком действительно все так скверно?

— Скверно.

— Так ужасно просто разрешить эту скверность. Убей Брока. Теперь пора.

— Что ж, это один из выходов.

— Этот выход, тот выход — ты найдешь выход.

— Почему ты так уверена?

— Ты не захочешь потерять меня.

— Почему я должен тебя терять?

— Я тоже не хочу довольствоваться кем-то вторым. Я принадлежу *тайпану*. Я не какая-нибудь чертова хакка, или женщина-танка, или кантонская шлюха. Чай?

— Да.

— Пить чай после еды очень полезно для тебя. Тогда ты никогда не станешь толстым. — Она налила чай и грациозным движением поднесла ему чашку. — Ты мне нравишься, когда сердитый, тайпан. Но ты не пугаешь меня. Я знаю, что доставляю тебе слишком много радости, как и ты мне. Когда я стану второго сорта, другая займет мое место, и не о чем беспокоиться. Это йосс. Мой йосс. А также и твой.

— Откуда ты знаешь, может, ты уже отступила на второе место, Мэй-мэй?

— Нет, тайпан, еще нет. Позже — да, но пока — нет. — Она склонилась над ним и поцеловала его, а потом, когда он попытался удержать ее, легко скользнула в сторону.

— Ай-йа, я не должна была давать тебе столько креветок! — Она со смехом побежала, но он догнал ее, и она обвила руками его шею и поцеловала его. — Ты должен мне пятьдесят монет!

— Дьявол тебя заberi! — Он опять поцеловал ее, желая ее так же сильно, как она желала его.

— Твои поцелуи хороши на вкус. Сначала мы поиграем в триктрак.

— Нет.

— Сначала мы поиграем в триктрак, потом будет любовь. Времени много. Я теперь живу с тобой. Мы играем один доллар за очко.

— Нет.

— Один доллар за очко. Может быть, у меня болит голова или я слишком устала.

— Может быть, я не сделаю тебе новогоднего подарка, который собирался сделать.

— Какой подарок?

— Можешь не беспокоиться.

— Пожалуйста, тайпан. Я больше не буду тебя дразнить. Какой подарок?

— Можешь не беспокоиться.

— Ну пожалуйста, скажи мне. Пожалуйста. Это нефритовая заколка? Или золотой браслет? Или шелк?

— Как теперь твоя голова?

Она сердито шлепнула его, потом обняла за шею:

— Ты такой плохой со мной, а я такая хорошая с тобой. Ну что ж, пусть будет любовь.

— Мы сыграем четыре партии. По тысяче долларов за очко.

— Но это слишком огромная ставка! — Она прочла в его смеющихся глазах вызов, и ее глаза сверкнули в ответ. — Четыре партии. Я разобью тебя в пух и прах, клянусь Господом!

— О нет, клянусь Господом!

Они сыграли четыре партии, и она тараторила то проклятия, то благословения йоссу, плакала, смеялась, вскрикивала в зависимости от того, как складывалась игра. Она проиграла восемнадцать тысяч долларов.

— Смерть Господня, я разорена, тайпан. Разорена. О горе мне, горе, горе. Все мои сбережения и даже больше. Мой дом... Еще одну партию, — умоляла она. — Ты должен дать мне возможность вернуть проигранные деньги.

— Завтра. По тем же ставкам.

— Никогда в жизни я больше не буду играть по таким ставкам. Никогда, никогда, никогда! Только еще один раз завтра.

Мэй-мэй выскользнула из большой кровати с навесом на четырех высоких столбах и подошла к камину. Чугунный чайник тоненько посвистывал на низкой железной полке рядом с огнем.

Опустившись на колени, она вылила горячую воду из чайника на чистые белые полотенца. Отблески пламени танцевали на ее изумительном по красоте и чистоте линий теле. Ее ноги были обуты в крошечные спальные туфельки, аккуратные повязки плотно охватывали щиколотки. Ноги у нее были длинные и очень стройные. Движением руки она отбросила рассыпавшиеся иссиня-черные волосы за спину и вернулась к кровати.

Струан протянул руку за одним из полотенец.

— Нет, — остановила его Мэй-мэй. — Я сама. Это доставляет мне удовольствие, и это моя обязанность.

Вытерев его насухо, она вымылась сама и мирно устроилась рядом с ним под стеганым одеялом. Свежий ветер шевелил узорчатые занавеси на окнах и заставлял шипеть огонь в камине. По стенам и высокому потолку метались тени.

— Посмотри, вон там дракон, — сказала Мэй-мэй.

— Нет. Это корабль. Тебе тепло?

— Рядом с тобой — всегда. А вон пагода.

— Да. — Он обнял ее, наслаждаясь прохладной шелковистостью ее кожи.

— А Гип готовит нам чай.

— Хорошо. Чай очень кстати.

Чай освежил их, они вернулись в кровать, и он задул лампу. Они опять начали рассматривать тени.

— Твой обычай говорит, что у тебя может быть только одна жена, хейа?

— Да.

— Китайский обычай лучше. Тайтай — это более мудро.

— Что такое «тайтай», девочка моя?

— «Повелительница повелителей». Муж, конечно, главное лицо в семье, но в доме первая жена всегда самая главная. Таков закон китайцев. Много жен — тоже закон, но тайтай всегда только одна. — Она поправила свои длинные волосы, чтобы они ей не мешали. — Ты скоро женишься снова? Что говорит ваш обычай?

— Не думаю, что я теперь вообще когда-нибудь женюсь.

— Ты обязательно должен жениться. На шотландке или на англичанке. Но сначала ты

должен жениться на мне.

— Да, — ответил Струан. — Может быть, и должен.

— Да, может быть, ты должен. Я твоя тайтай. — Она теснее прижалась к нему и быстро уснула безмятежным сном.

Струан еще долго наблюдал за пляской теней, потом заснул и он.

Едва лишь рассвело, он проснулся с предчувствием близкой опасности. Достав из-под подушки нож, он подошел к окну и приоткрыл занавеску. К его крайнему удивлению, оказалось, что площадь пуста. Позади площади, на реке, над плавучими деревнями повисла тревожная тишина.

Он услышал приглушенный звук шагов, направлявшихся к его комнате. Струан бросил взгляд на Мэй-мэй. Она спала все так же безмятежно. С ножом наготове он прислонился к стене позади двери и стал ждать.

Шаги остановились. Через секунду раздался тихий стук в дверь.

— Да?

Мягко ступая, в комнату вошел слуга. Увидев Струана, голого и с ножом в руке, он перепугался и выдохнул, побледнев:

— Масса! Ключконосый масса и челноволосый масса сюда ходить. Говолить твоя быстло лаз-лаз пазалуста мозна.

— Скажи, я приходить быстро раз-раз.

Струан торопливо оделся. Он уронил расческу, едва не разбудив Мэй-мэй.

— Вставать еще рано. Ложись ко мне, — пробормотала она в полудреме, глубже зарылась в одеяло и тут же заснула снова.

Струан открыл дверь спальни. А Гип терпеливо ждала на корточках в коридоре, где и спала ночью. Струан давно бросил бесплодные попытки заставить ее спать где-нибудь в другом месте, а не перед дверью своей госпожи. А Гип только улыбалась, кивала и говорила: «Да, масса» — и оставалась спать у двери. Ее плотное квадратное тело крепко сидело на коротких ногах, улыбка, казалось, навсегда застыла на ее круглом лице с отметинами оспы. Вот уже три года она была личной рабыней Мэй-мэй. Струан заплатил за нее три таэля серебром.

Он жестом пригласил ее в комнату:

— Мисси спать можно. Ждать эта комната, ясно?

— Ясна, масса.

Он заторопился вниз по лестнице.

Купер и Вольфганг Маусс ждали его в столовой. Маусс с задумчивым видом проверял свои пистолеты.

— Извините, что побеспокоили вас, тайпан. Надвигаются неприятности, — сказал Купер.

— Какие?

— Повсюду ходят слухи, что вчера ночью в Кантон прибыло две тысячи маньчжурских солдат-знаменосцев.

— Вы уверены?

— Нет, — ответил Купер. — Но если это правда, наше положение можно назвать незавидным.

— Хао-гуа посылал за мной сегодня утром, — тяжелым голосом добавил Маусс.

— Он не сказал, вернулся ли уже Жэнь-гуа?

— Нет, тайпан. Он по-прежнему утверждает, что его отца нет в городе. Что касается меня, я так не думаю, hein? Хао-гуа был сильно напуган. Он сказал, что его разбудили сегодня рано утром. Ему был предъявлен указ, подписанный самим императором, в котором говорилось, что всякая торговля с вами должна быть прекращена немедленно. Я сам читал его. Печати настоящие. Весь кохонг гудит, как потревоженный улей.

Со стороны площади донесся топот копыт. Струан и Маусс бросились к окну. Внизу появилась полусотня маньчжурских солдат верхом на лошадях, они неторопливой рысцой въехали на площадь с восточного конца и спешили. Это были крепкие воины, у каждого имелся мушкет, длинный лук, меч и копье с флажком. Некоторые были бородаты. Их называли знаменосцами, потому что они являлись императорской гвардией и носили на копьях особые флажки с императорской геральдикой. Эти полки составляли элиту императорских войск; китайцев в них не набирали.

— Что ж, как минимум сорок-пятьдесят человек в Кантоне имеется точно, — изрек Струан среди общего молчания.

— А если их здесь действительно две тысячи? — спросил Купер.

— Нам лучше быть готовыми к тому, чтобы покинуть поселение в любую минуту.

— Знаменосцы — плохой знак, — покачал головой Маусс. Он не хотел уезжать из поселения, он желал только одного: быть со своими новообращенными китайцами и дальше проповедовать среди язычников. Это занимало все его время, когда он не переводил для Струана. — Schrecklich^[10] плохой.

Струан обдумал возможные варианты развития событий, потом позвонил слуге.

— Большой чоу быстро раз-раз. Кофе — чай — яйца — мясо — быстро раз-раз!

— Знаменосцы на площади, а вас словно ничего и не беспокоит, кроме завтрака? — встрепенулся Купер.

— Что толку волноваться на пустой желудок, — ответил Струан. — Сегодня с утра я голоден.

Маусс захохотал. До него дошел слух, который шепотом передавали друг другу слуги; слух о том, что таинственная любовница тайпана приехала к нему под большим секретом. По предложению Струана два года назад он тайно рассказал Мэй-мэй о христианстве и обратил ее в истинную веру. Да, с гордостью подумал он, тайпан доверяет мне. Благодаря ему, о Господи, по крайней мере одна душа обрела спасение. Благодаря ему и другие смогут унаследовать Царствие Твое и приобщиться благодати Твоей.

— Завтрак — это хорошая идея.

Стоя у окна, Купер видел торговцев, спешивших через парк в свои фактории. Знаменосцы собрались на площади в тесную группу и оживленно болтали, сидя на корточках.

— Может быть, и в этот раз все будет как тогда: мандарины захватят нас и потребуют выкуп, — предположил Купер.

— Только не в этот раз, дружище. Если начнется заваруха, они первым делом постараются всех нас перерезать.

— Почему?

— А зачем еще посылать в Кантон знаменосцев? Это воины, они умеют драться в отличие от местной китайской армии.

Вошли слуги и начали расставлять на огромном столе приборы. Потом внесли завтрак:

холодных цыплят, вареные яйца, буханки хлеба, горячее рагу, клецки, горячий мясной пирог, масло, мармелад, джем.

Струан с удовольствием принялся за еду, Маусс старался не отставать от него. Купер ел без всякого аппетита.

— Масса? — спросил слуга.

— Да?

— Одноглазый масса ходить сюда. Мозна?

— Можно.

В комнату вошел Тайлер Брок в сопровождении своего сына Горта.

— Доброе утро, джентльмены. Доброе утро, Дирк, приятель.

— Завтракать?

— Благодарствуйте, не откажусь.

— Удачно прошло плавание, Горт?

— Да, благодарю вас, мистер Струан. — Горт был под стать своему отцу: рослый, крепкий, на лице шрам, нос сломан, волосы и борода засалились. — В следующий раз я приду раньше «Грозового облака».

— В следующий раз, дружок, — со смехом заметил Брок, — ты пойдешь на нем капитаном. — Он сел к столу и начал жадно есть. — Будьте добры, передайте рагу, мистер Купер. — Выставив большой палец, он ткнул им в сторону окна. — Появление этих чертей не предвещает нам ничего хорошего.

— Верно. Что вы обо всем этом думаете, Брок? — спросил Струан.

— Кохонг сейчас рвет свои пороссячи хвостики с корнем. Стало быть, торговле пока конец. Надо же, первый раз я своими глазами вижу этих проклятых знаменосцев, чума на них.

— Эвакуируем поселение?

— Силой меня отсюда не погонят ни китаезы, ни знаменосцы. — Брок положил себе на тарелку еще рагу. — Ну конечно, я могу немного отступить. Когда сам сочту нужным. Завтра большинство из нас все равно собирались возвращаться назад, чтобы участвовать в распродаже. Но вот совет созвать стоит, и чем скорее, тем лучше. У вас здесь есть оружие?

— Недостаточно.

— А у нас полно, на любую осаду хватит. Горт привез. Этот дом оборонять удобнее всего. К тому же он и так почти что наш, — добавил он.

— Сколько у вас людей?

— Два десятка. Ребята Горта. Каждый управится с сотней китайцев.

— У меня тридцать человек, считая португальцев.

— К черту португальцев! Мы уж лучше как-нибудь сами. — Брок вытер рот, разломил пополам буханку хлеба и намазал ее маслом и мармеладом.

— Поселение не пригодно для обороны, Брок, — вмешался Купер. — У вас ничего не получится.

— В этой фактории мы сможем продержаться сколько угодно, парень. Вы за нас не переживайте. Вам и остальным американцам лучше спрятаться в своей и сидеть там потише. Вас не тронут — это мы им понадобились.

— Да, — согласно кивнул Струан. — И вы будете нужны, чтобы присмотреть за торговлей в случае, если нам придется уехать.

— Это, кстати, еще одна причина, почему я пришел сюда, Дирк. Хотел поговорить с

тобой в открытую насчет торговли и насчет компании Купера и Тиллмана. Я сделал им предложение, которое было принято.

— Предложение было принято на том условии, что «Струан и компания» окажется не в состоянии выполнить ранее заключенные договоренности, — уточнил Купер. — Мы даем вам тридцать дней, Дирк. Сверх тех тридцати дней.

— Спасибо, Джефф. Это великодушно.

— Это глупо, парень. Но мне плевать на время, я тоже буду щедр с твоим временем. У тебя еще целых восемь дней, Дирк.

Струан повернулся к Мауссу:

— Возвращайся к кохонгу и выясни все, что можно. Будь осторожен по дороге и возьми с собой одного из моих людей.

— Мне провожатый не нужен. — Маусс грузно поднялся с кресла и вышел.

— Мы проведем совет вниз, — сказал Струан, проводив его взглядом.

— Хорошо. Может, нам стоит сразу всем сюда перебраться. Места хватит.

— Это нас выдаст. Лучше подготовиться и ждать. Возможно, нас хотят просто напугать.

— Ты прав, парень. Пока слуги не разбежались, мы можем чувствовать себя в безопасности. Пойдем, Горт. Значит, собираемся через час? Вниз?

— Да.

Брок и Горт ушли. Молчание нарушил Купер:

— Что же все это может означать?

— Полагаю, это очередная хитрость Тисэня. Он хочет заставить нас понервничать. Видимо, решил выторговать какие-то уступки и готовит почву. — Струан положил руку Куперу на плечо. — Спасибо за тридцать дней. Я не забуду этого.

— У Моисея было сорок. Я подумал, тридцати вам должно хватить.

Совет проходил бурно, но Струану и Броку совместными усилиями удавалось направлять его ход и поддерживать порядок.

Все торговцы, за исключением американцев, собрались в огромном зале фактории, который служил Струану рабочим кабинетом. Бочонки с коньяком, виски, ромом и пивом выстроились вдоль одной из стен. Вдоль другой тянулись полки с конторскими книгами. Стены украшали картины Квэнса: виды Макао, портреты, корабли. В ящиках со стеклянными дверцами стояли оловянные кружки и серебряные кубки. На полках — груды абордажных сабель и мушкетов, порох, пули.

— А я говорю вам, все это ерунда, — горячился Мастерсон.

Это был краснолицый, с двойным подбородком, торговец тридцати с небольшим лет, глава фирмы «Мастерсон, Роуч и Роуч». Он был одет, как все остальные: темный сюртук из тонкого сукна с шелковой отделкой, жилет яркой расцветки и фетровый цилиндр.

— Китайцы никогда не покушались на само поселение с тех пор, как оно здесь стоит, клянусь Богом! — заявил Мастерсон.

— Верно. Но это было до того, как мы вступили с ними в войну и выиграли ее. — Больше всего Струану хотелось, чтобы они скорее пришли к какому-нибудь решению и разошлись. Он прикрывал нос надушенным платком, чтобы не чувствовать едкой вони, исходящей от их тел.

— А я говорю, выкинуть этих чертовых знаменосцев с площади, и дело с концом! — воскликнул Горт, наливая себе еще пива в высокую серебряную кружку с крышкой.

— Мы так и сделаем, если будет надобность. — Брок сплюнул в оловянную плевательницу. — Я устал от всех этих разговоров. Так мы принимаем план Дирка или нет? — Сверкая глазом, он оглядел собравшихся.

Большинство в ответ посмотрели на него в упор, не пряча глаз. Их было сорок человек — англичан и шотландцев. Исключение составляли датчанин Эликсен, представлявший одну лондонскую фирму, и Румаджи, дородный парси в развевающихся одеждах, из Индии. Макдональд, Керни и Молтби из Глазго, а также Мессер, Вивьен, Тоуб и Смит из Лондона были наиболее крупными коммерсантами — все суровые и твердые, как столетний дуб, люди в возрасте от тридцати до сорока.

— Я чую беду, сэр, — сказал Румаджи и дернул себя за длинный ус. — Предлагаю отступить без промедления.

— Ради Бога, Румаджи, весь план как раз и состоит в том, чтобы не отступать, — едко проговорил Роуч. — Отступление только в случае необходимости. Я голосую за план. И я согласен с мистером Броком. Слишком много пустой болтовни, и я устал. — (План Струана был прост: все разойдутся по своим факториям и будут ждать, а если начнутся неприятности, то по сигналу Струана они соберутся в его фактории; его люди прикроют их огнем, если потребуется.) — Отступать перед язычниками? Ни за что, клянусь Господом Богом!

— Могу я предложить кое-что, мистер Струан? — спросил Эликсен, высокий светловолосый человек, известный своей молчаливостью.

— Разумеется, — кивнул Струан.

— Может быть, одному из нас следует попробовать пробраться на Вампоа и дать им знать, что здесь происходит. Оттуда быстрая лорча смогла бы предупредить наш флот у Гонконга. На тот случай, если нас окружают и отрежут от реки, как в прошлый раз.

— Отличная идея! — поддержал его Вивьен, человек высокого роста, с бледным лицом и вдрызг пьяный. — Давайте все пойдем добровольцами. Кто плеснет мне еще виски? Вот спасибо, дружок.

Тут все опять заговорили хором и начали спорить о том, кто должен пойти добровольцем, и лишь через некоторое время Струану удалось их утихомирить.

— Это была идея мистера Эликсена. Если он не возражает, почему не предоставить ему эту честь?

Все высыпали в сад и оттуда наблюдали, как Струан и Брок проводили Эликсена через площадь к лорче, которую Струан отдал в его распоряжение. Знаменосцы не обратили на них никакого внимания, если не считать издевательского смеха и тыканья пальцами в их сторону.

Лорча заскользила вниз по течению.

— Может быть, мы видим этого парня в последний раз, — заметил Брок, провожая ее взглядом.

— Не думаю, что они его тронут. Иначе я ни за что не отпустил бы его.

Брок хмыкнул:

— Для иностранца он как будто малый ничего. — Вместе с Гортом он направился в свою факторию. Остальные торговцы заспешили к себе.

Струан расставил вооруженную охрану в саду и у задней двери фактории, которая выходила на Хог-стрит. Когда каждый занял отведенное ему место, он поднялся к себе наверх.

Мэй-мэй в спальне не было. А Гип тоже.

— Где мисси?

— Моя знать нет, масса. Моя колова чилло видеть нет никак.

Он обшарил каждый уголок здания, но Мэй-мэй и ее служанка исчезли, растаяли бесследно, словно никогда и не появлялись в этом доме.

Глава 5

Струан спустился в сад. Время близилось к полуночи. Воздух застыл неподвижно, наполненный гнетущей тишиной. Струан знал, что большинство торговцев сейчас спят в одежде, положив оружие рядом с собой. Сквозь щель в воротах парка он посмотрел на знаменосцев. Некоторые из них спали, другие негромко переговаривались у костра, разожженного на площади. Ночь была холодной. По реке скользили редкие тени.

Струан отошел от ворот и начал в раздумье бродить по парку. Куда же, черт побери, подевалась Мэй-мэй?! Он был уверен, что она не стала бы покидать поселение без особой на то причины. Может быть, ее сумели как-то выманить наружу. Может быть... Дьявольщина! — оборвал он себя, не смей даже думать об этом. Но он знал, что богатейший военачальник Китая, увидев ее хотя бы раз, не колеблясь ни секунды, постарался бы завладеть ею — силой, если понадобится.

Через боковую стену парка переметнулась тень, и в то же мгновение в руке Струана блеснул нож.

Это оказался незнакомый ему китаец — низенький, тщедушный человечек со сломанными зубами, лицо которого вытянулось и пожелтело от курения опиума. Дрожащей рукой он протянул Струану лист бумаги. На бумаге стоял оттиск печати Жэнь-гуа, его личной печати, которой он пользовался только для больших контрактов и документов особой важности.

— Масса, — мягко произнес китаец, — твоя ходить моя следом. Один.

Струан колебался. Выходить ночью из-под защиты стен поселения, да еще одному, было опасно. Более того, безрассудно.

— Нет можно. Жэнь-гуа сюда ходить можно.

— Нет мозна. Ходить моя следом. — Китаец ткнул пальцем в печать. — Жэнь-гуа хотеть, быстла лаз-лаз. Да-да, быстла.

— Завтра, — сказал Струан.

Китаец покачал головой:

— Сичас. Лаз-лаз, ясна?

Струан понимал, что печать Жэнь-гуа могла попасть в чужие руки и все это легко может оказаться ловушкой. В то же время он не осмеливался взять с собой Маусса или кого-то другого из своих людей, потому что его встреча с Жэнь-гуа должна была пройти втайне от всех. И чем скорее он увидит старика, тем лучше.

Он внимательно рассмотрел бумагу при свете фонаря и убедился, что печать настоящая.

— Можно, — кивнул он наконец.

Китаец подвел его к боковой стене и перебрался на ту сторону. Струан последовал за ним, готовый в любой миг отразить предательское нападение. Китаец заторопился вдоль стены и повернул на Хог-стрит. К своему глубокому изумлению, Струан увидел, что улица совершенно пуста. Тем не менее он все время ощущал на себе пристальный взгляд чьих-то

невидимых глаз.

В конце Хог-стрит китаец повернул на восток. Там их ожидали два паланкина с занавешенными окнами. Стоявшие рядом носильщики дрожали от страха.

Их ужас еще больше усилился, когда они увидели Струана.

Шотландец забрался в один паланкин, его проводник — в другой. Кули тут же подхватили их и засеменяли по улице Тринадцати Факторий. Затем они повернули на юг, в узкий, пустынный переулок, где Струан никогда раньше не был. Очень быстро он потерял всякое направление, а потому откинулся на спинку сиденья, проклиная себя за глупость. Однако при этом какая-то часть его сознания радостно предвкушала встречу с опасностью. Через некоторое время кули остановились в узком грязном проходе между высокими, глухими стенами домов. По проходу, заваленному гниющим навозом, в поисках пищи рыскала паршивая собака.

Проводник дал носильщикам деньги и, подождав, когда они растворятся в темноте, постучал в неприметную низкую дверь. Дверь открылась, и он отошел в сторону, пропуская Струана вперед. Струан знаком приказал ему входить первым, потом настороженно последовал за ним и оказался в вонючей конюшне, где его ждал другой китаец с фонарем в руке. Новый провожатый молча повернулся и, не оглядываясь, зашагал к двери в дальнем конце. Из конюшни они попали на огромный склад, поднялись наверх по шатким ступеням, потом по другой лестнице спустились еще на один склад. В темноте под ногами сновали крысы.

Струан знал, что они находятся где-то недалеко от реки — его чуткое ухо уловило плеск воды и поскрипывание швартовых. Готовый к любым неожиданностям, он пробирался между тюками, мешками и ящиками, придерживая ладонью рукоятку ножа, лезвие которого спрятал в рукаве.

Человек с фонарем нагнулся, проходя под какими-то ящиками, и подвел его к полускрытой двери в стене. Он тихо постучал, потом открыл ее.

— Халлоа, тайпан, — раздался голос Жэнь-гуа. — Долго, однако, не виделись.

Струан вошел. Это оказался еще один склад, тускло освещенный свечами и весь заставленный дощатыми ящиками и заваленный покрытыми плесенью рыболовными сетями.

— Халлоа, Жэнь-гуа, — с облегчением выдохнул он. — Давно не виделись.

Жэнь-гуа был глубоким стариком, хрупким, маленьким, с кожей, напоминающей пергамент. Тонкие пряди седой бороды спускались на грудь. Его одежда была богато расшита, шапочку украшали драгоценные камни. На ногах были расшитые туфли на толстой подошве. Длинная косичка блестела, словно отполированная. Длинные ногти на мизинцах защищали расшитые драгоценностями чехольчики.

Жэнь-гуа закивал с довольным видом и, шаркая ногами, просеменил в угол склада, где уселся за стол, на котором стояли еда и чай.

Струан сел напротив него спиной к стене. Жэнь-гуа улыбнулся. Во рту у него оставалось только три зуба. На всех трех были золотые коронки. Жэнь-гуа что-то сказал по-китайски человеку, который привел к нему Струана, и тот вышел в другую дверь.

— Чай? — предложил Жэнь-гуа.

— Можно.

Жэнь-гуа кивнул слуге с фонарем. Тот налил им чая и положил обоим на тарелки понемногу из каждого блюда, что стояли на столе. Затем он отошел в сторону и замер, внимательно глядя на Жэнь-гуа. Струан заметил, что этот слуга выглядит крепким и

вооружен ножом, висящим у пояса.

— Пазалуста, — сказал Жэнь-гуа, жестом приглашая Струана к трапезе.

— Спасибо.

Струан проглотил несколько кусочков и выпил несколько глотков чая, выжидая. Было очень важно, чтобы Жэнь-гуа заговорил с ним первый.

Какое-то время они ели молча, потом Жэнь-гуа спросил:

— Твоя хотеть моя видеть?

— Жэнь-гуа хорошо торговал далеко от Кантона?

— Дела холосо плохо все одинаково, беспокойся нет.

— Торговля теперь есть?

— Теперь нет. Хоппо очень плохая мандалина. Солдата много-много есть. Моя за солдата платить большой мзда. Эй-йа!

— Плохо. — Струан отпил еще глоток чая.

Сейчас или никогда, сказал он себе. И вот теперь, когда он наконец встретился с Жэнь-гуа и подходящий момент наступил, он вдруг со всей ясностью понял, что не сможет продать Гонконг. К чертям этого мандарина! Пока я жив, никакого паршивого хоппо на Гонконге не будет. Значит, придется прикончить Брока. Но убийство — это не способ избежать банкротства. Поэтому Броку ничего не грозит, ибо все ожидают, что именно так я и постараюсь исправить ситуацию. Или все-таки грозит? Куда, черт побери, подевалась Мэй-мэй?

— Моя слышать, Одноглазый Дьявол Блок взяла тайпана за го'ло.

— Я слышал, дьявол хоппо взял кохонг за горло, — парировал Струан. Теперь, когда он решил отказаться от сделки, он чувствовал себя гораздо лучше. — Эй-йа!

— Все лавно. Мандалина Тисэнь злой-злой стал.

— Почему так?

— Масса Глозный Пенис писала очень плохо-плохо письмо.

— Чай очень первый сорт хороший, — сказал Струан.

— Масса Глозный Пенис делай, как тайпан говори, хейа?

— Иногда можно.

— Плохо, когда Тисэнь злой стал.

— Плохо, когда масса Лонгстафф злой стал.

— Эй-йа. — Жэнь-гуа тщательно выбрал себе несколько лакомых кусочков и не торопясь съел их. Его маленькие глазки сузились еще больше. — Твоя знает Кун Хэй Фат Чой?

— Китайский Новый год? Знаю.

— Новый год сколо начинаться есть. Кохонг много плохой долги от сталых лет иметь. Холосо йосс начинать Новый год, когда нет долги. Тайпан много-много кохонг бумаги иметь.

— Не беспокойся. Ждать можно.

Жэнь-гуа и другие купцы кохонга должны были Струану шестьсот тысяч фунтов.

— Одноглазый Дьявол ждать можно?

— Бумаги Жэнь-гуа ждать можно. Конец. Чоу очень первый сорт хорошо.

— Очень плохо. — Жэнь-гуа не спеша потягивал чай. — Слышать, тайпана главная госпожа и чилло мелтвый есть. Плохой йосс, жалко.

— Плохой йосс. Сильно плохой.

— Беспокойся нет. Твоя сильно молодой. Новый колова чилло много есть. Твой один

колова чилло Мэй-мэй есть. Почему тайпан ток'ка один бык чилло есть? Тайпан хочет лекалство, может. Мозна.

— Когда нужно, я спрошу, — добродушно заметил Струан. — Слышать, Жэнь-гуа новый бык чилло есть. Какое число этот сын?

— Десять и семь, — ответил Жэнь-гуа, довольно улыбаясь.

Боже праведный, подумал Струан. Семнадцать сыновей! И вероятно, столько же дочерей, которых Жэнь-гуа, по обычаю, в расчет не принимает. Он нагнул голову и одобрительно присвистнул.

Жэнь-гуа рассмеялся:

— Сколька чая хотеть этот год?

— Торговли нет. Как торговать можно?

Жэнь-гуа подмигнул:

— Мозна.

— Не знаю. Продавай Броку. Когда я хотеть чай, я тебе говорить, хейа?

— Два дня есть, потом должен знать.

— Нет можно.

Жэнь-гуа что-то отрывисто приказал слуге, тот подошел к одному из ящиков, покрытых налетом плесени, и открыл его. Ящик был полон серебряных слитков. Жэнь-гуа показал рукой на остальные ящики:

— Здесь солок лак долла' есть.

Лак равнялся примерно двадцати пяти тысячам фунтов стерлингов. Сорок лаков составляли миллион.

Жэнь-гуа еще больше прищурился:

— Моя занимать. Оц-цень тлудный. Оц-цень дологой. Твоя хотеть? Жэнь-гуа давать взаймы, может.

Потрясенный, Струан напрягал все силы, чтобы не выдать своего состояния. Он не сомневался, что любой заем будет сопровождаться жесткой сделкой, ибо понимал, что Жэнь-гуа должен был продать душу дьяволу, рискнуть своей жизнью, домом, всем своим будущим, а также будущим своих друзей и сыновей, чтобы тайно собрать столько серебра. В том, что об этом серебре никто не знает, Струан был уверен, иначе хоппо уже давно украл бы его, а сам Жэнь-гуа просто-напросто бы исчез. А ведь, кроме хоппо, были еще пираты и разбойники, наводнявшие Кантон и его окрестности. Стоило слухам о том, что рядом, под рукой, находится хотя бы сотая часть таких сокровищ, просочиться в одно из их многочисленных тайных убежищ, и за жизнь Жэнь-гуа никто не дал бы ни гроша.

— Много лак долла'! — проговорил Струан. — Человек услугу получать, должен услугу вернуть.

— Этот год чай покупай вдвое плошлый год, такой же цена плошлый год. Мозна?

— Можно.

— Этот год опиум плодавай такой же цена плошлый год. Мозна?

— Можно.

Струану придется заплатить за чай цену выше текущей рыночной стоимости, а опиум продать дешевле, но и в этом случае он получит большую прибыль. Если только другие условия будут столь же приемлемы, напомнил он себе. Если только Жэнь-гуа не нужен мандарин на Гонконге. Струан помолился про себя, чтобы мандарин не оказался частью сделки. Но он понимал и то, что, если на Гонконге не будет мандарина, не будет там и

кохонга. А если не будет кохонга с его монополией на торговлю с европейцами, Жэнь-гуа и другие купцы окажутся не у дел. Они тоже являлись частью системы и не могли без нее существовать.

— Только покупай Жэнь-гуа или сын Жэнь-гуа десять год. Мозна?

Великий Боже! — подумал Струан, если я дам ему монопольное право торговли с моей компанией, он сможет тянуть из нас деньги сколько пожелает.

— Можно — когда цена чай, цена шелк одинаковый другой кохонг.

— Двадцать год. Цена кохонг добавить десять плоцент.

— Плюс пять процентов — добавить пять процент. Можно.

— Восемь.

— Пять.

— Семь.

— Пять.

— Семь.

— Нет можно. Нет прибыль. Слишком сильно большой процент.

— Эй-йа. Оц-цень сильно больсой плибыль есть. Семь!

— Десять лет шесть процентов, десять лет пять процентов.

— Эй-йа! — горячась, воскликнул Жэнь-гуа. — Плохо, сильно плохо! — Он махнул рукой в сторону ящиков. — Стоить сильно огломный. Больсой интелес платить. Оц-цень много. Десять год шесть, десять год пять, добавить новый десять год пять.

Струан пытался угадать, действительно ли Жэнь-гуа разозлился или только притворяется.

— Предположим, Жэнь-гуа нет, сын Жэнь-гуа нет?

— Много сын есть, много сына сын есть. Мозна?

— Новые десять лет добавить четыре процента.

— Пять.

— Четыре.

— Плохо, плохо. Оц-цень высокий интелес, оц-цень. Пять.

Струан избегал смотреть на серебро, но чувствовал, как оно окружает его, надвигается со всех сторон. Не будь дураком, кричал ему внутренний голос. Бери его. Соглашайся на что угодно. Ты спасен, парень! У тебя есть все!

— Мандалина Тисэнь говолить один мандалина Гонконг, — вдруг переменял тему Жэнь-гуа. — Почему твоя говолить нет?

— Жэнь-гуа не любит мандарина, хейа? Зачем мне любить мандарина, хейа? — ответил Струан, чувствуя, как сердце сжалось и провалилось куда-то.

— Солок лак долла? — один мандалина. Мозна?

— Нет можно.

— Сильно легкий. Почему твоя говолить нет мозна? Мозна.

— Нет мозна. — Струан не мигая смотрел старику прямо в глаза. — Мандарин нет можно.

— Солок лак долла'. Один мандалина. Дешевый.

— Десять раз сорок лак долла' нет можно. Умирать раньше. — Струан решил больше не торговаться. — Конец, — хрипло выговорил он. — Клянусь прахом моих отцов, хватит! — Он тяжело поднялся на ноги и направился к двери.

— Зачем твоя уходить? — спросил Жэнь-гуа.

— Нет мандарин — нет доллa'! Зачем говорить, хейа?

К изумлению Струана, Жэнь-гуа весело фыркнул и сказал:

— Тисэнь хотеть мандалина. Жэнь-гуа не давать деньги Тисэня. Жэнь-гуа давать деньги Жэнь-гуа. Добавить новый год пять процент. Мозна?

— Можно.

Струан опустилcя на место, чувствуя, как у него кружится голова.

— Пять лак доллa' покупать Жэнь-гуа земля на Гонконг. Мозна?

Зачем она ему? — в отчаянии ломал голову Струан. Если Жэнь-гуа одолжит мне эти деньги, кохонгу конец — он должен понимать это. Зачем ему своими руками рыть себе могилу? Зачем покупать землю на Гонконге?

— Мозна? — повторил Жэнь-гуа.

— Можно.

— Пять лак доллa' хланить, тлогать нет. — Жэнь-гуа открыл миниатюрную коробочку из тика и достал из нее две печати. Печати представляли собой маленькие квадратные палочки из слоновой кости длиной около двух дюймов. Старик ловко соединил их вместе, обмакнул концы, покрытые затейливой резьбой, в густую тушь и сделал оттиск на листе бумаги. После этого Жэнь-гуа протянул Струану одну из печатей, а другую убрал в коробочку. — Человек плиносить этот печать, давать земля и доллa', ясна?

— Ясно.

— Следучий год моя посылать один бык чилло на Гонконг. Твоя посылать одинаково как твоя сын школа Лондон. Мозна?

— Можно.

— Твоя бык чилло Голд'н Чэнь. Халосый? Плохой, может?

— Хороший чилло. Чэнь Шэн говорит сильно хорошо думай-думай есть. — Струан явно должен был что-то сделать с Гордоном Чэнем. Но что именно и почему Гордон вообще фигурировал в махинациях Жэнь-гуа? — Я думаю давать Гордон более высокое место, может.

— Зачем более высокий место? — презрительно скривил губы Жэнь-гуа. — Думать твоя одолжать один лак доллa' Чэнь бык чилло.

— Под какой процент?

— Половина плибыль.

Прибыли от чего? Струан чувствовал, что Жэнь-гуа водит его, как рыбу на крючке. Но с большого крючка ты соскочил, парень, хотелось закричать ему во весь голос. Ты получишь свой миллион без мандарина.

— Можно.

Жэнь-гуа вздохнул, и Струан решил, что сделка закончена. Но ошибся. Жэнь-гуа сунул руку в потайной карман в рукаве своего халата, извлек оттуда восемь половинок монет и разложил их на столе перед собой. Всего получилось четыре монеты, каждая из которых была грубо сломана пополам. Чехлом, предохранявшим ноготь его мизинца, Жэнь-гуа подтолкнул половинку каждой монеты на другой край стола.

— Последний. Четыле услуга. Человек плиносить один такой, твоя делать услуга.

— Какую услугу?

Жэнь-гуа откинулся на спинку своего стула.

— Моя знать нет, тайпан, — сказал он. — Четыле услуга когда-нибудь. Моя жизнь нет, может, сын, может. Нет знать когда, но плосить четыле услуга. Один половина монета —

услуга. Мозна?

Спина Струана покрылась холодным потом. Согласиться на такое требование означало добровольно положить голову под топор. Но если он откажется, серебра ему не видать. Ты сам прыгаешь к черту в пасть, сказал он себе. Да, но решай же в конце концов! Нужно тебе будущее или нет? Ты знаешь Жэнь-гуа вот уже двадцать лет. Он всегда вел с тобой честную игру. Да, и при этом он самый хитрый и проницательный человек в Кантоне. Двадцать лет он помогал тебе, направлял тебя — и вместе вы увеличили свою власть и приумножили богатства. Так доверься ему, ему ты можешь доверять. Нет, доверять ты не можешь никому, и Жэнь-гуа в первую очередь. Ты процветал при нем лишь потому, что всегда оставлял за собой последнюю карту. А теперь тебя просят подарить Жэнь-гуа четырех джокеров из твоей колоды жизни и смерти.

В который раз Струан поразился изощренности и дьявольской хитрости китайского ума. Его величию. Его безжалостности. Но с другой стороны, напомнил он себе, ставки в их игре были огромны с обеих сторон. Оба рисковали в равной степени, полагаясь на честность друг друга, поскольку не могло быть никаких гарантий, что услуги будут оказаны. *За исключением того, что ты обязательно окажешь их, должен оказать, потому что сделка есть сделка.*

— Можно, — произнес он, протягивая руку. — Мой обычай пожать руку. Не китайский обычай, все равно. — Он никогда раньше не обменивался с Жэнь-гуа рукопожатием и знал, что китайцы считают этот обычай варварским.

— Услуга, может, плотив закона. Моего, твоего, ясна?

— Ясно. Ты друг. Ты или сын монета посылать нет плохая услуга просить.

Жэнь-гуа на секунду закрыл глаза и задумался об этих белых дикарях из далекой Европы. У них росли волосы на руках, на ногах и на теле, и они походили на обезьян. Их манеры были уродливы. Вонь, исходившая от них, казалась невыносимой. Им были неведомы культура, этикет, соблюдение приличий. Даже самый низкий и презренный кули был в десять тысяч раз лучше самого лучшего европейца. И то, что относилось к мужчинам, еще в большей степени относилось к женщинам.

Он вспомнил свой единственный визит к английской шлюхе, которая жила в Макао и говорила по-китайски. Он посетил ее больше из любопытства, нежели действительно желая получить удовлетворение. Любопытство разбудили в нем рассказы друзей, утверждавших, что впечатление будет незабываемым, поскольку не существовало услуги, которую она не оказала бы самым старательным образом при малейшем поощрении со стороны клиента.

Он весь передернулся при мысли об ее волосатых руках, волосатых подмышках, ногах и промежности, о грубости ее кожи и черт лица, о запахе пота, смешивавшегося с запахом мерзких духов.

А какую пищу едят эти варвары — ужасно! Он много раз присутствовал на их обедах, где ему приходилось терпеливо сидеть и смотреть, едва не теряя сознание от дурноты, как бесконечные блюда сменяются одно за другим, и притворяться, что он не голоден. С отвращением наблюдать за неимоверным количеством полусырого мяса, которое они поглощали, отрезая ножом у самых губ, так что кровавый жир стекал по подбородку. А реки отнимающих разум напитков, которые они вливали в себя. А их мерзкие вываренные, безвкусные овощи. А мясные пироги, которые просто невозможно переварить. Все в чудовищных количествах. Как свиньи, как потные, ненасытные, огромные черти. Невероятно!

У них нет ни одного качества, которое можно было бы отнести к достоинствам, подумал

он. Ни одного. За исключением их готовности убивать, и это они проделывают с невиданной жестокостью, хотя и безо всякой утонченности. По крайней мере, они служат для нас средством зарабатывать деньги.

Варвары — это зло во плоти. Все, кроме вот этого человека — Дирка Струана. Когда-то Струан ничем не отличался от прочих. Теперь он отчасти китаец. Сознанием. Сознание очень важно, потому что быть китайцем — это во многом состояние ума. Он содержит себя в чистоте, и запах от него чистый. И он усвоил некоторые из наших привычек и обычаев. Конечно, он по-прежнему дик, по-прежнему варвар и убийца. Однако немного изменившийся. А если одного варвара можно превратить в цивилизованного человека, почему нельзя сделать того же со многими?

Твой план — мудрый план, сказал себе Жэнь-гуа. Он открыл глаза, потянулся через стол и легко коснулся руки Струана своей рукой:

— Длуг.

Жэнь-гуа жестом приказал своему слуге налить им еще чая.

— Мои люди носить селебло твоя фактолия. Два дня. Ночь. Оц-цень секлетный, — предупредил Жэнь-гуа. — Сильно много опасный, ясна? Оц-цень сильно много.

— Ясно. Я давать бумага и моя печать за серебро. Пришлю завтра.

— Печать нет, бумага нет. Слово лучше, хейа?

Струан кивнул. Как бы ты объяснил — ну, скажем, Кулуму, — что Жэнь-гуа дает тебе миллион серебром на справедливых условиях, зная, что мог бы навязать тебе любую сделку, дает все, что тебе нужно, под простое рукопожатие?

— Тли лаза десять лак долла' платить Жэнь-гуа, долги кохонг. Теперь Новый год нет долги. Холосо йосс, — гордо произнес Жэнь-гуа.

— Да, — кивнул Струан. — Хороший йосс для меня.

— Оц-цень сильно много опасность, тайпан. Нет мозна помогать.

— Да.

— Оц-цень, оц-цень много опасности. Нужна ждать два ночи.

— Эй-йа, какая опасность! — согласился Струан. Он забрал со стола четыре половинки монет. — Спасибо тебе, Чэнь-цзе Жэнь Ин. От всего сердца спасибо.

— Нет спасибо, Дилк Стлуан. Длуг.

Внезапно в комнату ворвался человек, провожавший Струана к Жэнь-гуа. Он что-то взволнованно затараторил, обращаясь к старому китайцу. Жэнь-гуа с испуганным лицом повернулся к Струану:

— Слуга уходить! Уходить поселение вон. Все уходить!

Глава 6

Струан сидел в закрытом паланкине, легко покачиваясь в такт торопливой трусце носильщиков, пробиравшихся пустынными улочками. Обивка внутри паланкина была засаленной, в темных пятнах пота. Время от времени он выглядывал в занавешенное окно. Неба он не видел, но чувствовал, что до рассвета оставалось совсем немного. Ветер доносил до него вонь гниющих фруктов, испражнений, навоза, а также ароматы готовящейся пищи и специй; ко всему этому примешивался запах пота носильщиков.

Прежде чем расстаться, они с Жэнь-гуа договорились о более безопасном способе

доставки серебра на Гонконг. Они решили, что Жэнь-гуа погрузит ящики со слитками на вооруженную лорчу. На вторую ночь лорча будет тайно доставлена к причалу поселения. Ровно в полночь. Если это станет невозможным, лорчу оставят неподалеку от южного края причала с зажженными фонарями на носу и на фок-мачте. Чтобы полностью исключить возможность ошибки, Жэнь-гуа сказал, что выкрасит глаз лорчи на ближнем к берегу борту в красный цвет. На тиковой обшивке носа каждой лорчи непременно вырезались два глаза. Это делалось на счастье, а также чтобы помочь душе лорчи смотреть вперед. Китайцы верили, что ни одна лодка не может жить без глаз, которыми она могла бы видеть.

Но что означает этот жест Жэнь-гуа, отдающий Гонконг в полное мое распоряжение? — спрашивал себя Струан. Без сомнения, Жэнь-гуа должен понимать значение мандарина на острове. И зачем старику понадобился сын, получивший образование в Лондоне? Неужели Жэнь-гуа, единственный из всех китайцев, с которыми встречался Струан, оказался настолько дальновиден, что понял в конце концов неизбежность долгого и прочного соединения судеб Китая и Британии?

Он услышал лай собак и сквозь щель в занавесях увидел, как они, оскалив зубы, атаковали ноги переднего носильщика. Но тут кули, бежавший с фонарем впереди паланкина, повернулся и с большой ловкостью прошелся по собачьим спинам своим шестом с железным наконечником. Собаки с визгом бросились врассыпную.

Потом на перекрестке далеко впереди Струан заметил пеший отряд знаменосцев, человек около ста. Они были вооружены и имели при себе фонари. Весь отряд сидел на земле, в их спокойной неподвижности ощущалось что-то зловещее. При виде паланкина несколько солдат поднялись на ноги и направились в их сторону. Носильщики, к огромному облегчению Струана, круто свернули в переулок. Теперь все, что тебе осталось сделать, парень, — это перевезти серебро на Гонконг в целости и сохранности. Или хотя бы на Вампоа, где погрузить его на «Китайское облако». Но пока последний ящик не окажется на борту, ты не можешь чувствовать себя в безопасности.

Паланкин нырнул вниз: один из носильщиков едва не упал, угодив ногой в рытвину, которых было полным-полно на дороге. Струан вертелся в тесной кабинке, пытаясь хоть как-то сориентироваться в лабиринте улочек. Вскоре он смог разглядеть над домами верхушки корабельных мачт. Впереди по-прежнему не было ничего знакомого. Носильщики свернули за угол, направляясь к реке, затем, срезая путь, прошли каким-то узким переулком, вышли в другой. Наконец впереди над крышами лачуг появились очертания зданий поселения, посверкивающих в лунном свете стеклами окон.

Внезапно паланкин остановился и в следующую секунду рухнул на землю. Струана швырнуло на бок. Он рванул занавески в сторону и выпрыгнул наружу с ножом в руке как раз в тот момент, когда три копья пронзили тонкие стенки насквозь. Пока копьеносцы отчаянно пытались освободить застрявшее оружие, Струан метнулся к ближайшему из них, всадил ему нож в бок и повернулся к другому, который, бросив копье, взмахнул обоюдоострым боевым топором. Лезвие топора полоснуло Струана по плечу, и он сморщился от боли, но, скользнув в сторону, успел перехватить топор за рукоять и попытался завладеть им. Сильно дернув топор к себе, он вырвал его из руки противника, а тот издал дикий вопль, пронзенный копьем, нацеленным в Струана. Струан прижался спиной к стене. Третий копьеносец, держась от него на расстоянии длины копья, двинулся по кругу, часто и хрипло дыша и бормоча проклятия. Струан сделал обманное движение, рубанул топором, но промахнулся, и китаец выбросил копье вперед. Острый наконечник зацепил шотландца, однако

Струан одним движением освободился от него и по рукоятку вонзил нож в живот нападавшему, потом повернул, выпуская ему кишки.

Отпрыгнув подальше от тел, Струан опять прижался к спасительной стене и замер. Человек, которого он ранил в бок, громко стонал. Второй лежал неподвижно. Третий, держась рукой за живот, отползал в сторону.

Струан подождал мгновение, переводя дыхание, и стрела ударилась в стену над самой его головой. Быстро пригнувшись, он подобрал одно из копий и бросился бежать по узкой улочке к поселению. Позади он услышал топот чьих-то ног и побежал быстрее. Повернув за угол, он увидел прямо перед собой улицу Тринадцати Факторий. Он бросил копье, пробежал по улице зигзагом, повернул на Хог-стрит, миновал ее и припустил через площадь, заполненную все прибывающими знаменосцами.

Прежде чем они успели сообразить, что к чему, он добежал до ворот парка и проскользнул внутрь. В живот ему уперлось дуло мушкета.

— А, это ты, Дирк, — раздался голос Брока. — Где ты был, черт возьми?

— Гулял. — Струан судорожно ловил ртом воздух. — Кровь Христова, на меня напали грабители с большой дороги, черт бы их побрал!

— Это твоя кровь или их?

При свете фонаря Струан стащил с раненого плеча сюртук и разорвал рубашку. На плечевой мышце алел порез, ровный и неглубокий.

— Комариный укус, — пренебрежительно фыркнул Брок. Он достал фляжку с ромом, плеснул на рану и улыбнулся, увидев, как скривилось от боли лицо Струана. — Сколько их было?

— Трое.

— И тебя подрезали? Да ты, как видно, стареешь! — Брок налил два стакана рома.

Струан выпил и почувствовал себя лучше.

— Я-то думал, ты спишь. Дверь у тебя заперта. Где ты был?

— Что тут у вас творится?

— Примерно час назад исчезли все слуги. Вот так-то. Я решил, что лучше никого сюда не вытаскивать, пока не рассветет. Когда ты там бежал, тебя прикрывали стволов пятьдесят, не меньше.

— Тогда какого дьявола было совать мушкет мне в брюхо?

— Да просто захотелось поприветствовать тебя как подобает. — Брок отхлебнул из своего стакана. — Чтобы ты вроде как знал, что мы не дремлем.

— Кто-нибудь может объяснить, почему исчезли слуги?

— Нет. — Брок подошел к воротам. Потревоженные знаменосцы опять укладывались спать. На горизонте нерешительно подрагивал первыми лучами нервный рассвет. — Выглядит все это до омерзения скверно, — тяжело проговорил он. — Не нравятся мне эти сукины дети, ох как не нравятся! Сидят себе, ничего не делают, только иногда в свои барабаны стучат. Думаю, нам лучше отступить, пока для этого еще есть хорошая возможность.

— Как минимум несколько дней нам ничего не грозит.

Брок покачал головой:

— У меня дурное предчувствие. Что-то здесь не так. Лучше бы нам уйти.

— Это хитрость, Брок. Обман. — Струан оторвал кусок рубашки и вытер со лба пот.

— Может, и хитрость. Но на душе у меня беспокойно, а когда меня одолевают такие

предчувствия, значит пора уносить ноги. — Брок ткнул большим пальцем в сторону знаменосцев. — Мы их тут пересчитали. Сто пятьдесят человек. Хао-гуа говорит, их больше тысячи вокруг поселения.

— Я видел, может быть, сотни две-три. К востоку отсюда.

— Что ты там делал?

— Так, прогулялся. — Струану вдруг захотелось рассказать ему обо всем. Только делу это не поможет, подумал он. Брок сделает все, что в его силах, чтобы помешать тебе доставить серебро на Гонконг. А без этого серебра ты, дружок, мертвее мертвого. — Тут рядом, за углом, живет одна девочка, — развязно сообщил он.

— Девочка, черта с два! Не такой ты дурак, чтобы рисковать своей шкурой из-за юбки. — Брок раздраженно подергал себя за бороду. — Сменишь меня через час?

— Хорошо.

— В полдень мы отчаливаем.

— Нет.

— А я говорю, в полдень.

— Нет.

Брок нахмурился:

— Что это, интересно, так тебя здесь держит?

— Если мы покинем поселение прежде, чем начнутся настоящие неприятности, мы потеряем лицо.

— Это верно. Не думай, что мне нравится удирать. Но что-то подсказывает мне, что так будет лучше.

— Мы подождем пару дней.

— Ты знаешь, я никогда не ошибался насчет того, когда следует смазывать пятки. — Брок смотрел на него с глубоким подозрением. — Почему ты хочешь остаться?

— Эта лиса Тисэнь просто опять взялся за свои старые трюки. На этот раз твое предчувствие тебя обманывает. Я сменю тебя через час, — пообещал Струан и вошел в здание фактории.

Ну, Дирк, что же ты такое задумал? — размышлял Брок. Он громко прокашлялся. Его нос улавливал в воздухе тошнотворный запах опасности, который испускала умирающая ночь.

Струан поднялся по мраморной лестнице к себе наверх. Стены вдоль лестницы украшали произведения Квэнса и китайские картины на шелке. На площадках стояли огромные драконы эпохи Мин из тикового дерева и тиковые же сундуки. В коридорах, ведущих с первой площадки, висели изображения кораблей и морских сражений — все в богатых рамах; небольшой пьедестал венчала выполненная с изумительной точностью модель корабля ее величества «Виктория».

Дернув за дверную ручку своей комнаты, Струан обнаружил, что она заперта.

— Открывай немедленно! — приказал он.

А Гип впустила его внутрь.

— Где ты, черт побери, была, Мэй-мэй?! — спросил он, стараясь скрыть за раздраженным тоном глубокое облегчение.

Она стояла в тени портьер у окна. Сказав А Гип несколько фраз по-китайски, Мэй-мэй жестом приказала ей удалиться.

Струан запер дверь на задвижку.

— Где ты была, черт побери?! — повторил он.

Она шагнула вперед, свет фонаря упал на нее, и Струан был поражен ее бледностью.

— Что случилось?

— Ходят слухи, тайпан. Много слухов. Говорят, всех варваров собираются предать мечу.

— Ну, в этом-то нет ничего нового. Где ты была?

— Новое есть в том, что появились знаменосцы. Говорят, что Тисэнь впал в немилость.

Что он приговорен к смерти.

— А вот это уже просто ерунда. Он доводится двоюродным братом самому императору и только ему во всем Китае уступает богатством.

— По слухам, император так разозлился, когда Тисэнь заключил этот договор, что Тисэня ждет публичная пытка.

— Это безумие. — Струан встал у огня и снял сюртук и рубашку. — Где ты была?

— Что с тобой случилось? — воскликнула она, увидев кровь.

— На меня напали разбойники.

— Ты виделся с Жэнь-гуа?

Струан на мгновение онемел от изумления:

— Откуда ты знаешь о Жэнь-гуа?

— Я ходила поклониться и засвидетельствовать свое почтение его Главной Госпоже. Она сказала мне, что он только что вернулся в Кантон и послал за тобой.

Струан впервые услышал, что Мэй-мэй была знакома с первой женой Жэнь-гуа, но был настолько взбешен, что даже не стал об этом думать.

— Какого дьявола ты не предупредила меня, куда идешь?!

— Ты бы не пустил меня, если бы узнал, — резко ответила Мэй-мэй. — Я всегда с таким удовольствием навещаю ее. К тому же там я могу привести в порядок волосы и посоветоваться с астрологом.

— Что?

— У нее есть ужасно хорошая цирюльница, которой пользуются жены Жэнь-гуа. Ужасно полезно для волос. Эта женщина известна на весь Квантун. Очень дорогая. Астролог сказал, йосс хороший. Очень хороший. Но быть осторожным при строительстве домов.

— Ты запросто рискуешь жизнью, чтобы послушать прорицателей и вымыть голову?! — взорвался он. — Какого дьявола, что не так с твоими волосами? Они и без того прекрасны!

— Ты ничего в этом не понимаешь, тайпан, — холодно возразила она. — Именно там я и узнаю все слухи. У цирюльницы. — Она взяла его руку и провела ею по своим волосам. — Вот видишь. Они стали гораздо мягче, нет?

— Нет! Не стали! Смерть Господня, если ты еще хоть раз посмеешь уйти, не предупредив меня, куда направляешься, получишь такого шлепка, что не сможешь потом сидеть целую неделю.

— Только попробуй, тайпан, клянусь Господом! — ответила она, и ее глаза сверкнули, поймав его негодующий взгляд.

Он тут же схватил ее в охапку, невзирая на бешеное сопротивление, подтащил к кровати, задрал платье и нижние юбки и шлепнул ее пониже спины так, что зазвенела рука, а ее саму швырнуло на постель. Он никогда раньше не бил ее. Мэй-мэй как ветром сорвало с кровати, она бросилась к нему и злобно вцепилась в лицо своими длинными ногтями. Фонарь полетел на пол. Струан опять поднял ее и шлепнул еще раз. Она вывернулась у него из рук и

полоснула ногтями по глазам, промахнувшись на какую-то долю дюйма и оставив на щеке глубокие царапины. Он сжал ее кисти, повернул к себе спиной, сорвал с нее платье и все, что было под ним, и в третий раз ударил по голым ягодицам открытой ладонью. Она яростно сопротивлялась, ткнув его локтем в пах и опять вцепившись в лицо ногтями. Собрав всю свою силу, он прижал ее к постели, но она высвободила голову и впилась зубами в предплечье его левой руки. Он задохнулся от боли и вновь с размаху ударил ее по ягодицам. Она только крепче сжала зубы.

— Клянусь Господом, ты кусаешь меня в последний раз! — процедил он сквозь сжатые зубы.

Ее зубы еще глубже вонзились в предплечье, но он специально не отдергивал руку. Его глаза стали влажными от боли, но он лишь хлестал Мэй-мэй все сильнее и сильнее, каждый раз по ягодицам, пока не заболела рука. В конце концов она разжала зубы.

— Не надо... больше... пожалуйста... пожалуйста, — прерывистым голосом пробормотала она и, беззащитная, заплакала, уткнувшись лицом в подушку.

Струан перевел дыхание:

— А теперь попроси прощения за то, что ушла без разрешения.

Ее багровые, истерзанные ягодицы напряглись, и она вздрогнула, ожидая нового удара, однако он не поднял руки. Он знал, что нрав чистокровной лошади должен быть только укрощен, но не сломлен.

— Я даю тебе три секунды.

— Я... прости меня. Ты сделал мне больно. Больно, — выдавила она.

Он поднялся с кровати и, поднеся руку к свету, осмотрел рану. Зубы Мэй-мэй проникли очень глубоко, выступила кровь.

— Подойди сюда! — повторил он, но на этот раз его голос прозвучал как удар плетью, и она, вздрогнув, вскочила на кровати. Он не смотрел на нее. Торопливо собирая вокруг себя обрывки платья, она начала спускаться с кровати.

— Я не велел тебе одеваться! Я сказал, подойди сюда.

Она быстро засеменила к нему. Ее глаза покраснели от слез, лицо было перепачкано размокшей пудрой и потеками туши.

Он положил руку на стол, куском ткани промокнул сочащуюся кровь и налил бренди в каждую ранку. Чиркнув спичкой, он передал ее Мэй-мэй.

— Опусть пламя в раны, в каждую по очереди.

— Нет!

— По очереди, — повторил он. — Человеческий укус так же ядовит, как укус бешеной собаки. Живее!

Ей понадобилось три спички, и всякий раз она плакала чуть-чуть громче, и к горлу подступала тошнота от запаха паленого мяса, но рука у нее не дрожала. И всякий раз, когда вспыхивало бренди, Струан скрежетал зубами и не произносил ни слова.

Когда процедура закончилась, он плеснул еще бренди на почерневшие ранки, а Мэй-мэй отыскала ночной горшок, и ее вырвало. Струан быстро налил из чайника горячей воды на полотенце, легонько похлопал Мэй-мэй по спине и, когда приступ рвоты прошел, нежно обтер ей лицо и заставил ополоснуть рот остатками горячей воды. Затем поднял ее на руки, положил на кровать и собрался уходить. Но она прижалась к нему и заплакала тем глубоким, идущим от самого сердца плачем, который прогоняет из души всякую ненависть.

Струан качал ее на руках и успокаивал, пока она не уснула. Потом он вышел и сменил

В полдень состоялся еще один общий сбор. Многие высказывались за то, чтобы уехать немедленно. Но Струан взял верх над Броком и убедил коммерсантов подождать до завтра. Они, ворча, согласились и решили перебраться в его факторию для общей безопасности. Купер и все американцы вернулись к себе.

Струан поднялся наверх.

Мэй-мэй приняла его со страстью. Потом они уснули, умиротворенные. Один раз оба проснулись на мгновение, и она прошептала, целуя его в полусне:

— Ты был прав, наказав меня. Я была виновата перед тобой, тайпан. Но никогда не бей меня без вины. Потому что когда-нибудь ты уснешь — должен же ты спать, — и тогда я убью тебя.

Среди ночи их покой был нарушен. В дверь громко забарабанили, и раздался громовой голос Вольфганга Маусса:

— Тайпан! Тайпан!

— Да?

— Быстро! Вниз! Скорее!

Теперь и до них доносился шум толпы, заполнявшей площадь.

Глава 7

— Отец предупреждал вас всех, черт бы побрал вашу слепоту! — выругался Горт, отвернувшись от окна и проталкиваясь между торговцами.

— Толпу мы видели и раньше, — резко возразил Струан. — И ты знаешь, что толпа никогда не собирается сама по себе, это делается исключительно по приказу мандаринов.

— Да, но только не такая, — буркнул Брок.

— Всему этому отыщется какое-нибудь самое простое объяснение. Пока нам не о чем беспокоиться.

Площадь внизу напоминала потревоженный муравейник. Некоторые китайцы держали в руках фонари, другие — факелы. Несколько человек пришли с оружием. И все они в один голос что-то кричали.

— Этих пакостников там, должно быть, две или три тысячи, — проворчал Брок, потом крикнул: — Эй, Вольфганг! Что орут эти дьяволы-язычники?

— Смерть заморским дьяволам.

— Подумать только, какая наглость! — воскликнул Роуч, маленький, похожий на нахохлившегося воробья человечек, сжимавший мушкет, который был выше его самого.

Маусс повернул голову и снова посмотрел на толпу. Сердце его тревожно стучало, рубашка взмокла. Это ли время Твое, о Господи? Время Твоего беспримерного мученичества?

— Я пойду и поговорю с ними, обращусь к ним с проповедью, — хрипло произнес он, всей душой желая покоя, который сулила ему эта жертва, и одновременно ужасаясь ей.

— Достойнейшая мысль, мистер Маусс, — часто кивая, сказал Румаджи, его черные глаза беспокойно косили то на Маусса, то на толпу. — Они не могут не прислушаться к словам человека, наделенного таким даром убеждения.

Струан заметил капли пота на лице Маусса, его смертельную бледность и перехватил его у двери:

— Никуда вы не пойдете.

— Время пришло, тайпан.

— Вам не купить спасения такой дешевой ценой.

— Кто вы такой, чтобы судить об этом? — Маусс попытался протиснуться в дверь, но Струан не дал ему пройти.

— Я хотел сказать, что путь к спасению долог и исполнен страданий, — мягко произнес он. Раньше он уже дважды замечал у Маусса такую странность: перед схваткой с пиратами и потом, во время схватки. Маусс бросал оружие и шел навстречу противнику, охваченный религиозным экстазом, открыто ища смерти. — Это очень долгий путь.

— Мир... мир Господа Бога нашего... тяжело обрести, — пробормотал Маусс. Слова застревали у него в горле. Он радовался, что его остановили, и ненавидел себя за эту радость. — Я просто хотел...

— Совершенно верно. Я и сам все знаю про спасение, — вмешался в разговор Мастерсон. Он сложил ладони перед грудью и умильно смотрел на них. — Господи, защити нас от этих чертовых язычников! Я целиком с вами согласен, тайпан. Черт бы побрал весь этот шум!

Усилием воли Маусс взял себя в руки, ему казалось, что он голым стоит перед Струаном, который опять смог заглянуть в самую глубину его души.

— Вы... вы правы... Да. Правы.

— В конце концов, если мы вас лишимся, кто останется проповедовать Слово Божие? — добавил Струан, решив про себя не спускать с Маусса глаз, если дело дойдет до стычки.

— Абс-солютно правильно, — согласился Мастерсон, сморкаясь в горсть. — Какой смысл бросать ценного христианина на растерзание волкам? Эта чертова шайка разбойников довела себя до бешенства и не в настроении сейчас выслушивать проповеди. Господи, защити нас! Дьявольщина, тайпан, ведь я же говорил вам, что будет нападение.

— Как бы не так! Ни черта ты не говорил! — отозвался Роуч с другого конца комнаты.

— А кто, дьявол тебя растряс, спрашивал твоего мнения, клянусь Господом, когда мы тут спокойно беседуем с тайпаном и преподобным Мауссом?! — крикнул в ответ Мастерсон. Он повернулся к Мауссу. — Почему бы вам не прочесть молитву за всех нас, а? Мы ведь в конце концов христиане, клянусь Богом! — Он ринулся к окну, расталкивая торговцев. — Что, уже нельзя человеку и посмотреть, что тут происходит?

Маусс вытер пот со лба. О Господь Вседержитель и благословенный Иисус, единственный Сын Твой, коего Ты зачал в благодати Своей, ниспошли мне мир Твой. Ниспошли мне учеников и миссионеров, чтобы мог я сложить с себя ношу свою. И пребуди благословен за то, что послал мне тайпана, который — совесть моя и видит меня таким, каков я есть.

— Спасибо, тайпан.

Дверь распахнулась, и в комнату ввалились еще торговцы, все при оружии.

— Какого дьявола? Что тут творится? Что случилось?

— Никто не знает, — ответил Роуч. — В один момент все было тихо, потом ни с того ни с сего они вдруг стали прибывать.

— Бьюсь об заклад, нам никогда больше не увидать несчастного старину Эликсена. Бедный чертяка! Наверное, уже лежит где-нибудь с перерезанным горлом, — произнес

Мастерсон, со зловещим видом ковыряясь в запале своего мушкета. — Сегодня ночью мы все умрем в своих постелях.

— О, ради всего святого, заткнешься ли ты наконец? — взмолился Роуч.

— Ты сегодня прямо ни дать ни взять провозвестник благодати и утешения. — Вивьен, быкообразный торговец, сердито посмотрел на Мастерсона. — Почему бы тебе не помочиться в шляпу?

Раздался взрыв хохота. Когда он утих, Горт стал плечом прокладывать себе дорогу к двери:

— Я возьму своих ребят, и мы разнесем их всех к чертовой матери!

— Нет! — Возглас Струана щелкнул, как удар бича. В комнате воцарилась тишина. — Они пока что не причинили нам никакого вреда. В чем дело, Горт? Ты испугался кучки людей, кричащих проклятия в твой адрес?

Горт покраснел и двинулся к Струану, но Брок встал у него на дороге.

— Ступай вниз! — приказал он. — Будешь охранять парк, снесешь башку первому же китайцу, который вздумает туда сунуться!

С видимым усилием Горт обуздал свой гнев и вышел. Все опять разом заговорили.

— Нехорошо это — так цепляться к парню, Дирк. — Брок налил себе кружку пива и выпил ее большими глотками. — Он мог запросто подарить тебе твою же голову.

— Может быть. А может быть, получил бы урок хороших манер.

— Извините, мистер Струан, — прервал его Румаджи, чьи взвинченные нервы заставили его забыть о вежливости. — А у задней двери есть охрана?

— Да. Три моих человека. Они сумеют справиться с целой армией этого отребья.

Среди торговцев вспыхнул горячий спор, и затем Роуч сказал:

— Я согласен с Гортом. По-моему, нам нужно немедленно уходить отсюда.

— Мы так и сделаем. Если возникнет надобность, — спокойно ответил Струан.

— Согласен, — поддержал его Брок. — Делать это сейчас значило бы напрашиваться на неприятности. Будем ждать и выставим охрану, пока не рассветет. Может, к этому времени их уже и след простынет.

— А если нет? А? Что тогда, хотел бы я знать!

— Тогда мы сделаем им большое кровопускание. Я тайком переправил троих ребят на нашу лорчу, и они вывели ее на середину реки. С десятифунтовкой на борту.

Струан рассмеялся:

— Я думаю, мистер Брок заслуживает вотума доверия за свою предусмотрительность.

— Клянусь Богом, мистер Брок, это вы здорово придумали! — воскликнул Мастерсон. — Ура в честь мистера Брока!

Грохнуло троекратное «гип-гип-ура», и Брок довольно ухмыльнулся:

— Благодарствуйте, ребятки. Ну а теперь лучше всего немного поспать. Тут нам как будто ничего не грозит.

— Gott im Himmel! Смотрите! — Маусс, вытаращив глаза, показывал рукой в окно.

Под звуки гонгов и барабанов с Хог-стрит на площадь вливалась процессия с фонарями. Впереди шли знаменосцы и цепями прокладывали дорогу в плотной толпе. Во главе процессии шествовал неимоверно толстый человек в богатых одеждах, но босой и с непокрытой головой. Он едва переставлял ноги под весом опутывавших его цепей.

— Смерть Господня! — вырвалось у Струана. — Это же Тисэнь!

Процессия приблизилась к центру площади и здесь остановилась. В ней шли все купцы

кохонга, за исключением Жэнь-гуа. У всех с шапочек были спороты церемониальные пуговицы, свидетельствовавшие об их ранге, и все они дрожали и пошатывались. В толпе раздались издевательские выкрики и свист. Тогда командир знаменосцев, высокий чернобородый воин, ударил в огромный гонг, и толпа опять утихла.

На площадь внесли открытый паланкин, впереди и позади него ехали конные знаменосцы. В паланкине в полном церемониальном серо-алом облачении восседал императорский хоппо. Это был приземистый и толстый маньчжурский мандарин, почти без шеи. В руке он держал императорский веер слоновой кости, инкрустированный нефритом, — символ своей должности.

Паланкин хоппо поставили в центре площади, и командир знаменосцев что-то громко прокричал. Каждый человек на площади пал на колени и трижды коснулся лбом земли, потом все поднялись на ноги.

Хоппо развернул свиток и при свете фонаря, который держал один из стражников, начал читать высоким голосом.

— Что он говорит? — спросил Брок у Маусса.

— Посмотрите-ка, вон бедняга Хао-гуа, — сказал Мастерсон со смешком. — Здорово же его трясет, прямо как...

— Пожалуйста, тише! Я ничего не слышу, *hein?* — попросил Маусс. Он высунулся из окна. Все замолчали, прислушиваясь.

— Это императорский указ, — быстро заговорил Маусс. — «...и изменник Тисэнь, наш бывший родственник, подлежит немедленному закованию в цепи и отправке в нашу столицу как приговоренный к смерти, и...» Я не слышу, *hein?* Подождите минутку, «...позорный договор, именуемый соглашением Чуаньби, который он подписал без нашего повеления, аннулируется. Варварам приказывается немедленно покинуть пределы нашей империи, оставить Кантон и Гонконг под страхом немедленной и мучительной смерти, и...»

— Я прямо ушам своим не верю, — усмехнулся Роуч.

— Заткнись! Как Вольфганг может расслышать что-нибудь?

Маусс напряженно вслушивался в жуткий высокий голос, прорезавший гнетущую тишину на площади.

— Нам приказано убираться, — перевел он. — И мы должны возместить весь ущерб, нанесенный стране по нашей вине. Никакой торговли, кроме как по Восьми правилам. Королеве Виктории приказано прибыть в Кантон в трауре... что-то... что-то еще вроде того, что за наши головы назначена награда, и... «как знак нашего неудовольствия, преступник Тисэнь будет подвергнут публичному бичеванию, и все его имущество конфискуется. Да убоится этого всякий и, дрожа, подчинится!».

Командир знаменосцев приблизился к Тисэню и показал кнутом на землю. Тисэнь, белый как мел, опустился на колени, а командир поднял руку и обрушил кнут на его спину. Потом еще, еще и еще. Вся площадь замерла в молчании, был слышен лишь свист рассекающего воздух бича. Тисэнь повалился вперед, лицом вниз, а знаменосец все продолжал хлестать его.

— Я не могу в это поверить, — проговорил Мастерсон.

— Это невозможно, — сказал Маусс.

— Если они способны сделать такое с Тисэнем, клянусь распятием, они перережут нас всех!

— Чепуха! Мы можем захватить весь Китай, когда только пожелаем.

Брок захохотал.

— Что тут смешного, hein? — нетерпеливо спросил Маусс.

— Это означает, что у нас опять война на носу, — ответил Брок. — А я так скажу: вот и хорошо. — Он с издевкой посмотрел на Струана. — Ведь говорил я тебе, парень. Вот куда завело нас твоё желание заключать с отребьем договоры помягче.

— Это какая-то хитрость, — спокойно возразил Струан. Но внутри он был не менее их потрясен тем, что сейчас происходило на площади. — Тисэнь — самый богатый человек в Китае. Императору просто понадобился мальчик для битья, козел отпущения. Ну и конечно, богатство Тисэня. Это вопрос лица. Император просто сохраняет свое лицо.

— Катись ты к черту со своим лицом, парень! — Брок уже не смеялся. — Вот оно уже где сидит, твоё лицо. Договору конец, торговле конец, Гонконгу конец, тебе самому конец, а ты тут все разглагольствуешь о каком-то лице.

— Ты ошибаешься, Тайлер. Гонконг только начинается, — сказал Струан. — Многое еще только-только начинается.

— Верно. Война, к примеру, разрази меня гром!

— А если и будет война, где ты отыщешь базу для нашего флота? Макао нас не спасет, как никогда не спасал. Это часть материка, и китайцы могут захватить город в любой момент. Но наш остров — другое дело, клянусь Господом! До него им не добраться, пока там стоит наш флот. Я готов согласиться, что без Гонконганам действительно конец. Что без него мы не сможем снарядить экспедицию на север. Никогда. Не сможем защитить те порты и поселения на материке, которые появятся у нас в будущем. Слышишь, Тайлер? Гонконг — это ключ к Китаю. Без Гонконга мы связаны по рукам и ногам.

— Клянусь Создателем, я и сам знаю, что нам нужен остров-крепость! — Голос Брока загремел, перекрывая одобрителный гул, которым были встречены слова Струана. — Я просто говорю, что Гонконг не единственное место. Чушань лучше.

— Ты никогда не сможешь защищать Чушань так же успешно, как Гонконг, — с торжеством возразил Струан, понимая, что и для Брока нет пути назад, как не было его ни для кого из них. — Эта голая проклятая скала, как ты его называешь, заключает в себе все твоё чертово будущее.

— Может, да, а может, и нет, — угрюмо ответил Брок. — Поживем — увидим. Но вот уж тебя-то Гонконг ничем не порадует. Круглый холм будет моим, а тебе придет конец.

— Не будь так самоуверен. — Струан повернулся и посмотрел на площадь.

Кнут по-прежнему поднимался и опускался. Ему стало жаль Тисэня, угодившего в ловушку, которой он не мог ни избежать, ни предвидеть. Он не искал должности императорского представителя — ему приказали занять ее. Он оказался жертвой эпохи, в которой жил. Так же, как и сам Струан, и Лонгстафф, и Брок, и хоппо, и все торговцы стали безвольными пешками в игре обстоятельств теперь, когда сделан первый ход. Дальнейшее было столь же неотвратимо, как удар бича. Кантон, как и раньше, подвергнется нападению. Сначала англичане захватят укрепления на подступах к городу, после чего станут просто угрожать ему. Брать город штурмом не придется, поскольку Кантон сначала заплатит выкуп. Затем летом, когда установится ветер, — вновь на север, к устью и причалам реки Бэйхэ, и вновь император, беспомощный в тисках обстоятельств, как и все остальные, немедленно запросит мира. Договор останется, потому что он справедлив. Потом пройдут годы, и китайцы по своей воле откроют порты на материке, увидев, что британцам есть что предложить им: закон, правый суд, неприкосновенность собственности, свободу.

Ибо простые китайцы хотят того же, чего хотим мы, думал он, и нет между нами никакой разницы. Почему же нам не трудиться всем вместе ради общего блага? Может быть, со временем мы поможем китайцам выбросить из страны этих варваров-маньчжуров. Именно так все и произойдет, если будет существовать такой разумный договор, как сейчас, и если у нас достанет терпения играть с китайцами по китайским правилам и с китайской неторопливостью, ведь здесь измеряют время не днями и не годами, но поколениями. А пока что мы сможем торговать в ожидании грядущих перемен. Без торговли мир станет тем, чем был когда-то, — адом, где властвовали сильная рука и тяжелая плеть. Кроткие никогда не унаследуют землю. Да. Однако закон, по крайней мере, может защитить их и позволит им прожить свою жизнь так, как они хотят.

Когда Тисэнь получил сто ударов, знаменосцы подняли его. Кровь струилась по его лицу и шее, одеяние на спине превратилось в кровавые лохмотья. Толпа кричала и улюлюкала. Знаменосец ударил в гонг, но толпа продолжала неистовствовать, и тогда солдаты врезались в нее, рассыпая направо и налево град ударов. Раздались вопли, толпа отшатнулась и замерла в молчании.

Хоппо повелительным жестом указал на парк. Паланкин подняли, и знаменосцы двинулись впереди него, щелкая кнутами и расчищая дорогу в направлении торговцев.

— Пошли, — сказал Струан Мауссу и Брок. — Остальные пусть приготовятся на случай нападения. — Он выбежал в парк, Маусс и Брок следовали за ним по пятам.

— Ты что, умом тронулся? — спросил Брок на ходу.

— Нет.

Они напряженно наблюдали, как толпа раздвинулась и у ворот парка появились знаменосцы. Хоппо остался сидеть в паланкине, с высокомерным видом прокричав что-то в их сторону.

— Он приказывает вам подойти и взять копию указа, мистер Струан, — перевел Маусс.

— Скажи ему, что мы не одеты в подходящие случаю одежды. Такое важное дело требует большой торжественности, нужно придать ему величия и достоинства, которых оно заслуживает.

На лице хоппо появилось озадаченное выражение. Через секунду он заговорил снова.

— Он говорит: «Варвары не имеют торжественных обычаев и не заслуживают даже презрения. Однако Сын Неба простирает свою милость на всех, кто трепещет перед ним. Депутация должна прибыть в мой дворец сегодня утром в час змеи».

— Сколько это будет по-нашему, дьявол его побери? — спросил Брок.

— Семь утра, — пояснил Маусс.

— Мы не собираемся совать голову в их вонючий капкан. Скажи ему, пусть проваливается к черту.

— Скажи ему, — начал Струан, — что в соответствии с Восемью правилами нам не разрешается лично встречаться с высоким хоппо, но мы должны получать документы через кохонг здесь в поселении. Час змеи не дает нам достаточно времени. — Он поднял голову: небо начинало бледнеть на востоке. — Когда будет одиннадцать часов ночи?

— В час крысы, — ответил Маусс.

— Скажи ему, что мы примем документ от кохонга здесь в поселении с должной церемонией в час крысы. *Завтра* вечером.

— «Должная церемония» — это ты ловко ввернул, Дирк, — одобрил Брок. — Времени будет достаточно, чтобы приготовить им приветствие по всей форме!

Маусс выслушал ответ хоппо.

— Он говорит, что кохонг доставит указ в час змеи — это девять часов утра — сегодня. И все британские варвары должны покинуть поселение к часу овцы — это час пополудни — сегодня же.

— Скажи ему, что до часа пополудни осталось слишком мало времени. В час овцы завтра.

— Он говорит, что мы должны уйти в три часа дня сегодня — это час обезьяны — и что до этого времени нам ничего не грозит и мы можем уехать беспрепятственно.

— Скажи ему: в час обезьяны завтра.

Хоппо ответил Мауссу и выкрикнул приказ. Паланкин тут же подняли, и процессия стала выстраиваться в том же порядке, в каком прибыла на площадь.

— Он сказал, что мы должны уйти сегодня. В час обезьяны. В три часа дня сегодня.

— Передай ему, чтобы шел в ад! — в бешенстве крикнул Струан.

Процессия уже направлялась к Хог-стрит. Один из знаменосцев толчком поставил Тисэня позади паланкина и принялся подгонять его плетью, когда тот, тяжело волоча ноги, двинулся вслед за ним. Еще больше солдат навалилось на толпу, которая начала быстро редеть. Оставшиеся на площади знаменосцы разделились на два отряда. Один придвинулся ближе к фактории, отрезав ее от Хог-стрит, другой расположился к западу от нее. Фактория оказалась окруженной.

— Почему ты так настаивал на отсрочке? — спросил Брок.

— Обычный прием при ведении переговоров.

— Ты прекрасно знаешь: после того, что случилось с Тисэнем, добиваться отсрочки — значит добиваться большего, чем стоит жизнь хоппо! Что такого важного заключается в том, чтобы переночевать здесь еще одну ночь, а? Большинство из нас все равно собирались уезжать сегодня. Чтобы успеть на распродажу.

Господь всеблагий и милосердный, мысленно взывал Струан, понимая, что Брок прав. Как я теперь смогу дождаться лорчи с серебром?

— Ну? — настаивал Брок.

— Нет никакой причины.

— Что-то ты темнишь, парень, — покачал головой Брок, входя в дверь фактории.

Ровно в час змеи под гром барабанов и гонгов купцы кохонга в полном составе появились на площади в сопровождении пятидесяти знаменосцев. Оставленные для охраны площади солдаты пропустили их и снова сомкнули ряды. Жэнь-гуа отсутствовал и на этот раз.

Но Хао-гуа, его сын и ведущий купец кохонга, был на месте. Хао-гуа, круглый человек средних лет, всегда улыбался. Но сегодня на его покрытом потом лице не было и тени улыбки. Он так дрожал от ужаса, что едва не уронил аккуратно свернутый императорский указ, перевязанный алой лентой. Остальные купцы выглядели напуганными не меньше его.

Струан и Брок ожидали их в парке. Они надели свои лучшие сюртуки, белые галстуки и цилиндры. Струан был свежевыбрит, а Брок дал расчесать свою бороду. Оба вставили в петлицу по яркому цветку. Они сознавали, что эта церемония поднимала их престиж и заставляла хоппо терять лицо.

— Все правильно, ребята, — с хриплым смехом говорил Брок часом раньше. — Струан и я, мы выйдем и заберем у них этот чертов указ, и если мы не отнесемся к этому с

подобающей серьезностью, они еще, чего доброго, возьмут да и поджарят нас, как крыс в крысоловке, не дожидаясь назначенного ими же часа. С них станется. Поэтому сделайте все, в точности как сказал Струан.

Купцы и сопровождающие их солдаты остановились у ворот. Маусс открыл их, и Струан и Брок подошли и встали в проходе. Знаменосцы впились в них взглядами. Струана и Брока не покидало мрачное сознание того, что за их головы все еще назначена награда, но страха они не испытывали, зная, что сейчас их прикрывают десятки ружей за окнами фактории позади них и пушка на лорче Брока, стоящей на середине реки.

Начальник отряда что-то проговорил, горячась и тыча в них собранной в кольцо плетью.
— Он говорит, выходите и берите указ, — перевел Маусс.

Струан в ответ лишь приподнял шляпу, протянул руку и не двинулся с места, словно врос в землю.

— Хоппо сказал, что указ должен быть вручен. Вручайте его. — Он продолжал держать руку перед собой.

Маусс передал его слова, и затем, после нескольких мгновений тревожного ожидания, знаменосец обрушил поток проклятий на Хао-гуа, и тот заторопился вперед и отдал свиток Струану.

В ту же минуту Струан, Брок и Маусс сняли свои цилиндры и прокричали во весь голос: «Боже, храни королеву!» По этому сигналу Горт поджег фитили у шутих и швырнул их в парк. Купцы кохонга отпрянули назад, а знаменосцы натянули луки и схватились за мечи, но Струан и Брок с торжественными, величавыми лицами стояли совершенно неподвижно, держа головные уборы в воздухе.

Взрывающиеся шутихи наполнили парк дымом. Когда их треск прекратился, Маусс, Струан и Брок, к ужасу всего кохонга, крикнули: «К чертям всех маньчжуров!» — а из фактории донеслось звучное троекратное «гип-гип-ура».

Командир отряда шагнул вперед и что-то сердито протараторил Мауссу.

— Он спрашивает, что все это значит, тайпан.

— Ответь ему в точности так, как я тебе говорил. — Струан поймал взгляд Хао-гуа и незаметно подмигнул ему, зная о его ненависти к маньчжурам.

Маусс звенящим голосом громко произнес на безукоризненном мандаринском наречии:

— Таков наш обычай для особо важных церемоний. Не каждый день нам выпадает счастье получать столь драгоценный документ.

Знаменосец коротко выругался в его адрес и приказал кохонгу возвращаться. Купцы ушли, но теперь их шаг стал тверже.

Брок захохотал. Громкий смех прокатился по всей фактории и эхом отозвался в дальнем конце площади, где располагалась фактория американцев. Кто-то просунул в одно из окон британский флаг и храбро замахал им.

— Ну что ж, теперь пора готовиться к отъезду, — сказал Брок и, довольный, улыбнулся. — Здорово получилось, что и говорить.

Струан не ответил. Он перебросил свиток Мауссу со словами: «Сделай мне точный перевод, Вольфганг» — и поднялся в свои апартаменты.

А Гип с поклоном впустила его и опять принялась колдовать над кухонными горшками и кастрюлями. Мэй-мэй одетая лежала на кровати.

— В чем дело, Мэй-мэй?

Она исподлобья посмотрела на него, задрала платье и показала ему посиневшие

ягодицы.

— Вот в чем дело! — выпалила она с притворным гневом. — Посмотри, что ты наделал, зверь, варвар, вайгуй. Теперь я должна либо стоять, либо лежать на животе.

— Должна лежать на животе, — поправил ее Струан, падая в кресло.

Мэй-мэй одернула платье и осторожно слезла с кровати:

— Почему ты не смеешься? Я думала, это тебя развеселит.

— Извини, девочка. Конечно, в другой раз я бы так и сделал. Но сейчас мне нужно о многом подумать.

— О чем о многом?

Он махнул рукой А Гип: «Ты уходить, хейа, ясно?» — и запер за ней дверь на задвижку. Мэй-мэй опустилась на колени рядом с дымящимся горшком и палочкой помешала его содержимое.

— Мы должны уехать отсюда в три часа пополудни, — заговорил Струан. — Скажем, ты вдруг захотела бы остаться. Здесь, на территории поселения. До завтра. Что бы ты сделала?

— Спряталась, — тут же ответила она. — На этом... как вы говорите... маленькая комната рядом с крышей.

— Чердак?

— Да. На чердаке. Почему ты хочешь остаться?

— Как ты полагаешь, факторию станут обыскивать, когда мы уедем?

— Зачем оставаться? Очень неразумно оставаться.

— Как ты думаешь, знаменосцы станут пересчитывать нас на причале?

— Это чертово отродье и считать-то не умеет. — Она шумно отхаркалась и сплюнула в огонь.

— Прекрати плевать!

— Я много раз говорила тебе, тайпан, что это очень важный, очень мудрый китайский обычай, — с полной серьезностью проговорила она. — В горле всегда бывает яд. Человек становится больным, если его не отхаркивает. Это очень разумно — его отхаркивать. Чем громче отхаркивание, тем сильнее пугается божество ядовитой слюны.

— Все это ерунда. К тому же это отвратительная привычка.

— Ай-йа! — нетерпеливо воскликнула она. — Ты разве не понимаешь по-английски? Иногда я спрашиваю себя, зачем я беру себе весь этот труд объяснять тебе столько цивилизованных китайских мудростей. Зачем нам нужно здесь прятаться? Опасно оставаться, когда другие уедут. Будет большая опасность, если знаменосцы увидят меня. Нам понадобится охрана. Зачем мы должны прятаться?

Он рассказал ей о лорче. И о серебряных слитках.

— Ты должен очень мне доверять, если решился рассказать такое, — произнесла она с большой серьезностью.

— Да.

— Что ты должен дать Жэнь-гуа взамен?

— Торговые уступки.

— Разумеется. Но что еще?

— Только торговые уступки.

Она замолчала.

— Жэнь-гуа — умный человек. Он не захочет одних лишь торговых уступок, — заговорила она задумчиво после недолгой паузы. — Каких только уступок ни потребовала бы

я, будь я Жэнь-гуа! На все ты должен согласиться. На все.

— И чего бы ты пожелала?

Она молча посмотрела на языки пламени в камине и подумала, что сказал бы Струан, если бы узнал, что она внучка Жэнь-гуа — вторая дочь пятой жены его старшего сына Хао-гуа. И она опять спросила себя, почему ей запретили рассказывать об этом Струану — запретили под страхом исключения ее имени из родовых списков навечно. Странно, в который раз подивилась она этому запрету. И задрожала при мысли о том, что может быть отлучена от семьи, поскольку это означало бы, что не только она, но и ее дети, и дети их детей, и их внуки отпадут от главного ствола и тем самым лишатся той взаимной поддержки и защиты, которая связывает кровных родственников и является краеугольным камнем китайского общества. Камнем вечным, неподвластным разрушительной силе времени. Ибо пять тысячелетий развития и постоянного поиска научили этот народ, что лишь одно в мире людей имеет непреходящую ценность, служит каждому безопасным прибежищем и достойно сохранения — семья.

И она задумалась, какова же подлинная причина, по которой ее отдали Струану.

— Вторая дочь пятой матери, — сказал ей Хао-гуа в день ее пятнадцатилетия, — мой достойнейший отец решил оказать тебе великую честь. Ты будешь отдана тайпану всех варваров.

Это известие повергло ее в ужас. Ни разу в жизни она не видела ни одного варвара, и они представлялись ей грязными, отвратительными пожирателями людей. Она расплакалась, умоляя отца сжалиться над ней, а потом ей тайком показали Струана, когда тот приходил к Жэнь-гуа.

Светловолосый гигант напугал ее, но она, по крайней мере, могла убедиться, что он не обезьяна. Однако и после этого она продолжала молить родителя отдать ее замуж за китайца.

Но Хао-гуа был непреклонен и поставил ее перед выбором:

— Подчинись или покинь этот дом и будь изгнана из семьи навсегда.

Поэтому Мэй-мэй переехала в Макао и поселилась в доме Струана. Ей было приказано доставлять ему удовольствие и радость. А также выучить язык варваров. И обучить тайпана китайским обычаям, но так, чтобы сам он и не догадывался, что его учат.

Раз в год Жэнь-гуа и ее отец присылали кого-нибудь с новостями о семье и узнавали, насколько она продвинулась в том, что ей поручено.

Все это очень странно, думала Мэй-мэй. Конечно же, меня послали сюда не для того, чтобы шпионить за Струаном, а для того, чтобы стать его наложницей. И конечно же, ни отец, ни дедушка не стали бы этого делать с легким сердцем, ведь она была их крови. Разве не считалась она любимой внучкой Жэнь-гуа?

— Так много серебра, — проговорила Мэй-мэй, избегая ответа на его вопрос. — Так много — это ужасно большой соблазн. Огромный. И все в одном месте: одна лишь попытка — нападение, кража — и двадцать, сорок поколений никогда не узнают, что такое бедность.

Какой же я была дурочкой, что боялась тайпана. Он такой же мужчина, как любой другой. И он мой господин. Очень-очень мужчина. А я скоро стану тайтай. Наконец-то, после стольких лет. И тогда у меня наконец-то будет лицо.

Она низко поклонилась:

— Ты оказал мне большую честь тем, что доверился мне. Я буду вечно благословлять твой йосс, тайпан. Твой дар велик, ты даешь мне так много лица. Потому что любой на моем месте постарался бы украсть такое богатство. Любой.

— Как бы ты взялась за это дело?

— Послала бы А Гип к хоппо, — не задумываясь, ответила она и опять помешала мясо в горшке. — Если пообещать ему пятьдесят процентов, он забудет даже об императоре. Он позволит тебе остаться — тайно, если ты пожелаешь, — пока не прибудет лорча. Когда он убедится, что это та самая лорча, он позволит тебе так же тайно проникнуть на нее и перехватит где-нибудь ниже по реке. И перережет тебе горло. Но потом он отнимет у меня мою долю, и мне придется стать его женщиной. Мерзкое черепашьё дерьмо! За весь чай Китая я не лягу в постель с этой развратной свиньей. У него ужасно гнусные повадки. Ты знаешь, что он почти не мужчина?

— Что? — переспросил Струан, занятый своими мыслями.

— Это всем известно. — Она осторожно попробовала тушеное мясо и добавила немного соевого соуса. — Ему теперь нужны две девушки сразу. Пока одна занимается делом, другой приходится играть с ним. Потом, опять же, у него такой маленький член, что он надевает на себя всякие штуки, огромные штуки.

— Прекратишь ли ты наконец нести околесицу?

— Что такое «околесица»? — спросила Мэй-мэй.

— Ерунда.

— Ха, это не ерунда! Все знают. — Она тряхнула головой, и гладкие струи ее волос заиграли при этом движении. — Я тебя совсем не понимаю, тайпан. У тебя такой шок, когда я говорю об очень обычных вещах. Многие используют разные штуки, чтобы лучше любить. Очень важно это улучшать, если можешь. Кушать правильную пищу, пользоваться правильными лекарствами. Если у тебя маленький член, ай-йа, разве плохо улучшить свой йосс и доставить своей девушке больше удовольствия? Но только не так, как делает эта грязная свинья! Он просто хочет, чтобы было больно.

— Хватит болтать, женщина!

Она перестала помешивать мясо и посмотрела на него. Ее брови чуть заметно нахмурились.

— Все европейцы такие, как ты, тайпан? Не любят говорить открыто про мужчин и женщин, хейа?

— О некоторых вещах у нас просто не принято говорить, вот и все.

Она покачала головой:

— Это неправильно. Говорить хорошо — полезно. Как же иначе можно стать лучше? Мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина. У тебя же не бывает шок, когда ты говоришь о пище! Зачем же так сердиться, а? Делать любовь и есть пища, можешь не беспокоиться. — Ее глаза озорно прищурились, и она оглядела его сверху донизу. — Хейа, все масса делать джиг-джиг, как твоя, одинаково, хейа?

— А все китайские девушки такие же, как ты, хейа?

— Да, — спокойно ответила она. — Большинство. Как я, но только не такие хорошие. Я надеюсь. — Она рассмеялась. — По-моему, ты очень особенный. Я тоже особенная.

— И скромная к тому же.

— Чума на такую скромность. Я просто откровенна, тайпан. Все китайцы — очень откровенные люди. Почему я должна принижать свои достоинства? И твои? Я доставляю тебе радость и сама получаю огромное удовольствие. Глупо притворяться, что это не так.

Она заглянула в горшок, палочками достала оттуда кусочек мяса и попробовала его. Затем сняла горшок с огня и поставила тут же рядом, чтобы не остыл. Отперев дверь, она

что-то прошептала А Гип. Та кивнула и выскользнула из комнаты. Мэй-мэй вернулась к огню.

— Куда она ушла?

— Искать место, где можно спрятаться.

— Я сам займусь этим.

— У нее лучше получится. Сейчас мы поедим, а потом ты решишь насчет Брока.

— А что с ним надо решать?

— Он ведь не даст тебе просто так остаться и спрятаться, хейя?

— Я уже решил, как с ним поступить. — Струан улыбнулся так широко, что все его лицо покрылось морщинками. — Ты очень-очень особенная, Мэй-мэй.

— Достаточно особенная, чтобы ты сделал меня тайтай? Своей главной госпожой, по обычаям твоей страны?

— На это я дам тебе ответ, когда успешно завершу три дела.

— Какие три дела?

— Первое — доставлю серебряные слитки на «Китайское облако» в целости и сохранности.

— Дальше?

— Второе — добьюсь, чтобы Гонконг стал нашим по-настоящему и навсегда.

— И последнее?

— Еще не знаю точно. В отношении третьего дела тебе придется запастись терпением.

— С первыми двумя я тебе помогу. Как будет с последним, не знаю. Я китаянка, а китайцы очень терпеливые люди. Но не забывай, что я еще и женщина.

— Буду помнить, — произнес он после продолжительного молчания.

Глава 8

Струан сидел в своем рабочем кабинете на первом этаже и писал письмо Роббу. Было почти два часа пополудни. Торговцы вместе со своими клерками, носильщиками и слугами перетаскивали вещи из факторий на лорчи. Хоппо отменил приказ, отзывавший из поселения всех слуг. Слугам и носильщикам разрешалось исполнять свои обязанности до часа обезьяны — трех часов дня, — к этому времени все европейцы должны были покинуть Кантон. Знаменосцы по-прежнему оставались на площади, отрезая англичан от американской фактории.

Струан закончил писать, поставил на листе под посланием свою личную печать, которой пользовался лишь в исключительных случаях, и капнул на письмо воском, прижав к нему перстень с печаткой. В письме он сообщал Роббу, что беспокоиться не о чем и что он привезет на Гонконг хорошие вести, добавив, что, если сам он опоздает, Робб должен вместо него пойти на распродажу и приобрести все участки, которые они заранее подобрали для компании. И купить круглый холм, чего бы это ни стоило. Сколько бы Брок ни давал, Робб должен предложить на доллар больше.

Струан откинулся на спинку кресла, потер глаза, прогоняя усталость, и начал заново, шаг за шагом, перепроверять свой план, пытаясь отыскать в нем слабые звенья. Как и в любом плане, успех которого во многом зависит от реакции других людей, Струан, готовясь осуществить свой замысел, тоже в какой-то степени полагался на удачу — предусмотреть все

было невозможно. Но он чувствовал, что флюгер его йосса опять показывает в ту сторону, где судьба неизменно хранила его и все получалось именно так, как ему хотелось.

Высокие напольные часы пробили дважды. Струан встал из-за резного тикового стола и подошел к слугам, которые непрерывно сновали взад-вперед между факторией и причалом под надзором португальских клерков.

— Мы почти закончили, мистер Струан, — сказал Мануэл де Варгаш, престарелый седовласый португалец, державшийся всегда с большим достоинством. Он служил Благородному Дому уже одиннадцать лет и являлся старшим клерком. До этого он владел собственной компанией с главной конторой в Макао, но не выдержал конкуренции с британскими и американскими коммерсантами. Он не держал на них зла. То была воля Господа, сказал он тогда без всякой ненависти, взял с собой жену, собрал детей и отправился слушать мессу, после чего возблагодарил Мадонну за все, чем она благословила его. Он был таким же, как и огромное большинство других португальцев, — верным, спокойным, всегда довольным своей судьбой, неспешным в мыслях и поступках. — Можем отправляться, как только прикажете, — устало произнес он.

— Вы хорошо себя чувствуете, Варгаш?

— Небольшая лихорадка, сеньор. Но как только мы обоснуемся на новом месте, со мной опять все будет в порядке. — Варгаш покачал головой. — Скверно это — бесконечно переезжать с места на место. — Он что-то резко выговорил на кантонском наречии носильщику, сгибавшемуся под тяжестью конторских книг, и показал рукой на лорчу. — Это последние книги, мистер Струан.

— Хорошо.

— Печальный сегодня день, печальный. Ходит много плохих слухов. Некоторые совсем глупые.

— Что за слухи?

— Говорят, что нас всех перехватят по дороге и убьют. Что Макао собираются уничтожить, а нас изгнать с Востока раз и навсегда. Ну и обычные разговоры о том, что мы вернемся через месяц и торговля пойдет лучше, чем когда-либо. Некоторые даже утверждают, что где-то в Кантоне спрятаны сорок лаков серебра.

Улыбка Струана осталась все такой же снисходительной и безмятежной.

— Да столько лаков не наберется во всем Квантуне!

— Разумеется. Глупость, конечно, но пересказывать ее занятно. Считают, что это серебро собрали купцы кохонга в подарок императору, чтобы умиловить его.

— Чушь!

— Конечно чушь. Нет в Кантоне такого человека, который осмелился бы держать столько серебра в одном месте. Все бандиты Китая слетелись бы сюда как мухи на мед.

— Возьмите вот это письмо и передайте его мистеру Роббу, из рук в руки. Сразу, как только увидите с ним. Затем немедленно отправляйтесь в Макао. Я хочу, чтобы вы набрали группы строительных рабочих. Они понадобятся мне на Гонконге через две недели, считая от сегодняшнего дня. Пятьсот человек.

— Да, сеньор. — Варгаш вздохнул и подумал, сколько еще ему придется притворяться. Все мы знаем, что Благородному Дому пришел конец. Пятьсот человек? Зачем нам люди, когда нет денег, чтобы купить землю? — Это будет трудно, сеньор.

— Через две недели, — повторил Струан.

— Найти хороших работников будет нелегко, — вежливо настаивал Варгаш. —

Торговцев много, строители пойдут нарасхват. К тому же императорский указ отменил мирный договор. Может быть, они вообще откажутся работать на Гонконге.

— Хорошая плата заставит их передумать. Мне нужны пятьсот человек. Лучшие из лучших. Платите вдвое, если понадобится.

— Да, сеньор.

— Если у нас не окажется денег, чтобы заплатить им, — добавил Струан с мягкой усмешкой, — вам хорошо заплатит Брок. Для беспокойства нет причин.

— Я пекусь не о плате за свой труд, — ответил Варгаш с большим достоинством. — Я тревожусь за благополучие компании. Я бы не хотел, чтобы Благородный Дом прекратил свое существование.

— Да, я знаю. Вы хорошо служили мне, Варгаш, и я ценю это. А теперь забирайте с собой всех клерков. Я поплыву с Мауссом и моими людьми.

— Мне запереть факторию или это сделаете вы?

— Заприте сами, когда все клерки будут на борту.

— Очень хорошо. Господь да хранит вас, сеньор!

— И вас также, Варгаш.

Струан прошел через площадь. Вокруг него сновали люди, переноса последние кипы, ящики, узлы на тяжело груженные лорчи, расположившиеся одна позади другой вдоль всего причала. Впереди на причале он заметил Брока и Горта, которые безжалостно погоняли своих надрывающихся матросов и клерков. Кое-кто из торговцев уже отчалил, и Струан приветственно махнул рукой какой-то лорче, уходящей вниз по течению. У другого берега за их отправлением наблюдали танка, громко предлагая торговцам свои сампаны, чтобы вывести лорчи на стремнину: направление ветра затрудняло маневрирование и отходить от причала было неудобно.

Лорча Струана имела две мачты и вместительный корпус длиной сорок футов. Маусс уже стоял на полуяте.

— Все как будто утихло, тайпан. Ходят слухи, что хоппо захватил дом Тисэня. В нем оказалось пятьдесят лаков серебряных слитков.

— Ну и что?

— Ничего, тайпан. Слухи, hein? — Маусс выглядел усталым. — Вся моя паства разбежалась.

— Они вернутся, не переживай. И тебе еще многих предстоит обратить на Гонконге, — сказал Струан, испытывая к нему сострадание.

— Гонконг теперь наша единственная надежда, не так ли?

— Да. — Струан двинулся вдоль причала. Он заметил, как из американской фактории выскользнул высокий носильщик, тут же растворившийся в людском муравейнике на площади. Струан повернул в ту же сторону.

— Хейа, сто твоя янки делать мозна? — крикнул он этому кули, отыскав его в толпе глазами.

— Черт вас возьми, тайпан, — ответил из-под соломенной шляпы носильщика голос Купера. — Неужели мой наряд так плох?

— Вас выдал ваш рост, дружище.

— Просто хотел пожелать вам попутного ветра. Бог знает, когда мы с вами снова свидимся. Конечно, у вас еще есть ваши тридцать дней.

— Но вы не думаете, что от них будет какая-то польза?

— Это я узнаю через месяц с небольшим.

— А тем временем купите для нас восемь миллионов фунтов чая.

— А чем платить, тайпан?

— Чем вы обычно платите за чай?

— Разумеется, мы ваши агенты. В течение следующих тридцати дней. Но я не могу что-то покупать для вас, не имея серебра.

— Вы продали весь свой хлопок?

— Нет еще.

— Тогда поторопитесь с продажей.

— Почему?

— Возможно, у рынка окажется выбитым дно.

— Если это так, то прощай наша «Независимость».

— Было бы жаль распрощаться с нею, не правда ли?

— Надеюсь, вы как-нибудь договоритесь с Брокком. И постройте свое «Независимое облако». Я хочу испытать удовлетворение, побив вас лично.

— Становись в очередь, парень, — добродушно усмехнулся Струан. — Будьте готовы покупать для нас много и быстро. Я дам вам знать когда.

— Без вас Восток будет уже не тем, тайпан. Если вы уйдете, мы все немножко потеряем.

— Может быть, в конце концов я все-таки и не уйду.

— Одна моя половина жаждет в дальнейшем обходиться без вас. Вы первый среди всех нас владели слишком большим куском того сладкого пирога, который представляет собой здешний рынок. Владели чересчур долго. Пришло время открывать моря.

— Открывать для американских кораблей?

— И для других тоже. Но не на британских условиях.

— Морями мы будем править всегда, дружище. Это наш долг. Вы — сельскохозяйственная страна. Мы — промышленники. Эти моря нужны нам.

— Когда-нибудь они станут нашими.

— Возможно, к тому времени они уже перестанут быть нам нужны. Потому что мы будем править небесами.

— Не забывайте о нашем споре, — усмехнулся Купер.

— Кстати, вы мне напомнили. Несколько дней назад я получил письмо от Аристотеля. Он попросил у меня взаймы, чтобы пересидеть вынужденное бездействие, поскольку тот упоительный заказ приходится отложить до лета, на холоде у нее появляется гусиная кожа. Так что времени у нас достаточно, чтобы загнать эту лисичку в нору — или, может быть, в постель?

— Это кто угодно, но не Шевон. У нее в жилах ледяная вода, а не кровь.

— Она что, опять отказала вам?

— Да. Может быть, вы замолвите за меня словечко?

— Нет уж, в таких переговорах я не посредник!

Через плечо Струана Купер увидел, что к ним приближаются Брок и Горт.

— Если бы оба Брока сейчас не добрались до Гонконга, вы бы получили как раз то время, которое вам нужно. Так?

— Вы предлагаете мне слегка подзаняться убийствами?

— Это было бы не слегка. Это было бы очень и очень серьезно, тайпан. Доброе утро, мистер Брок.

— Я так и подумал, что это вы, мистер Купер, — с веселым видом заметил Брок. — Очень любезно с вашей стороны прийти проводить нас. — Он повернулся к Струану. — Ты отплываешь сейчас?

— Да. Я хочу предоставить Горту возможность любоваться кормой моего корабля до самого Вампоа. А потом, на «Китайском облаке», — до самого Гонконга. Как обычно.

— Единственной кормой, которую вы мне покажете, будет ваша собственная через шесть дней, когда вас швырнут в долговую яму, где вам и место, — набычившись, проговорил Горт.

— До самого Гонконга, Горт. Правда, нет никакой радости соревноваться с вами. Как мореход вы не годитесь даже грести на лодке.

— Клянусь Богом, я лучше вас!

— Полно, если бы не ваш отец, вы были бы посмешищем всей Азии...

— Клянусь Богом, ты, су...

— Придержи язык! — рявкнул Брок. Он знал, что Струан будет в восторге, если его публично назовут сукиным сыном, потому что тогда у него будет полное право вызвать Горту на дуэль. — Зачем задира́ть парня, а?

— Я не задираю его, Тайлер. Просто говорю все как есть. А тебе не мешало бы научить его кое-каким манерам, а заодно и мореходству.

Брок сдержал свой гнев. Горту пока еще не справиться со Струаном. Пока. Через год-другой, когда парень станет хитрее и опытнее, — другое дело. Но не сейчас, клянусь Господом! Да и недостойно это англичанина — топтать противника, беспомощно лежащего на спине. Как проклятый Струан сейчас.

— Дружеское пари. Ставлю сто гиней, что мой мальчик обойдет вас. Первым коснется флагштока на Гонконге.

— Двадцать тысяч гиней. И его деньги, не твои, — предложил Струан, насмешливо глядя на Горту.

— Откуда у вас взяться таким деньгам, тайпан? — презрительно бросил Горт, и у Брока все вскипело внутри: Боже, какой глупец.

— Это всего лишь шутка, Дирк, ничего больше, — быстро сказал он. — Пусть будет двадцать тысяч, как ты говоришь.

— Что ж, шутка так шутка. Если ты за это ручаешься, Тайлер. — Внешне Струан оставался холоден, но душу его переполняло ликование.

Они клюнули на его наживку! Теперь Брок и Горт понесутся на Гонконг, забыв обо всем на свете: двадцать тысяч гиней — нешуточное состояние, но это ничто по сравнению с сорока лаками серебра на борту «Китайского облака». Итак, Брока он благополучно убрал с дороги. Однако игра получилась довольно опасной. Горт едва не зашел слишком далеко, и тогда пришлось бы пролить кровь. Убить Горту — пара пустяков.

Струан протянул руку Куперу:

— Помните, у меня еще тридцать дней. — Они пожали друг другу руки. Струан посмотрел на Горту. — Флагшток на Гонконге! Приятного путешествия, Тайлер! — Он бросился к своей лорче, которая уже отошла от причала, сампаны тащили ее за нос, выводя на середину реки.

Струан прыгнул на планшир, повернулся и насмешливо помахал им рукой, потом исчез внизу.

— Надеюсь, вы извините нас, мистер Купер, — торопливо сказал Брок, беря Горту за

руку. — Мы вас разыщем! — Он подтолкнул Горту к их лорче. На полуяте он яростно швырнул его к фальшборту и, подступив вплотную, разразился: — Ах ты, чертов полудурок, безмозглая корабельная крыса! Ты что, хочешь, чтобы твое дурацкое горло располосовали от уха до уха? В этих водах закон один: если ты называешь человека сукиным сыном, ты должен драться. Попробуй назвать его так — и он будет вправе убить тебя! — Тыльной стороной ладони он наотмашь ударил Горту по лицу, так что у того изо рта побежала струйка крови. — Я пятьдесят раз предупреждал тебя, чтобы ты остерегался этого дьявола. Уж если я остерегаюсь его, клянусь Господом, тебе и подавно пристало!

— Я могу убить его, отец, я знаю, что могу!

— А я тебе пятьдесят раз говорил, будь с ним вежлив. Он только и ждет, как бы тебя подрезать, дурень ты несчастный. И будь спокоен, у него получится. С этим дьяволом ты будешь драться только один-единственный раз! Понятно?

— Да. — Горт почувствовал во рту вкус крови, и это сделало его еще злее.

— В другой раз я не стану вмешиваться, помирай, если охота, недоумок. И запомни еще одно: никогда не задирай человека, который проиграл тебе деньги и вроде как твой должник. И не пинай его в пах, когда он лежит у твоих ног избитый и беспомощный. Это не по правилам!

— К чертям правила!

Брок ударил его еще раз:

— Броки чтят кодекс чести. Все в открытую. Один на один. Пойдешь против этого — и твоему партнерству в компании «Брок и сыновья» конец.

Горт вытер кровь с подбородка:

— Не бей меня больше! — (Брок почувствовал ярость, звеневшую в голосе сына, и его лицо потемнело и стало жестоким.) — Не надо, отец. Клянусь Господом нашим Иисусом Христом, в следующий раз я отвечу! — Горт стоял, широко расставив ноги, сжав гранитные кулаки. — Сегодня ты ударил меня в последний раз. Ударишь меня снова, и я не остановлюсь ни перед чем. Господом Иисусом клянусь, ты ударил меня в последний раз!

Вены на шее Брока вздулись и почернели, когда его огромная фигура грозно надвинулась на сына — уже не сына, а врага. Нет, не врага. Все-таки сына, который просто перестал быть юнцом. Сына, который бросил вызов отцу, как делают рано или поздно все сыновья.

И Брок, и Горт понимали, что если сейчас между ними вспыхнет ссора, то прольется кровь, и за этим последует изгнание из семьи. Ни отец, ни сын не хотели этого, но оба знали, что, если такое случится, они до конца жизни останутся кровными врагами.

Брок ненавидел Горту в эту минуту за то, что тот заставил отца почувствовать свой возраст. И любил его за то, что он не испугался и восстал против него, хотя не мог не понимать, что ему никогда не сравняться с отцом в искусстве ведения смертельного поединка.

— Тебе лучше поторопиться на Гонконг.

Горт с усилием разжал кулаки.

— Да, — хрипло сказал он. — Но тебе лучше поскорее покончить с этим ублюдком, если ты взаправду собираешься это сделать. Иначе в следующий раз я сделаю это сам и по-своему. — Он в упор посмотрел на боцмана. — Какого дьявола ты тут стоишь, чертово отродье?! За дело, шевелись!

Горт вытер кровь с губ и сплюнул за борт. Но сердце его продолжало тяжело стучать, и он пожалел, что третьего удара не последовало. Я был готов, клянусь Богом! И я смог бы

одолеть его, как могу одолеть этого зеленоглазого сукина сына. Я знаю, что могу.

— Каким курсом мы пойдём, отец? — спросил он, потому что можно было выбрать много разных путей. Подходы к Кантону по реке представляли собой настоящий лабиринт из больших и малых островов и многочисленных протоков.

— Ты сам заварил эту кашу. Сам и прокладывай курс. — Брок отошел к левому фальшборту.

Тайлер чувствовал себя очень старым и очень-очень усталым. Ему вспомнился его отец, который был кузнецом, вспомнилось, как мальчишкой он должен был терпеть побои, выслушивать поучения, скрывать обиду и делать что велят, пока — в тот день ему как раз исполнилось пятнадцать — боль и ярость не прорвались наружу и не застлали ему глаза кровавой пеленой. Когда пелена спала и его взгляд очистился, он увидел, что стоит, все еще сжимая кулаки, над неподвижным телом своего отца.

Господи, подумал он, это едва не случилось. Слава Богу, что мне не пришлось драться с ним по-настоящему. Я не хочу терять сына.

— Оставь Дирка Струана в покое, Горт, — сказал он, и его голос уже не был таким грубым и жестким.

Горт ничего не ответил. Брок потерял пустую глазницу и опять прикрыл ее повязкой. Он смотрел на лорчу Струана. Она была уже на середине реки, самого Струана нигде не было видно. Сампан развернул нос лорчи по течению и быстро переместился к другому борту. Несколько человек из команды Струана ухватились за веревки и, покрикивая хором в такт своим усилиям, подняли паруса. Сампан повернул назад к лорче Варгаша, стоявшей у причала.

Что-то не похоже на Дирка, задумался Брок. Как-то уж слишком поспешно он отбыл. Нет, совсем не похоже. Брок оглянулся на причал и увидел, что Варгаш и все клерки Струана еще там, рядом с пришвартованной лорчой. Вот уж действительно, никогда за Дирком такого не водилось: покидать поселение раньше своих клерков. Станные, странные вещи вытворяет Дирк в последнее время. Н-да.

Струан прятался в кабине сампана. Когда лодка проходила под носом лорчи Варгаша, он пониже надвинул широкую шляпу кули и подпернул на себе стеганую китайскую куртку. Владелец сампана и его семья, казалось, не замечали его. Им хорошо заплатили, чтобы они ничего не видели и не слышали.

План, который они разработали вместе с Мауссом, представлялся ему при данных обстоятельствах самым надежным. Он приказал Мауссу как можно быстрее добраться до «Китайского облака», стоявшего на якоре у острова Вампоа в тринадцати милях от поселения. Маусс должен был пройти туда коротким северным путем и передать капитану Орлову распоряжение поднять все паруса, спуститься по реке к дальнему концу острова, там повернуть, обогнуть остров и вернуться южным рукавом вверх по течению в направлении Кантона. Весь этот маневр должен был остаться незамеченным для Брока — Струан предупредил Маусса, что это его важнейшее условие. Сам Струан тем временем дожидается лорчи с серебром, потом отправится вниз по реке длинным путем и через хитросплетение протоков незаметно проскользнет к южной стороне острова, где клипер и будет его ждать. У Мраморной пагоды. Эту пагоду высотой двести футов было хорошо видно отовсюду.

— Но зачем, тайпан? — недоумевал Маусс. — Это опасно. К чему весь этот риск, hein?

— Вы просто будьте там, Вольфганг, — ответил ему Струан.

Когда сампан подошел к причалу, Струан подобрал несколько корзин, которые приготовил заранее, и заторопился через толпу к воротам парка. Никто не обратил на него внимания. Очутившись в здании фактории, он отбросил корзины в сторону, подбежал к окну столовой и осторожно выглянул наружу через щель между портьерами.

Его лорча была уже далеко. Брок вышел на стремнину, набирая скорость. Его паруса наполнились попутным бризом. Горт отдавал распоряжения на полуюте, и до Струана доносились обрывки его ругательств. Брок стоял у левого фальшборта и вглядывался куда-то вниз по течению, Варгаш только что закончил проверять, все ли клерки на месте, и теперь возвращался назад.

Струан выскочил из столовой и быстро взбежал по лестнице вверх. С лестничной площадки он видел, как Варгаш вошел в холл фактории, проверил напоследок, все ли в порядке, и вышел. Струан услышал, как в замке повернулся ключ. Облегченно вздохнув, он по узкой лесенке поднялся на чердак. Здесь, пробравшись через груды старых ящиков, он стал осторожно продвигаться к передней стене.

— Хэллоу, тайпан, — раздался голос Мэй-мэй. Она была в своих лоснящихся от грязи штанах женщины-танка и стеганой куртке, правда на этот раз решила не пачкать лицо. Девушка сидела на коленях на толстой подстилке позади каких-то ящиков. А Гип поднялась и поклонилась ему, потом снова села на корточки рядом с небольшим узелком одежды и кухонной утвари. Мэй-мэй жестом показала на другую подстилку напротив нее и на доску для триктрака с расставленными фишками. — Мы играем по тем же ставкам, хейя?

— Подожди минутку, девочка.

На чердаке было два слуховых окна: одно в крыше и еще одно в передней стене. Отсюда Струан мог наблюдать за всей площадью, не боясь быть замеченным. Внизу торговцы все еще сушили, переругиваясь, меняя что-то в последний момент.

— Ты заметила меня?

— О да, очень, — ответила Мэй-мэй. — Но мы смотрели сверху. Может быть, внизу никто и не видел. Зачем Брок ударил своего сына, хейя?

— Я и не знал, что он это сделал.

— Ударил. Два раза. Зачем такие удары? Мы смеялись, пока чуть-чуть не задохнулись. Сын едва не ударил его в ответ. Надеюсь, они подерутся — убьют друг друга, — тогда и денег возвращать не надо. Я по-прежнему думаю, что ты фантастический сумасшедший, что не заплатил пирату, который убьет его. Это так просто. — Она было села на подстилку, но тут же, чертыхнувшись, вернулась на колени.

— В чем дело?

— Попа. Она все еще болеет.

— Она все еще *болит*.

— Нет, болеет. Это я в шутку. Ай-йа, на этот раз я разобью тебя в пухи и прахи и верну все мои деньги. — С невинным видом она добавила: — Сколько я тебе должна? Четырнадцать тысяч?

— У тебя очень хорошая память. — Он опустился на подстилку и взял стаканчик с костями. — Четыре игры. Потом спать. У нас впереди долгая ночь. — Он бросил кости, и у нее вырвалось проклятье:

— Вот это йосс! Две шестерки, две шестерки, чума на две шестерки! — Потом бросила кости она, и у нее выпало столько же. Мэй-мэй с треском поставила стаканчик на пол и торжествующе вскрикнула: — Милые, добрые, чудесные две шестерочки!

— Не так громко, или мы прекратим игру.

— Нам нечего бояться, тайпан. Бросай! Мой йосс сегодня просто огромный.

— Будем надеяться, что это так. И что его хватит на завтра!

— Эй-йа, завтра, тайпан! Сегодня. Только сегодня и имеет значение. — Она бросила снова, опять выпали две шестерки. — Ах вы, мои милые, мои чудные косточки, я вас обожаю. — Она нахмурилась. — Что такое значит «обожаю»?

— «Люблю».

— А «люблю»?

Струан прищурился и погрозил ей пальцем:

— Тебе не удастся снова втянуть меня в этот разговор.

Однажды он попробовал объяснить ей, что такое любовь. Но в китайском языке не нашлось слова для обозначения того, что вкладывают в это понятие европейцы.

Большие часы внизу начали отбивать одиннадцать. Струан устало пошевелился на своем посту у окна в стене. Мэй-мэй спала, свернувшись калачиком, рядом с ней А Гип бесформенной грудой привалилась к покрытому белесой плесенью ящику. Несколько часов назад он ненадолго заснул, но сны его были тревожны, фантастические видения перемешивались в них с реальностью. Он видел себя на борту «Китайского облака» придавленным целой горой серебряных слитков. В каюту вошел Жэнь-гуа и освободил его из-под серебряной груды, а потом забрал все себе в обмен на гроб и двадцать золотых гиней. А в следующий миг он уже был не на корабле, а на берегу — в Большом Доме на круглом холме. Уинифред принесла ему три вареных яйца, и он начал завтракать, как вдруг голос Мэй-мэй спросил из-за спины: «Кровь Христова, как ты можешь пожирать неродившихся детей курицы?» Обернувшись, он увидел ее — нагую и до боли прекрасную. Уинифред спросила: «А мама была такой же красивой без одежды?» — и он ответил: «Да, только по-другому» — и тут внезапно проснулся.

Мысли о семье, пришедшие вместе со сном, опечалили его. Нужно будет в скором времени съездить домой, подумал он. Ведь я даже не знаю, где они похоронены.

Он потянулся и стал наблюдать за движением на реке и размышлять о Рональде и Мэй-мэй. Какие они все-таки разные, даже очень — вернее, были разные. Я равно любил их обеих. Рональде бы очень понравился Лондон, красивый столичный дом, поездки на воды в Брайтон или Бат летом. Она идеально справлялась бы с ролью хозяйки на всех званых ужинах и балах. Но теперь... Теперь я один.

Возьму ли я Мэй-мэй с собой, когда решу вернуться в Англию? Может быть. В качестве тайтай? Исключено. Потому что это закроет передо мной двери тех, кого я должен буду использовать.

Он отвлекся от этих мыслей и сосредоточил все внимание на площади. Она была пуста. Знаменосцы ушли с наступлением сумерек. Теперь всю ее заливал тусклый лунный свет. Струан смотрел на нее поверх посеребренных луною крон деревьев, и ему казалось, что в этой пустоте притаилось что-то зловещее и жестокое.

У него слипались глаза. Ты не можешь заснуть сейчас, постоянно твердил он себе. Да, но я так устал.

Он поднялся на ноги, потянулся и снова устроился у окошка. Часы пробили четверть, потом половину, и он решил про себя, что еще через четверть часа разбудит Мэй-мэй и А Гип. Спешить пока некуда, говорил Струану его внутренний голос. Он не позволял себе

думать о том, что случится, если лорча не появится. Его пальцы нащупали в кармане четыре половинки монет, и мысли его в который раз вернулись к разговору с Жэнь-гуа. Какие услуги и когда?

Теперь он отчасти понимал, что руководило старым китайцем. Это понимание пришло к нему сегодня утром, когда он увидел Тисэня в цепях. Стало ясно, что дело закончится новой войной. Британия, конечно же, выиграет ее, и торговля, конечно же, возобновится. Но уже ни в коем случае не по Восьми правилам. Следовательно, кохонг лишится своей монополии и отныне каждый будет сам за себя. Отсюда и условие Жэнь-гуа торговать только с ним в течение следующих тридцати лет: старик просто укреплял свои деловые связи на три десятилетия вперед. Это характерно для китайцев, подумал Струан: беспокоиться не о сиюминутной выгоде, а об устойчивом доходе на долгие годы.

Все это верно, но что же в действительности задумал Жэнь-гуа? Зачем ему земля на Гонконге? Зачем давать сыну «варварское» воспитание, чего он рассчитывает этим добиться? И в чем будут заключаться эти четыре услуги? Другой вопрос: теперь, когда ты согласился и связал себя словом, как ты собираешься держать его? Как ты сможешь заставить Робба и Кулума соблюдать условия сделки?

Струан задумался. Он перебрал в уме дюжину вариантов, пока не нашел наконец ответ. Все его существо восставало против того, что ему придется сделать, но он был уверен: иного пути нет. Затем, приняв решение, он занялся другими проблемами.

Как быть с Броком? И с Гортом? В какой-то момент там, на причале, он был готов довести дело с Гортом до конца. Еще одно слово — и ему пришлось бы открыто вызвать его. Закон чести потребовал бы — и позволил — поставить Горту на место. Ударом ножа в живот. Или плетью.

А Кулум? Что у него за планы? Почему он ни разу не написал мне за эти две недели? Да и Робб тоже. И сколько глупостей нагородил Лонгстафф в его отсутствие?

Часы пробили три четверти двенадцатого. Струан разбудил Мэй-мэй. Она зевнула и сладко, по-кошачьи, потянулась. А Гип поднялась, едва он успел отойти от окна, и уже начала собирать свои узлы.

— Лорча прибыла? — спросила Мэй-мэй.

— Нет. Но мы можем спуститься вниз и приготовить.

Мэй-мэй шепотом сказала несколько слов А Гип, и та вынула заколки из ее волос и принялась энергично их расчесывать. Мэй-мэй закрыла глаза, целиком отдавшись удовольствию. Затем А Гип заплела волосы своей госпожи в косу, как это делали женщины-танка, перевязала ее красной лентой и перебросила за спину.

Мэй-мэй повозила руками по пыльному полу и измазала себе лицо.

— Чего только я не делаю для тебя, тайпан. Эта мерзкая грязь разрушит все совершенство моей прекрасной кожи. Мне понадобится много серебра, чтобы восстановить его. Сколько дашь, хейя?

— Марш отсюда!

Они осторожно спустились в столовую. Струан знаком приказал им сесть и терпеливо ждать, а сам подошел к окну. Площадь была по-прежнему безлюдна. В плавающих деревнях на сбившихся в тесные кучки сампанах горели масляные фонари. Время от времени откуда-то доносился лай собак, становились громче и затихали спорящие голоса, иногда слышался смех и радостные восклицания — и ни на минуту не умолкало сухое постукивание костяшек маджонга о доску или столик, сопровождаемое монотонным бормотанием. От котлов, в

которых варилась пища, поднимался густой пар. Звуки, запахи, бесчисленные лорчи, джонки, сампаны, теснившиеся возле берега, — все казалось Струану привычным и нормальным. Тревожила лишь пустота на площади — он предполагал, что там будут люди. Теперь же им предстоит бежать по открытому пространству, а при свете луны их будет видно за сотни шагов.

Пробило полночь.

Он ждал, напряженно всматривался в огни на реке и снова ждал.

Минуты стали длиннее: казалось, прошла целая вечность, когда гулкий удар возвестил четверть первого. Потом половину.

— Может быть, лорча стала южнее, — сказала Мэй-мэй, пряча зевок.

— Возможно. Мы подождем еще полчаса, потом пойдем посмотрим.

Почти ровно в час он заметил два огня на лорче, спускавшейся вниз по течению. Лорча была еще слишком далеко, чтобы он мог разглядеть нарисованный красным глаз. Затаив дыхание, Струан ждал. Лорча шла мягко, но казалась неповоротливой и медленной на воде. Это был добрый знак, потому что слитки должны были быть тяжелыми. Миновав северный конец поселения, лорча изменила курс и подобралась к причалу. Два китайца из ее команды прыгнули на берег со швартовыми в руках и привязали ее. Струан с облегчением увидел, как другой китаец прошел на нос, задул горевший там фонарь и зажег его снова, как было условлено.

Шотландец вглядывался в полутьму, стараясь заранее обнаружить какую-нибудь скрытую опасность. Но не почувствовал ее. Проверив pistols, Струан заткнул их за пояс:

— А теперь — за мной, быстро!

Он прошел к входной двери, отпер ее и провел женщин через парк. Выйдя за ворота, они заторопились через площадь. Струану казалось, что весь Кантон смотрит на них. Приблизившись к лорче, он увидел красный глаз и узнал на полуюте человека, который провожал его к Жэнь-гуа. Струан помог Мэй-мэй подняться на борт. А Гип легко вспрыгнула на лорчу без посторонней помощи.

— Почему два колова чилло, хейа? Нет мозна! — сердито сказал китаец.

— Твое имя как, можно? — спросил Струан.

— Вэн, хейа!

— Корова чилло мой. Отчаливай, Вэн!

Вэн заметил маленькие ноги Мэй-мэй, и его глаза сузились. Ее лица он не мог разглядеть из-за широкой соломенной шляпы, надвинутой низко на лоб. Струану не понравились ни колебания Вэна, ни то, как он посмотрел на Мэй-мэй.

— Отчаливай! — резко повторил он, стукнув кулаком по фальшборту.

Вэн скороговоркой протараторил приказ. Швартовы отвязали, и лорча отошла от причала. Струан подвел Мэй-мэй и А Гип к трапу, и они спустились на нижнюю палубу. Здесь он повернул к корме, где обычно располагалась капитанская каюта, и открыл дверь. Внутри он увидел пятерых китайцев. Знаком он приказал им выйти. Они неохотно подчинились, оглядывая Мэй-мэй сверху донизу. Им тоже бросились в глаза ее маленькие ноги.

Каюта была крошечной, с четырьмя койками, грубым столом и скамьями. Здесь пахло пенькой и тухлой рыбой. Вэн стоял в дверях, пристально разглядывая Мэй-мэй.

— Почему колова чилло? Нет мозна.

Струан не обратил на него внимания.

— Мэй-мэй, твоя запирает дверь, хейа? Только открывать дверь мой стук, ясно?

— Ясна, масса.

Струан подошел к двери и, махнув рукой Вэну, вышел из каюты. Он подождал, пока за ними лязгнет запор, и сказал:

— Трюм ходить!

Вэн проводил его в трюм. Сорок ящиков двумя ровными рядами стояли по бортам, оставляя в середине широкий проход.

— Что в ящиках, хейа? — спросил Струан.

— Зачем твоя говолить, хейа? — с удивлением посмотрел на него Вэн. — Все как масса Жэнь-гуа говолить.

— Сколько люди знать?

— Моя только! Все знать — ай-й-йа! — Вэн чиркнул пальцем по горлу.

Струан хмыкнул:

— Охраняй дверь!

Он наугад выбрал один ящик и ломиком вскрыл его.

Некоторое время он не отрываясь смотрел на серебро, потом взял в руки слиток из верхнего ряда. Он почувствовал, как напрягся Вэн, и это усилило его собственную напряженность. Положив слиток на место, Струан закрыл крышку.

— Почему колова чилло? — опять повторил Вэн.

— Корова чилло мой. Конец. — Струан подергал крышку и убедился, что она опять прочно приколочена.

Вэн засунул большие пальцы рук за пояс своих потрепанных штанов.

— Чоу? Мозна?

— Можно.

Струан поднялся на верхнюю палубу и осмотрел паруса и рангоут. Небольшая четырехфунтовая пушка располагалась на носу, и еще одна такая же — на корме. Он убедился, что обе заряжены, проверил затравку и пороховые ящики — ящики были полные, порох сухой. Ядра и картечь лежали рядом. Он приказал Вэну собрать всю команду на палубе и взял в руку кофель-нагель. Всего на лорче оказалось восемь человек.

— Твоя говорить люди, — обратился он к Вэну, — все ножи, все бум-бум на палубу быстро раз-раз. Быстро-быстро.

— Эй-йа, нет мозна, — запротестовал Вэн. — Сильно много пилата лека есть. Сильно...

Он не договорил — кулак Струана врезался ему в горло и отбросил к фальшборту. Матросы что-то злобно затараторили и приготовились броситься на Струана, но поднятый кофель-нагель охладил их пыл.

— Все ножи, все бум-бум на палубу, сильно быстро, — повторил Струан металлическим голосом.

Вэн с трудом поднялся на ноги и пробормотал несколько слов на кантонском наречии. После зловещего молчания он швырнул свой нож на палубу, и остальные, ворча и качая головами, последовали его примеру. Струан велел Вэну собрать ножи и завернуть их в кусок мешковины, валявшийся на палубе. Затем он приказал матросам повернуться к нему спиной и принялся обыскивать их. У третьего по счету он обнаружил маленький пистолет и рукояткой ударил китайца сбоку по голове. Еще четыре ножа звякнули о палубу, и краем глаза Струан увидел, как Вэн украдкой выбросил за борт небольшой боевой топорик.

Закончив обыск, он приказал всем оставаться на палубе, а сам собрал оружие и внимательно осмотрел все судно. Внизу никто не прятался. За какими-то ящиками он обнаружил тайник с четырьмя мушкетами, шестью мечами, четырьмя луками со стрелами и тремя боевыми цепями и перенес все это в каюту.

— Хейа, Мэй-мэй, твоя слышать можно, что наверху есть? — прошептал он.

— Да, — ответила она так же тихо. — Ты всегда говоришь, что при А Гип мы можем спокойно разговаривать по-английски. Ты почему-либо не хочешь сейчас?

— Я забыл. Привычка. Нет, девочка, считай, все в порядке.

— Зачем нужно было ударить Вэна? Жэнь-гуа ведь доверяет ему, нет?

— Наш груз — самый сильный магнит в этом путешествии.

— «Магнит»?

— Да, магнит. Стрелка компаса, помнишь?

— А, теперь понимаю. — Мэй-мэй села на койку, морща нос от запаха гниющей рыбы. — Мне будет очень плохо, если я останусь здесь. Можно мне быть на палубе?

— Подожди, пока мы отойдем от Кантона. Здесь сейчас безопаснее. Гораздо безопаснее.

— Когда мы увидим «Китайское облако»?

— Вскоре после рассвета, если Вольфганг ничего не напутает с местом встречи.

— А это возможно?

— С таким грузом, как у нас, все возможно. — Струан поднял один из мушкетов. — Ты знаешь, как с ним обращаться?

— Зачем мне стрелять из ружьев? Я всего лишь цивилизованная напуганная женщина — очень красивая, согласна, но никаких ружьев.

Он показал ей, что нужно делать.

— Если кто-то, кроме меня, войдет в эту каюту, убей его.

Струан вернулся на палубу, прихватив с собой другой мушкет.

Лорча вышла на середину реки. Полная луна заливала ярким светом все вокруг. Сидя низко в воде, лорча тяжело и лениво продвигалась по течению, делая около четырех узлов. Они все еще плыли мимо предместий Кантона, и по обе стороны вдоль берега тянулась нескончаемая череда плавучих деревень. Время от времени им попадались сампаны и джонки, пробирающиеся вверх по течению. Река здесь была шириной около полумили; и впереди, и позади них спускалось по течению много лодок всех размеров.

Взглянув на небо, Струан определил, что погода будет ясной, но ветер показался ему мягким, сухим, совсем без влаги, и как бы бестелесным, ненаполненным. Опыт подсказывал ему, что такой ветер скоро стихнет и значит скорость их еще больше упадет. Но это его мало тревожило; он столько раз проделывал этот путь, что знал наперечет все мели, протоки, рукава и помнил все вехи.

Путь к Кантону по воде посреди огромного количества больших и малых островов, разбросанных на площади почти в сто квадратных миль, мог стать тяжелым испытанием для человека, очутившегося здесь впервые. Существовало много разных путей вверх по течению. Много их было и для тех, кто направлялся вниз, к морю.

Струан был счастлив вновь оказаться на судне. И счастлив, что путь к Мраморной пагоде наконец начался. Он твердо стоял на ногах, легко покачиваясь вместе с лорчей. Вэн занял место рядом с кормчим, а остальные матросы разбрелись по палубе со злыми, недовольными лицами. Взглянув на нос, Струан убедился, что наблюдатель находится на своем месте.

В полумиле впереди лежал остров. Перед ним была мель, которой следовало избежать. Струан ждал, не говоря ни слова. Он услышал, как Вэн отдал распоряжение рулевому, и тот переложил румпель, направив лорчу в сторону от мели. Хорошо, подумал Струан, значит Вэн, хотя бы отчасти, знает эти воды. Ему очень хотелось посмотреть, какой путь Вэн выберет, чтобы обогнуть остров. Оба пути были удобными, но северный считался чуть лучше южного. Лорча изменила курс и направилась в северный рукав. Струан повернулся, покачал головой и показал рукой на южный, чтобы обезопасить себя на случай, если Вэн задумал устроить там засаду.

Рулевой покосился на Вэна, ожидая подтверждения. Струан лишь чуть-чуть подался в его сторону, и румпель быстро перешел в противоположное положение. Паруса захлопали, на мгновение потеряв ветер, и лорча легла на указанный курс.

— Зачем ходить тот долога, хейа? Зачем моя бить? Сильно плохо. Сильно. — Вэн отошел к фальшборту и устремил взгляд в темноту ночи.

Ветер немного посвежел, и лорча прибавила в скорости, входя в южный рукав. На пределе их галса Струан сделал рулевому знак переложить румпель. Лорча медленно повернула, легла на новый галс, и ветер наполнил хлопающие паруса. Над палубой закрипели гики, судно вдруг слегка накренилось и опять начало набирать скорость.

Струан приказал поставить паруса к ветру, и около получаса лорча гладко скользила по воде, ничем не выделяясь среди других лодок. Внезапно краем глаза Струан заметил большую лорчу, быстро приближающуюся к ним с наветренной стороны. На носу лорчи стоял Брок. Струан пригнулся, бросился к румпелю и оттолкнул рулевого. Вэн и рулевой изумленно посмотрели на него и что-то возбужденно затараторили, вся команда следила за Струаном.

Он круто перевел румпель вправо, моля Бога, чтобы лорча быстро послушалась руля. До него чуть слышно донесся голос Брока: «Ну-ка, право руля, живее!» — и он почувствовал, как его паруса потеряли ветер. Струан рванул румпель в другую сторону, чтобы развернуться и поменять направление на противоположное, — бесполезно, судно его не слушалось. Лорча Брока подошла к ним бортом, он увидел, как взлетели вверх абордажные крючья и намертво впились в их фальшборт. Струан поднял мушкет.

— О, да это ты, Дирк, клянусь Богом! — крикнул Брок, изображая крайнее удивление. Он, широко улыбаясь, облокотился на фальшборт.

— Абордажные крючья являются актом пиратства, Брок! — Струан перебросил нож — рукояткой вперед — Вэну. — Крючья рубить быстро раз-раз!

— Прав ты, парень, прав. За крючья прошу прощения, — отозвался Брок. — Я было подумал, что твоей лорче понадобился буксир. Да и флага твоего на мачте не видно. Ты, может, теперь его стыдишься?

Струан видел, что команда Брока вооружена и стоит по местам. Горт расположился на полуюте рядом с небольшим фальконетом на вертлюжной подставке, и, хотя орудие не было направлено в его сторону, Струан знал, что оно заряжено и готово к бою.

— В следующий раз, когда ты бросишь абордажные крючья на мой корабль, я буду считать тебя пиратом и разнесу тебе голову.

— Разрешение ступить на борт, Дирк?

— Да.

Брок проскользнул между такелажными тросами своей лорчи и перепрыгнул на лорчу Струана. Три человека вскочили на фальшборт, готовясь последовать за ним, но Струан

поднял мушкет и прокричал:

— Стоять на месте! Хоть один ступит на борт без разрешения, и я отправлю вас прямо в ад.

Матросы, качнувшись вперед, остановились.

— Совершенно верно, — кивнул Брок с сардонической усмешкой. — Таков морской закон. Капитан приглашает на борт кого захочет. Стойте где стоите.

Струан подтолкнул Вэна вперед:

— Руби крючья.

Перепуганный китаец подбежал к борту и начал кромсать веревки. Горт развернул фальконет, и Струан прицелился в него.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Cloud (*англ.*) — облако.

Господи на небесах (нем.).

Старое название Тасмании.

Фамилия «Лонгстафф» состоит из двух слов и означает дословно «длинный жезл».

Сак — белое сухое вино типа хереса, импортировавшееся из Испании.

Шотландский народный танец.

Безусловное право собственности на недвижимость.

Каменная стена, пересекающая север Англии. Построена по приказу императора Адриана в 122–128 гг. для защиты римской Британии от северных племен.

Танка (даньцзя), или люди, в лодках; традиционно проводили всю жизнь на джонках.

Чертовски (нем.).

В крикете два первых бэтсмена, которые начинают матч, как правило, не являются самыми сильными игроками команды. Лучший бэтсмен команды — третий номер, который сменяет выбывающего из игры номера первого.

Завершающий удар, которым добивали поверженного или смертельно раненного противника (*фр.*).

Повод к войне (лат.).

Матерь Божья (*португ.*).

Названия самых престижных частных школ в Англии.

Благородство обязывает (*фр.*).

Добрый день (*португ.*).

Род цитрусовых.

Доктрина, провозглашенная президентом Монро в обращении к конгрессу 2 декабря 1823 г., согласно которой США намерены рассматривать как враждебный акт любую попытку европейской державы вмешаться в дела американских государств или расширить свои владения на обоих американских континентах.

Мерзкий ублюдок (*португ.*).

Боже милостивый! *(лат.)*

Во имя Отца, Сына и Святого духа *(лат.)*.

Около 40 м.

Район лондонских доков.